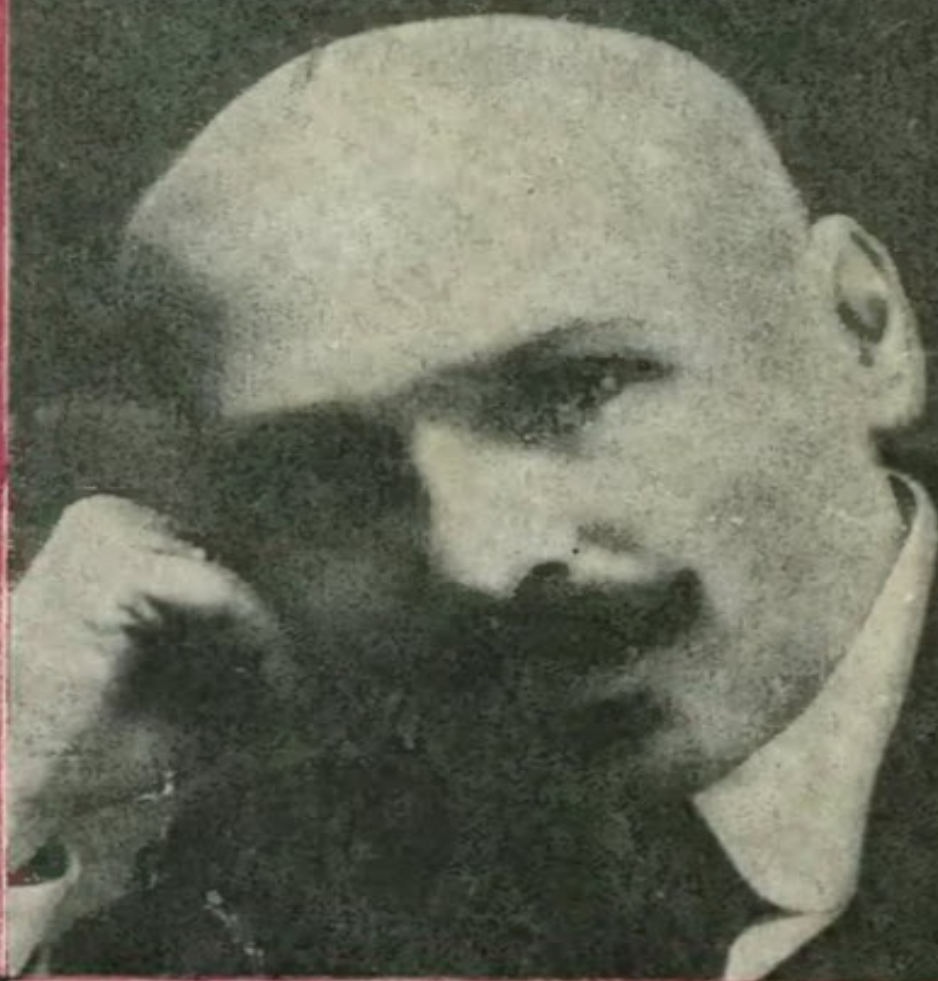

МИХАИЛ КОЦЮБИНСКИЙ

Ирина
Кочюбинская

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

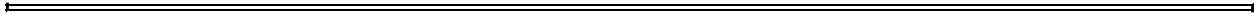

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 6
(466)

МОСКВА
1969

Ирина Коцюбинская

МИХАИЛ КОЦЮБИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Авторизованный перевод с украинского

Татьяны Стах

Научный редактор *Н. Надъярных*

М., «Молодая гвардия», 1969

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАДИ ОБЩЕГО БЛАГА

— Ах, да оставьте меня, наконец, в покое, — притворно сердится бабушка, когда мы, дети, докучаем ей просьбами рассказать о детстве отца. Нас интересует все: и где он жил, и как учился, и по каким селам и городкам колесил со своей семьей.

Бабушка продолжает отнекиваться, ссылаясь на дела, но по ее лицу мы видим, что она уже согласна и ждет только, чтобы мы еще хорошенько ее попросили. Мы целуем бабушкины руки с пожелтевшими от табака пальцами, обнимаем сгорбленные плечи.

Она уже старая, наша бабушка. А в молодости до чего же была хороша! Тогда ее величали не Гликерией, а по-польски — Луцею. Со старинной фотографии на нас глядит бледное, тонкое лицо, на губах легкая улыбка. Ласковые и чуть усталые глаза. Прическу украшают шелковые белые лилии. Темное платье с белой гофрированной бертой у выреза на груди облегает стан.

...Не в силах противостоять нашей ласке, бабушка соглашается.

— Ах вы, шалуны... милые вы мои! Ну уж ладно, слушайте...

Она откладывает в сторону шитье, а мы устраиваемся на широкой балконной скамье, затененной сплошной стеной винограда. Бабушкин пестунчик — Ромця — садится на маленькой скамеечке у ее ног.

Речь у бабушки колоритная, красочная. В Чернигове когда-то говорили, да и сейчас кое-где говорят на диалекте, в котором сказывалось влияние белорусского и русского языков. Но бабушкин говор был чище и правильнее, хотя в нем и проскальзывали полонизмы — молодость бабушки прошла на Подолии. Свой рассказ она пересыпала пословицами, прибаутками и такими явно польскими словами, как пательня, поренчи, деки, умбрелька, праженя, смаженя. Тех, кто был ей не по нраву, она неизменно величала: «кавалер с крулевской псарни».

...Гликерия Максимовна родилась в 1837 году в культурной семье. Мать ее — польская шляхтянка, а отец — Максим Абаза — офицер в чинах, сосланный в Винницу из Петербурга за какие-то офицерские провинности. Впоследствии, в чине генерала, он доживал свой век в Тульчине^[1]. Максим Абаза вел род от молдавских господарей, владел пятьюдесятью десятинами земли вблизи станции Абамеликово (между

Вапняркой и Котовским). В Виннице он приобрел земельный участок на Замостье, назвал его Абазивка и построил дом для своих детей — Андрея, Александры, Марии и Гликерии. Впоследствии эта усадьба была дана Гликерии Максимовне в приданое.

Бабушка получила светское воспитание, хорошо владела польским языком. Она считала себя дворянкой и родственницей сенатора Н. С. Абазы — члена Государственного совета в Петербурге, о чем неоднократно вспоминала, советуя среднему сыну обратиться к знатному родственнику за протекцией^[2].

В лучшие времена своей жизни она «одевалась с шиком, в церковь ходила в черных дорогих платьях с длинейшими шлейфами, задавала тон, держала себя солидно... А на банкетах действительно выделялась среди окружающих, выглядела как настоящая королева»^[3].

В 1863 году Гликерия Максимовна вышла замуж за вдовца Михаила Матвеевича Коцюбинского 1826 года рождения — нашего деда. Первая его жена — сестра заседателя Винницкого суда Олимпиада Андреевна Рыбицкая — прожила с ним недолго, оставив двух малолетних детей: Марию и Софью.

Коцюбинские происходили из старинного украинского рода. В нашей семье хранился документ — выписка из протокола депутатского дворянского собрания Подольской губернии от 28 февраля 1832 года, написанная по-польски на двух гербовых листах, где говорилось, что Матвей Коцюбинский (наш прадед) получил эту выписку из протокола дворянского собрания, постановившего о приобщении к дворянству всех его восьми сыновей (Антон, Андрея, Александра, Михаила, Анания, Петра, Николая и Владимира), и что род наш записан в 6-ю часть родовых книг, в которых перечисляются дворянские роды, доказавшие свое происхождение за 300 лет до составления дворянских грамот^[4].

Как видно, этот документ не распространялся на следующее поколение Коцюбинских; по сословному положению мы принадлежали уже к мещанам. Но бабушка продолжала гордиться своим происхождением, хотя отец с матерью и относились к ее притязаниям весьма иронически.

О буйном нраве пращура Коцюбинских — униатском священнике Федоре Коцюбинском — в семье сохранились воспоминания, близкие к легенде. Мы, дети, с замиранием сердца слушали рассказы бабушки о его похождениях, которые были зафиксированы также в материалах истории православной церкви. Одна из записей гласила, что «23 декабря 1773 года Федор Коцюбинский, будучи в то время священником в селе Вишновцы,

вместе с униатским деканом Иваном Разворовичем захватили церковь в селе Бортники, где правил службу православный священник Илья Павлюковский. Они отняли у Павлюковского евангелие, оттолкнули от престола, сняли антиминс, спрятав его в книгу. Учинивши погром на жертвеннике, Федор Коцюбинский в довершение угостил схизматика Павлюковского «поносными словами». Только солдаты карабинерского полка смогли вновь вернуть церковь в лоно православия. Но рьяный униат Коцюбинский не успокоился. В ночь под 24 декабря он напал на дом того же Павлюковского и, вооружившись топором, пытался отбить церковь, но не успел и вынужден был оставить село Бортники»^[5].

Сын его Матвей Федорович (1780 года рождения) не в пример отцу был спокойного нрава. Он перешел в православие и, когда ему исполнилось двадцать восемь лет, получил в селе Нестеровцах в восьми верстах от Дунаевец православную парафию. Это было в 1808 году. Матвей Коцюбинский прослужил в этой парафин сорок два года. Умер он 5 июля 1850 года. Погребен там же, возле церкви.

Такова родословная молодой четы Коцюбинских. 5 сентября (по старому стилю) 1864 года в Виннице у них родился первенец — Муся, как бабушка ласково называла нашего отца. После него появились на свет еще четверо: Лидия, Хомка, Леня и Ольга.

Дед был веселый, живой, добрый, но вспыльчивый. Служил он мелким чиновником. На двадцать пятом году жизни получил чин коллежского регистратора, о чем был издан указ от 16 февраля 1855 года, а позже дослужился до титулярного советника. Должности он занимал небольшие: волостного писаря, деловода мещанской управы и в конце служебной карьеры был третьим помощником волостного писаря. Стремясь устроиться на работу получше, дед просил своих знакомых написать ему «чувствительное прошение», в котором ссылался на свою «плачевную долю». О доле этой можно судить по размеру пенсии — 7 рублей 32 копейки в месяц, которую Черниговское казначейство выплачивало бабушке после его смерти.

Семья Коцюбинских отличалась радушием и хлебосольством. Часто приглашали к себе лирников, бандуристов, угощали их и слушали печальные старинные украинские песни. Желанным гостем был слепой лирник Куприян. Как вспоминает Коцюбинский, в девять-десять лет он и сам стал сочинять песни по образцу народных, а в двенадцать написал даже большую повесть из финской жизни на русском языке.

К празднику в семье белили хату, расписывали красной и синей глиной пол, рисовали петушков на печи. Праздники по традиции оформляли с той

простотой и наивностью, которая свойственна старосветским людям. В сочельник обеденный стол устилали душистым сеном и покрывали чистой скатертью, посредине клали паляницу в виде запеленатого ребенка. За стол садились, как только на небе загоралась первая звезда. Ели юшку из соленой рыбы, кутью из пшеницы и узвар с фигами. В первый день рождества пели колядки. На Новый год посеяли в хате пшеницей, чтобы хлеб родил, чтобы жилось богато, а на масленицу мастерили так называемые колодки с подарками и на разноцветных лентах вешали их знакомым парубкам на плечо, за что непременно следовал выкуп орехами или сладостями.

«...Этот свят-вечер, маланки, эти колядки и щедривки имеют для меня особое значение, будят во мне воспоминания счастливых детских лет, веют поэзией давних доисторических времен...» — писал Михаил Михайлович позже своей невесте Вере Дейше в новогоднюю ночь кануна 1896 года.

Детские годы писателя проходили в Виннице в атмосфере любви и забот. Няня Хима ухаживала за ребенком, мать не чаяла в нем души.

Но вскоре все стало совсем по-иному.

Не потерпевший лихоимства начальства дед в 1874 году лишился работы, и Коцюбинские были вынуждены переехать в город Бар. Скрепя сердце деду пришлось согласиться на должность полицейского смотрителя, другой службы не было, а надо было жить и учить подрастающих детей.

Семья поселилась в домике купцов Штоков, расположенном вблизи городского сада и развалин старинной крепости. Муся часто бродил у крепостных стен, притягивавших его своей таинственностью. Здоровьем он отличался слабым и потому вначале занимался дома с учителем, а осенью 1875 года поступил в третий (последний) класс городской народной школы в Баре.

По воспоминаниям современников был он «сосредоточен и серьезен не по годам. Учитель никогда не наказывал его, не бил линейкой по рукам, не ставил на колени. К товарищам он относился хорошо, ко всем одинаково внимательно, не делая различия между евреями, русскими, поляками»^[6].

Темные, слегка вьющиеся волосы зачесаны набок, одевался неизменно скромно, но всегда со вкусом: курточка с белым воротничком и манжетами, короткие штанишки, ботинки на пуговках. Все это резко отличало его от неуклюжих поповских недорослей.

В большом почете в семье Коцюбинских были книги. Часто читали вслух. «Сон», «И мертвым и живым» Тараса Шевченко все знали наизусть. Из русской литературы отдавали предпочтение Некрасову.

Михаил Матвеевич не ужился и на новом месте, и семейство

продолжало колесить по Подолии..

Воспоминания бабушки об этих переездах вызывали в нашем воображении местечковые повозки — балагулы с дребезжащими во время езды старыми ведрами. Трясаясь по ухабистым дорогам, они везли нехитрый скарб Коцюбинских. На передке дремлет коренастый замусоленный балагульщик. Сонным голосом он изредка покрикивает на своих кляч. Когда изнуренные зноем лошади останавливаются, возница просыпается и начинает, звонко щелкая, отчаянно махать кнутом.

Наконец короткая передышка у колодца. Пока поят лошадей, путники могут выйти из повозки, размять ноги. Дно деревянного ведра, прикрепленного к колодезному журавлю, глухо ударяется о холодную воду. Наполнив ведро до краев, выливают воду в деревянный желоб. С мягких лошадиных губ прозрачными каплями стекает вода. Вокруг колодца сыро. Трава местами вытоптана. Высокая раскидистая верба защищает путников от солнца. Только шустрый мальчик с бледным лицом не прячется в тень. Он всюду заглядывает, его интересуется любая мелочь.

— Муся! — окликает его мать. — Муся, пора!

И снова гремят старые ведра, «вьокает» возница, и, отгоняя назойливых мух, машут хвостами лошади.

Вот и городок. Повозка въезжает под своды постоянного двора, и усталые дети попадают под своеобразный навес, там в самый сильный зной — прохлада и полумрак. Пахнет луком и гусиным смальцем: хозяйева готовят ужин. Из конюшни, где смачно похрустывают сеном взмыленные лошади, тянет запахом конского пота.

Навстречу приезжим выходит хозяйка. Она в платке, завязанном под подбородком и аккуратно заложенном за уши. Длинная юбка подоткнута. Ноги в белых чулках обуты в домашние туфли без каблуков. Она готовит путникам постель из перин и грязных, засаленных подушек.

Приходилось ночевать и в поле, под копной сена, и под ветвистым дубом. Хорошо еще, если ночь была теплой. А какво в дождь, ненастье, когда леденящие струи стекают за ворот?

...После окончания школы осенью 1876 года Муся поступил в первый класс шаргородского духовного училища вблизи Бара; далеко отпустить своего любимца Гликерия Максимовна не решалась. Устроили Мусю на частной квартире Викуловой. Мать часто приезжала к нему, привозила гостинцы.

Семья Коцюбинских между тем продолжала свои странствия. Недолго задержавшись в селе Кукавке, где Михаил Матвеевич получил должность волостного писаря, она летом 1879 года переезжает в Шаргород в надежде

обосноваться здесь более прочно. Вначале остановились в доме Сангушко, а затем поселились у столяра Рогульского. Положение было не из легких. Михаил Матвеевич долго оставался без работы, а скромных доходов от «пансионата» (Гликерия Максимовна вынуждена была держать квартирантов-учеников) едва хватало на то, чтобы учить Мусю.

Схоластическая наука, сухие и жесткие предписания духовного училища угнетали мальчика. Он тянется к старшим товарищам, ему интересны их разговоры и споры. Он читает Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Проявляется в эти годы и литературное дарование будущего писателя.

Первым оценил склонности своего ученика к литературе преподаватель русского языка шаргородского училища Павел Северинович Дложевский. Прочтя в учительской своим коллегам школьную работу Коцюбинского, он воскликнул: «Это будущий писатель, будущий поэт, господа!»

В семье Коцюбинских увлекались любительским театром. В черниговском музее писателя хранится фотография, где отец снят в театральном костюме. Бабушка рассказывала нам, что он играл роль Человеческой совести в пьесе, написанной им самим по мотивам песен и дум времен казацко-крестьянских восстаний.

У Муси с детских лет было сильное влечение к природе. Он любил лежать на берегу реки и глядеть в небо. Его занимали облака, вечно живые в вечном движении. То как бы «...неслись возмущенные толпы, черные от гнева, грозные, с ревом, с грохотом ружей, со вспышками бомб, с багряными флагами». То «радостно и легко плыли веселые стайки в белых и синих воздушных покрывалах, нежные девушки, пышные женщины, розовые дети...».

А в лесу «...над головой причудливо сплетались сучья — клубки желтых змей, качались лохматые ветви, будто зеленые кресла, в которых отдыхало солнце...».

И все же не созерцательность, а решительность суждений и действий была свойственна юному Коцюбинскому. В Кукавке, куда дед попал из Бара после доноса попа Янковского, пятнадцатилетний Муся во время летних вакаций вмешался в судебное дело, стремясь помочь одному крестьянину в иске против богача. Он не побоялся осудить жульнические махинации председателя городского суда, чем завоевал себе авторитет среди молодежи и соответственно восстановил кукавского судью и мирового посредника Коробова против своей семьи. Случай этот стал одной из причин придиорок к Михаилу Матвеевичу, вынудивших его впоследствии отказаться от

должности в волости.

С посредником Коробовым связан еще один кукавский эпизод. Как-то, стараясь досадить Михаилу, Коробов задал ему каверзный вопрос:

— Ты кто таков?

— Творение природы.

— Но бога, как я слышал, ты ведь не признаешь?

— Бог создает чиновников, а природа — людей, — не задумываясь, отчеканил будущий писатель.

Дерзости Михаилу было у кого подзанять. Намного спокойнее жилось бы всей его семье, не будь его отец таким непримиримым ко всякому злу. Рассказывая о Михаиле Матвеевиче, бабушка с гордостью вспоминала, как решительно восставал он за правду, как не терпел насилия. С риском для жизни в 1881 году в селе Станиславчик (теперь Жмеринского района) он прятал евреев на чердаке волостного управления. Разъяренные громилы, узнав об этом, едва не убили Михаила Матвеевича. Гликерия Максимовна добрую неделю после случившегося боялась выходить из дому, она помогала прятать вещи еврейских семей в это страшное для них время.

Не по годам наблюдательный Муся глубоко уважал своих родителей за честность и сострадание к бедному люду. Эти взгляды и чувства сохранились у него на всю жизнь и наложили отпечаток на его творчество.

Жизнь на колесах, постоянные невзгоды и неуверенность в завтрашнем дне постепенно подтачивали семейные отношения. Росло раздражение, вспыхивали ссоры. Дед любил приложиться к чарке, а во хмелю становился необузданным и злым. Семейные неурядицы усугублялись еще и тем, что бабушка, вообще-то ласковая и добрая, к детям относилась неровно. Всю ее поглощала любовь к своему первенцу. Их сближали духовная чистота, тяга к прекрасному, тонкое понимание природы. О своих падчерицах — Манюсе и Зосе — Гликерия Максимовна почти совсем не заботилась.

С годами Михаил Матвеевич все более замыкался в себе, продолжая пить. Кончилось тем, что, больной и озлобленный неудачами, он бросил семью, оставив ее на произвол судьбы, и поселился в селе Тростянце Брацлавского уезда у брата. Там он и умер от туберкулеза в 1886 году.

Положение семьи стало невыносимым, хотя и до того жилось несладко. Когда детям покупали чулки — это, был праздник. В доме порой не было крошки хлеба. Бабушке приходилось изворачиваться и прибегать к разным хитростям. Положит на рассвете в постель вместо себя полено, завернутое в тряпье, чтобы малыши думали, что мать спит, а сама за это время обойдет всех соседей и каждую лавчонку, пока не выпросит в долг

молока, муки и постного масла.

— Это не жизнь была, а кара господня! — вздыхала бабушка.

Силы иссякли, здоровье пошатнулось — она ослепла. Огромных усилий стоило Коцюбинским возвратиться в 1881 году в Винницу. Михаил, как старший в семье, вынужден был сразу же искать себе заработок. Не получив среднего образования, он пополнял знания сам, занимаясь ночами, а днем тайком от полиции, не имея прав учительствовать, давал частные уроки. «Я стал невольником долга, черным волом своей семьи, при чрезвычайно скверном состоянии здоровья»^[7], — вспоминал писатель.

Случалось по несколько дней довольствоваться одним кипятком с сахаром. Тошнотворное сладкое пойло на всю жизнь стало для него символом нужды и мытарств.

Учительствуя в Виннице у Цейслава Неймана, Зосима Недоборовского и графа Грохольского, в подольских селах — то в Михайловке у Мончинских, то в Лопатинцах у Кондрата Мельникова, — молодой репетитор готовил детей к поступлению в школу. Весной Коцюбинского можно было видеть за плугом, он не сторонился крестьян, любил читать им вслух, рассказывал о строении Земли, планет.

Часто бродил он по полям, «...смотрел, как вскипала молодая рожь синей пеной колосьев, как била волнами в черный лес. А лес куда-то шел. Куда-то шагали сосны, ряды высоких пней. На верхушках, желтых, как ананасы, лежали мохнатыми папахами черные короны. За лесом дремали луга, словно стоячие воды под кружевом ряски. По ним блуждали тени летящих облаков, припадали, словно борзые, что-то вынюхивали и исчезали в резедовых просторах».

...Многие друзья Коцюбинского по школе входили в народовольческие кружки. О себе Коцюбинский писал:

«Освободительное движение в России захватило меня в 80-х годах прошлого столетия целиком, и я ходил «в народ», занимался пропагандой на селе. Уже с этого времени полиция начала меня преследовать — и сколько я себя помню, все был под ласковым ее надзором, неоднократно имел большие неприятности, обыски, придирки, запрет служить и даже частным образом зарабатывать на хлеб...»

С этого времени, то есть на семнадцатом году, как уточняет сам Михаил Михайлович, он действительно был взят на учет Подольским губернским жандармским управлением. После разоблачения подольской группы партии «Народная воля» весной 1883 года в винницкой квартире писателя был произведен первый обыск и установлен за ним тайный надзор полиции.

Когда жандармерия явилась с обыском, Михаила Михайловича не было дома. Возвращаясь вечером с урока, он заметил, что возле дома маячит какая-то фигура и время от времени заглядывает в окно. Недолго думая, Коцюбинский огрел палкой любопытствующего стража. Тогда его арестовали, обвинив в нападении на полицию.

Спустя полтора года — 12 ноября 1884 года — у будущего писателя был вторично произведен обыск.

В этом же 1884 году Коцюбинский написал свой первый рассказ «Андрей Соловейко, или Учение — свет, неучение — тьма» и вслед за тем на протяжении двух последующих лет еще два рассказа — «Двадцать первого декабря, на Введение» и «Дядько да тетка».

Все эти рассказы родились из непосредственных наблюдений и размышлений автора. Трудное положение украинского крестьянина, социальное неравенство, поиски правды... Как ответил на них молодой писатель? Как мог, не во всем последовательно, порой ученически, наивно, но искренне, а главное — с большим душевным волнением и болью за судьбу бедняка.

...Небольшое село Босовка. Словно ягнята по зеленому полю, разбежались по пригорку белые хаты. Внизу река с мельницей и запрудой.

Уже само название села заставляет невольно насторожиться — Босовка. Но почему же тогда так привлекательна, так идилична ее панорама? Очень просто — это издалека. На деле это босая, нищая деревня. Рай только внешне, а войди в любую хату — беспросветная тьма и нужда, всюду «своя тоска, свое, горе»...

Так буквально с первых страниц, с первых, что называется, шагов в литературе Коцюбинский определил свою позицию. Он не станет воспевать крестьянский «рай», он слишком хорошо знает, каков он на деле. «За что, не знаю, называют ту хату в гае тихим раем» — эти гневные шевченковские строки он избирает эпиграфом своего рассказа. Молодому Коцюбинскому ясно, почему пропадают дарования, почему гибнут люди — социальные мотивировки у него последовательны и ясны. Но выход из тяжелого положения видит он в нравственном совершенствовании крестьянина, в просвещении. «Учитесь, братья мои, увидите, насколько легче станет ваша жизнь, когда свет науки озарит вас». Так в духе народнических идей морализирует начинающий писатель, призывая идти в деревню, «меж этих несчастных людей».

О своих первых писательских пробах Коцюбинский внимательно выслушивает мнение окружающих. Он любит читать написанное друзьям, близким, советуется с ними.

Учителяствуя в 1886 году в селе Михайловке, он читает «Андрея Соловейко» своей приятельнице Марии Михневич. Позднее этот же рассказ из уст писателя слушает в селе Лопатинцы крестьянин Андрей Дуляк.

В 80—90-х годах Коцюбинский написал и несколько стихотворений. В 1890 году львовский детский журнал «Звонок» публикует его стихотворение «Наша хатка», позже было написано подражание Т. Шевченко «Вечер» и «Марусе М.», посвященное Марии Михневич. Сам Михаил Михайлович относился к своим стихотворным опытам очень строго, к поэтическому творчеству позже не возвращался, печатать стихотворения отдельным изданием не хотел. Но не все здесь, впрочем, было так уж ученически и беспомощно. В стихотворениях начинающего писателя обнаружились черточки его индивидуального дарования: лиризм, умение точно уловить настроение, передать его в выразительных ритмических формах.

Большая семья Коцюбинских между тем постепенно распадалась. Суровая жизнь разбросала детей по белу свету. Сын Фома ушел из семьи, дочь Ольга уже зарабатывала себе на жизнь, устроившись ученицей в пошивочной мастерской Недельской в Виннице. Младший из сыновей, Леонид, после обучения в Каменец-Подольской школе переехал в Киев и занялся торговлей в небольшой лавчонке, перебиваясь, что называется, *с хлеба на квас*. С бабушкой в Виннице остались Михаил, Лидия и Оля. В 1888 году Михаила, двадцатичетырехлетнего юношу, избрали гласным Винницкой городской думы. Большинство вопросов, рассмотренных думой (о выделении 500 рублей для приобретения икон в честь «чудотворного спасения» царя и его семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 года; о питейных заведениях; о постройке духовного училища; о коробочном сборе; о выделении 300 рублей из городских сумм на устройство завтрака по случаю молебствия при открытии Винницкого реального училища), были чужды Коцюбинскому, и протоколы заседаний думы по этим вопросам он или подписывал последним, или не подписывал совсем. 4 октября 1890 года, не дождавшись конца депутатских полномочий, он вышел из состава гласных думы. Эта деятельность была не для него. Он жаждал движения, действий, впечатлений. Он хотел видеть, слышать, впитывать в себя краски и голоса окружающего мира. Какое-то буквально стихийное любопытство тянет его к людям, он засыпает собеседника вопросами о подробностях и деталях, на первый взгляд малозначительных и неинтересных. Он ищет себя, пробует силы в переводах (из Чехова, Достоевского, Гейне, Мицкевича, Ожешко), пишет

научно-популярные статьи и очерки («Жизнь украинцев на малых местах», «Изделия подольских крестьянок на выставке в Чикаго»), создает популярные биографии известных людей («Нюрнбергское яйцо»). Он буквально одержим страстью узнавания и передвижений.

Летом 1890 года в канцелярии киевского губернатора Михаилом был получен заграничный паспорт, и он отправляется во Львов. Готика львовских костелов, роскошные парки, узкие, как ущелья, извилистые улочки перенесли Коцюбинского в другой мир, а встреча с крупнейшим украинским ученым, поэтом, прозаиком и публицистом Иваном Франко наполнила душу восторгом. Да, перед ним был действительно титан! В его присутствии юноша чувствовал себя незрелым, начинающим, неопытным.

Такое именно впечатление и вынес из встречи с ним Иван Яковлевич. В письме М. Драгоманову от И (24) июня 1890 года Франко пишет: «из Украины были здесь двое: д-р Галин из Киева и один молодой человек из Винницы (М. Коцюбинский). С первым я не виделся, со вторым говорил. Он начинающий беллетрист, и ничего более»^[8].

Во Львове завязались и издательские связи молодого Коцюбинского. Он посетил редакции журналов «Правда», «Звонок», «Заря» и «Дело», познакомился с их редакторами: А. Барвинским, В. Шухевичем, Василием Лукичем и И. Белеем. Позже в этих журналах стали печататься его произведения.

В конце августа этого же года осуществилась и давнишняя мечта Коцюбинского побывать в Каневе на могиле Тараса Шевченко. Скромный днепровский пароходик причалил к Чернечьей горе на рассвете. Михаил Михайлович был в толпе крестьян и идущих из Киева богомолков. В руках небольшой этюдник с акварельными красками, альбом. Долго с непокрытой головой стоял Коцюбинский у могилы Кобзаря. «...Печаль камнем отягощает сердце, слезы тихо льются из глаз, когда вспомнишь, кто здесь похоронен... — читаем в его очерке «Шевченкова могила». — Перед глазами встает вся жизнь поэта, его судьбина горькая, его желание хотя бы последние дни провести на родной земле, над Днепром:

*А я так мало, небагато
Благав у бога — тільки хату,
Одну хатиночку в гаю...»*

«Не привелось!» — заключает Коцюбинский.

Очерк «Шевченкова могила», а также, сделанная Михаилом

акварельная зарисовка светелки для приезжих вблизи могилы, были опубликованы в львовском журнале «Звонок» № 5 за 1891 год.

Поездки Коцюбинского укрепили его связи и с прогрессивным миром Киева. К 1892 году относится его знакомство со студентом Николаем Косачем и его сестрой — выдающейся украинской поэтессой Лесей Украинкой. С ними Коцюбинский не раз встречался в семье Стешенко. «Друзья у нас тогда были общие, — вспоминает Оксана Стешенко, дочь известного украинского писателя, театрального и общественного деятеля М. П. Старицкого. — Михаил Коцюбинский, когда приезжал в Киев, бывал нашим частым гостем».

С этого времени между Коцюбинским и Лесей Украинкой завязывается переписка. В 1893 году она пригласит его участвовать в работе журнала «Звонок». «...Мы организовали содружество старших и молодых украинских писателей и поставили перед собой задачу способствовать развитию художественной украинской литературы... Еще раз прошу от имени всех наших товарищей не забывать нас своими трудами»^[9].

Стремясь узаконить право на свою педагогическую деятельность, Коцюбинский в октябре 1891 года, не оставляя занятий с детьми, сдал экстерном экзамен при Винницком реальном училище на звание народного учителя.

Массу жизненных наблюдений принес ему так называемый лопатинский период — 1891–1892 годы, проведенные им «на кондициях» в селе Лопатинцы в качестве домашнего учителя у бухгалтера сахарного завода К. Мельникова.

Писатель тесно сходитя с лопатинскими бедняками. Его друзьями становятся Андрей Дуляк и Мария Ксендз. Он дает крестьянам книги, читает газеты, бывает в корчме, посещает вечерницы и свадьбы.

Бывший ученик Коцюбинского Николай Мельников, вспоминая молодого учителя, рисует его так: «С добрыми, немного печальными карими глазами, заостренной черной бородкой, лысый, с тихим, ласковым голосом, всегда ровный по отношению к людям различного сословия... Мы иногда помогали ему в работе. Сестра моя... со слов крестьян записывала народные песни, сказки, пословицы. Он говорил с крестьянами исключительно на украинском языке, раздавал книги... Такое близкое знакомство интеллигента с «простым» народом было редким исключением в те времена...»

С Андреем Дуляком Коцюбинского связывают многолетние теплые отношения. Михаил Михайлович помогал ему собирать и печатать

фольклорные материалы. У Дуляка было тридцать семь книг, подаренных отцом, почти все с автографами. Среди них — Н. Рубакина «Из тьмы времен в светлое будущее. Рассказы из истории человеческой культуры». Эти связи не ослабевали на протяжении всей жизни писателя. «Благодарю Вас за новости лопатинские. Надеюсь, что многое изменилось у Вас к лучшему... — пишет он Андрею Дуляку. — Может быть, теперь уже больше стало сознательных людей, понимающих, кто они, каких отцов дети, как говорит Шевченко. А если таких мало, то Вы, видевший свет, должны просветить других. Тогда на склоне лет скажете себе: не напрасно я жил на свете, кое-что сделал для людей».

Крестьянская жизнь открылась Коцюбинскому многими важными сторонами. Стали понятнее и ближе нужды бедняка, его психология. Вот почему в рассказах писателя начала 90-х годов в сравнении с его первыми пробами пера 80-х годов исчезает литературщина, меньше становится морализаторских сентенций. Писатель вдумывается и вглядывается в изображаемое. Его интересуют внутренние побуждения поступков человека и их тесная связь с условиями, в которых он живет.

Детские рассказы Коцюбинского: «Харитя» (1891), «Елочка» (1891), «Маленький грешник» (1893) — вошли в фонд нашей классики. Детали, краски, образы — все здесь удивительно точно и законченно. Правда жизни — главное в них. Коцюбинский передает особенности детского мировосприятия, врожденную поэтичность, непосредственность, чувство долга, ранние раздумья крестьянских ребят над жизнью.

Известный в те годы маститый украинский художник слова Панас Мирный в письме М. М. Коцюбинскому от 3 мая 1898 года пишет:

«Прочитал я ее («Харитю»). — И. К.), да и не мог опомниться. В такой маленькой повестушке и столько сказано! Да как сказано! Чистым, словно родниковая вода, народным языком; ярким, как солнечный луч, рисунком; небольшими соразмерными очерками, которые развертывают перед глазами большую — безмерно огромную картину людского горя, красоты мира, обнаруживают бездну мысли, тайные порывы души, тревоги детского сердца!.. Да, так только настоящий художник может писать!»

Мирный очень точно подметил главное в даровании Коцюбинского. Еще не закончились поиски молодого писателя — они, собственно, не прекратятся в течение всей его жизни, — но в детских рассказах обнаружился уже и характерный для Коцюбинского психологический рисунок, и звуковая «инструментовка» изображаемого, и живописание словом.

В чем оно — счастье? Вопрос этот становится для писателя главным.

К свету, радости тянутся маленькие герои его детских рассказов. Безответным самопожертвованием исполнен душевный порыв Химы и Хомы, которые отдали последний пятизлотник в помощь голодающим («Пятизлотник», 1893). Счастье — драгоценный дар, говорит писатель, его надо беречь и лелеять, но оно неосуществимо в нынешних условиях. Таков итог нравственных исканий его героев.

Протест? Да, писатель ставит своего героя и перед такой возможностью. Попытки эти пока ограничены в своих формах и целях, как, например, в повести «На веру» (1891), но сами по себе они очень важны.

Повесть «На веру» была написана на основе подольских впечатлений отца. Как и на Киевщине и на Волынщине, в крестьянском быту здесь широко был распространен гражданский брак.

«Чаще всего живут «на веру» в том случае, — пишет Коцюбинский в примечании к повести, — когда канонические преграды мешают легализации брака, а экономические условия побуждают к совместному сожительству...»

Любовь Гната и Насти, решившихся построить свое счастье без благословения церкви, закончилась трагически, но повесть прозвучала вызовом против освященных церковью устоев и была запрещена цензурой.

Позже отец резко отнесся к написанному. Помню, как расстроился он, перечитав «На веру» в 1911 году. «Я просто прихожу в отчаяние, — писал Коцюбинский М. Могилянскому, — согласившись поместить (ее. — И. К.) во II томе... Я не представлял себе, насколько вещь слаба, так как 20 лет не перечитывал ее. Сейчас я не узнаю себя. Сколько здесь сладкой идеализации крестьян, какая примитивная техника... Я прямо краснею, перечитывая...»

В словах этих была доля правды, но была и чрезмерная требовательность к себе. Примерно в то же время «Современник» писал о повести «На веру»: «Это драма личности на общем фоне деревенского быта. Написана она чудесно, и личные переживания героев оставляют в душе читателя глубокий след».

Длинными зимними вечерами в жарко натопленном доме Кондрата Мельникова собиралась молодежь. Здесь бывали и Маруся Михневич, и ее старшая сестра Таисия Дабижа, и сельский учитель, высланный из Одессы, и крестьянские парни, девушки.

Собственно, из этих вечеров и был вынесен замысел рассказа «Пятизлотник». Таисия Дабижа как-то рассказала о том, какое исключительное самопожертвование проявили обнищавшие жители села Дзыговки Ямпольского уезда, поделившись с голодающими последним, что

у них было.

Коцюбинский написал «Пятизлотник» для сборника «Вспомоществование», издание которого в пользу голодающих подготовил в Одессе М. Комаров^[10]. Обнищавшие, доведенные до полуголодного существования Хома и Хима, прослышав о тяжелой судьбе голодающих России, не пожалели своего единственного сокровища — серебряной монеты пятизлотника, свято хранимой ими на протяжении всей жизни. А ведь «...давно-давно, когда она еще выходила замуж, — вспоминала Хима, — ее бабка дала ей на счастье этот пятизлотник в приданое», с той поры «белая монетка» пережила не один тяжкий год, но Хима не расставалась с нею».

Достоинство рассказа «Пятизлотник» было не только в призыве сеять добро. Призыв звучал убедительно потому, что живыми и невыдуманными представляли перед читателем Хима и Хома. Их тысячами встречал на дорогах Подолии писатель. Вот, извиваясь среди ранних всходов пшеницы, тянется одна стежка в Дзыговку, а эта тропка ведет в Михайловку, а та дальняя — в панскую усадьбу. Перед путником «...чернеют рыхлой землей вспаханные под зябь склоны, а в ярах и долинах было еще черней, еще печальней... Где-то далеко, на горизонте, клубилась сизая мгла, насыщала воздух... Черными ярами катился белый туман»...

Повстречался пахарь, утомленный работой. Остановились. Темная, шершавая рука сжала узкую, почти женскую. Закурили крепкий самосад, и пошли вечные, нескончаемые вопросы.

Почему это так, что пан имеет необозримые поля, а мне не дал бог и клочка земли? Почему одни сыты, а другие плачут от голода?

В рассказе «Цеповяз» (1893) перед нами — крестьянин уже деятельный, мыслящий, стремящийся решить жизненную загадку. Вначале у него просто не было никакого ответа и думы уступали место мечтам. Но жизнь шла, и мечты рассеивались как дым, а вопросы не исчезали. Через целый лабиринт поисков, надежд и раздумий проведет Коцюбинский своего героя. Постепенно претерпит крах вера в заступничество царя, не останется надежд и на просвещение. По-прежнему Семен-батрак пашет чужую ниву и погоняет чужих волов. Главная причина бедствия в социальном неравенстве, утверждал писатель, в том, что батрак работает на чужой земле, хотя и осознает, что земля должна принадлежать тому, кто ее пашет. Впервые примененное Коцюбинским в этом рассказе контрастное сопоставление двух социально противоположных психологий — батрака Семена и кулака Романа — раскрывало подлинные коллизии современной писателю украинской деревни. А ведь буржуазные деятели твердили о

«безбуржуазности» украинской нации и о классовом мире среди всех сословий Украины!..

Коцюбинский формируется как художник, чутко улавливающий пульс времени. Да, именно жизнь, ее развитие определяет эволюцию его взглядов. В начале 90-х годов на Украине усиливается рабочее движение. Бастуют макеевские шахты и Юзовский завод. В 1893 году восстают рабочие харьковских железнодорожных мастерских и ряда других крупных промышленных предприятий. В Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе возникают первые марксистские кружки. Активизируется и крестьянство. Немало массовых крестьянских выступлений прошло в родной Коцюбинскому Винничине. Изнурительный труд репетитора подрывал и без того некрепкий организм Коцюбинского. Устроиться на другую работу ему помог Михаил Комаров — известный украинский библиограф, этнограф, литератор и историк (1844–1913), с которым Михаил Михайлович переписывался. Он предложил Коцюбинскому должность распорядителя при рабочих в партии эксперта филлоксерной комиссии П. Погибни в Бессарабии с ежемесячной оплатой в тридцать, а затем в пятьдесят рублей. Комиссия вела борьбу с филлоксерой — вредителем виноградных лоз. Это была должность в системе министерства земледелия.

Коцюбинского привлекала живописная природа Бессарабии, откуда были родом его предки, быт молдаван, их песни, легенды — все то, что сулило ему знакомство с новым краем. 11 июня 1892 года Михаил Михайлович выезжает в Бессарабию.

Его встречают горы и ярко-зеленые долины, залитые солнцем фруктовые сады и виноградники, молдаване, вся жизнь которых связана с виноградарством. Писателя очаровывает их одежда, пестреющая на солнце, подобно цветам на лесной опушке, печальная и задорная молдавская песня, старинный танец «Жок». Он записывает песни и поверья, фотографирует народные гулянья. Работал Коцюбинский бок о бок с крестьянами из Полтавской, Черниговской, Харьковской, губерний, пришедшими в Молдавию на заработки. Осматривая виноградники, вместе с рабочими он вышагивал не один десяток верст, кормился из одного котла. Часто писатель заходил в сарай — колыбу, где рабочие отдыхали во время дождя, слушал их рассказы и песни, читал им.

Коцюбинский проработал с партией П. Погибки в селах Каменчи, Джурджулешты, Телешове, Пересечном, Ишновцах, Микауцах и Драсличенах. В июне 1894 года уехал в Рени Измайловского уезда — городок, расположенный вблизи Дуная и Прута. Там с партией эксперта А. Эйсмонта он работал в селах Сиреци, Слободзеи, Валени. Переживания

этих лет Коцюбинский передаст позже в прекрасной лирической миниатюре «На крыльях песни» (1895). «Знакомо ли Вам то щемящее до физической боли острое чувство тоски по родному краю, которым окипает сердце от долгого пребывания на чужбине? Знакомо ли Вам такое душевное состояние, когда за один только родной звук, за один родной образ готов заплатить годами жизни?..»

До глубины души трогает его и переносит в давно минувшие дни услышанная им старинная чумацкая песня.

«Не знаю, — пишет Коцюбинский, — со всеми ли это бывает или только со мною, жаждавшим всего родного, столь далекого от меня, но звуки песни, касавшиеся моего слуха, расстилались перед глазами красками; рисовали передо мной с чудесной яркостью целые образы».

Почти три года проработал Михаил Михайлович в Бессарабии. Он столкнулся с ужасающим разорением виноградарей. Царское правительство не было заинтересовано в спасении зараженных филлоксерой участков, оно попросту уничтожало их, обрекая крестьянина на голодную смерть. В селе Пересечном, да и не только в нем одном, отец был свидетелем того, как хозяева виноградников в отчаянии, не помня себя, бросались в огонь, где сгорали их виноградные кусты.

Позже, в 1895 году, писатель воспроизвел пережитое в повести «Ради общего блага», премированной конкурсной комиссией журнала «Заря».

Иван Франко высоко оценил это произведение, отметив, что оно «говорит о таланте широком, крепком, свободно развернутом»...

Вначале повесть, как и все ранние произведения отца, печаталась за границей, а спустя шесть лет — в 1901 году — появившись в альманахе «Волна за волной», была тут же запрещена петербургским цензурным комитетом, так как ее содержание якобы могло «возбудить у читателей из простонародия недоверие к распоряжениям властей»^[11].

Опасения эти имели смысл. Нарисованная Коцюбинским трагедия молдавского крестьянина Замфира Нерона раскрывала истинный смысл «забот» царских властей о народе. Филлоксеру на винограднике Замфира вытравили, но погибли и виноградные кусты, которые его кормили: он остался без куска хлеба, с больной, разоренной семьей на руках. Им овладела безнадежность да глухая ненависть ко всему, что зовется паном и имеет общее со школой, наукой, законом.

Разлетаются в прах и иллюзии интеллигента Тихо-вича, который, участвуя в деятельности филлоксерной комиссии, стремился принести народу пользу. «В шипенье горячей виноградной лозы ему слышались жалобы хозяев, которые теряли в огне не только хлеб свой насущный, а

что-то большее, чего нельзя измерить и купить на деньги. Черным дымом, поднимавшимся к небу, как дым жертвы, стала его долголетняя, теперь попусту загубленная работа, цепь мучительных голодных дней, бессонные ночи, утраченные надежды». Здесь было уже много от личных переживаний самого писателя, взгляды которого постепенно высвобождались от либерально-народнических влияний.

Но становление Коцюбинского не шло по одной восходящей. Его взгляды и творчество начала 90-х годов полны и сложного переплетения влияний. Потому-то и могли после «Цеповяза» появиться сказка «Хо» (1894) и рассказ «Посол от черного царя» (1897), в которых возлагаются надежды на молодую генерацию либеральной интеллигенции, на так называемых народолюбцев. Коцюбинский сблизился в филлоксерной комиссии со студентами из Киевского, Харьковского и Одесского университетов, которые работали в Бессарабии на летних каникулах. В их среде широко бытовали либерально-народнические культурно-просветительские настроения «Братства тарасовцев», основанного весной 1892 года, и это оказало на него свое влияние.

Одним из основателей «Братства тарасовцев» был Виталий Боровик — помощник эксперта в филлоксерной партии П. Погибки. Программа общества сводилась к национально-культурному возрождению Украины. Члены общества собирали средства для организации украинских народных библиотек-читален, осуществляли издание и распространение книг для народа; боролись за школы с преподаванием на украинском языке, организовывали в селах торговые лавки и сберегательные кассы. Вся деятельность тарасовцев сводилась к типичному культурничеству, к малым делам.

Работа на филлоксере не удовлетворяла Коцюбинского. Комаров вновь старался как-то помочь ему и предложил должность помощника бухгалтера у магната В. Симеренко, а Погибко — должность эконома в одесском приюте с зарплатой в двадцать пять дублей. Но Коцюбинский не соглашается на эти предложения: они и материально его не устраивали и работа была не по нем. В поисках доли в феврале 1894 года отправляется он в Одессу. Живет в это время на Манежной улице, 12, встречается с известным эпидемиологом, специалистом по борьбе с чумой Даниилом Заболотным, профессором Яковом Бардахом — другом Мечникова, с величайшим интересом вникает в круг проблем, волновавших ученых.

В декабре 1894 года писатель возвращается в Винницу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕРА ДЕЙША

С этим именем связан новый этап в жизни Коцюбинского. С Верой Дейшей он встретился на первом Киевском съезде украинской «Громады»^[12]. Михаил был делегатом от Винницы, Вера — от Чернигова.

Решив закрепить возникшую дружбу, молодые люди по окончании съезда отправляются в Чернигов, да к тому же и причина для этого нашлась. Василий Андриевский, добрый знакомый писателя по работе на филлоксере, пригласил Михайла Михайловича быть кумом на крестинах его ребенка.

Вера Иустиновна недавно вышла из заключения, отсидев сперва в черниговской тюрьме, а затем в варшавской цитадели за политические связи с бывшим черниговским семинаристом Федором Свидерским, автором брошюры «Труд и капитал», популяризовавшей «Капитал» К. Маркса.

Жила она тогда в Чернигове в доме Бренерта по улице Магистрацкой (ныне улица Куйбышева, 10). Михаил Михайлович стал ее постоянным гостем. «Серденятко мое» — так неизменно ласково обращался он к своей подруге...

Вера Дейша родилась 22 сентября 1863 года в Ржеве бывшей Тверской губернии, ныне Калининской области, в семье обедневших дворян. Отец ее Иустин Дейша в чине надворного советника работал в почтовом ведомстве.

Мать Юлия Степановна была урожденная Гортынская. Происходил Дейша из запорожцев. Его прадед по фамилии Дича был «знатный войсковый товарищ» Запорожской Сечи. Во время упразднения Запорожской Сечи Диче, как и остальной казацкой верхушке, Екатерина пожаловала личное дворянство, с тем чтобы оторвать их от низовой казацкой массы.

Получив дворянство, прадед изменил свою фамилию и стал Дейшей.

Юлия Степановна жила с мужем в небольшом имении в глухом уголке Белоруссии возле Орши. Когда в результате несчастного случая сгорел их дом, молодая чета переехала в Ржев, где в 1866 году Иустин Дейша умер от рака. После смерти мужа мать Веры переехала в Чернигов, где жили ее многочисленные родственники, и поселилась там с детьми: Марией, Васильком и трехлетней Верой. Двое старших (Костя и Соня — дети

первой жены Дейши) жили уже самостоятельно.

Юлия Степановна окончила Смольный институт в Петербурге, была образованным, серьезным человеком, любила литературу, много читала, знала иностранные языки.

Поселившись в Чернигове, она стала начальницей епархиального училища, в котором в то время работал врачом ее брат — Василий Гортынский.

Старший сын Гортынского Петр — член «Народной воли» — был сослан в Сибирь. Младшая дочь Ольга также принимала деятельное участие в народовольческом движении. Не удивительно, что дети Юлии Степановны — Вера и Василий, живя в Чернигове, сразу же попали под влияние своих старших двоюродных брата и сестры.

Как гласит «совершенно секретное» донесение Киевского губернского жандармского управления от 13 мая 1906 года, Василий Дейша, закончив Петербургский технологический институт и работая в 1906 году в Киеве в должности старшего фабричного инспектора, а впоследствии в той же должности в Москве, «явно придерживался тенденций защищать только права рабочих и совершенно игнорировать права фабрикантов в ущерб даже и развитию промышленности. При этом он в своей мотивировке в пользу проводимых им положений... руководствовался... выдержками из дешевой социалистической литературы...».

Вера Иустиновна закончила черниговскую гимназию и одно время служила там классной дамой, а позже преподавала в женском духовном училище французский язык, арифметику и каллиграфию.

В 1885 году она поступила на физико-математический факультет Петербургских бестужевских курсов на отделение естественных наук.

Курсисток в то время было очень мало. Правительство чинило всяческие препятствия и вводило ограничения для девушек, стремившихся получить высшее образование. «Прием на Высшие бестужевские курсы был прекращен, — вспоминает В. Вересаев — «впредь до переработки устава...». Попасть в то время на женские курсы стоило больших усилий, напряженной борьбы с родителями и общественным мнением. О курсистках распространялись мерзкие сплетни, к поступлению на курсы ставились всевозможные препятствия: от взрослых девушек, например, требовалось согласие родителей и их обязательство содержать дочь в течение всего прохождения курса. Если родители не соглашались отпустить дочь, то единственным средством оставался фиктивный брак, к которому в то время нередко и прибегали девушки... Все это вело к тому, что происходил как бы отбор девушек наиболее энергичных, способных,

действительно стремившихся к знанию и к общественной деятельности».

С Верой Дейшей Вересаев встречался у общего знакомого — студента-черниговца Шлепянова.

«...В соседней с ним комнате, — вспоминает Вересаев, — жила его землячка, курсистка Бестужевских курсов, Вера Иустиновна Дейша. Прекрасный женский лоб, темные стриженные волосы до плеч и огромные синие глаза, серьезные, внимательно вглядывающиеся... Больше всего меня тянула к себе соседка Шлепянова. Раза два-три я заставал ее у Шлепянова... Она очень скоро уходила — видимо, я ей совсем не был интересен. А у меня после встречи была на душе светлая грусть и радость, что на свете есть такие чудесные девушки...»

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях пишет о том, как она познакомилась и сблизилась во время дежурств на кухне студенческой столовой, организованной Петербургским союзом землячества, с некоторыми курсистками естественного отделения Бестужевских курсов и как вскоре убедилась, что по тем временам это были самые деятельные в общественном отношении люди. По всем данным, Анна Ильинична лично знала и Веру Дейшу, которая работала в студенческой кухмистерской на Васильевском острове. Эту кухмистерскую организовали в конце 1886 года П. Шевырев и О. Говорухин, а хозяйкой ее была Виктория Клечинская. Об этом вскользь упоминает в своей книге «Второе 1-е марта» шлиссельбуржец А. С. Поляков, а также В. Вересаев.

В то время молодежь увлекалась естествознанием, стремясь к точным, научным представлениям о развитии жизни на Земле. Это тяготение может быть объяснено еще и тем, что Петербургский университет и Бестужевские курсы славились прекрасными преподавателями. На физико-математическом факультете и курсов и университета преподавали такие видные ученые, как Сеченов, Менделеев, Боткин. А студентами этого факультета в университете были, например, Александр Ильич Ульянов и упомянутые уже О, реет Макарович Говорухин, а также Петр Яковлевич Шевырев — инициаторы и главные участники покушения на Александра III, состоявшегося 1 марта 1887 года. Как известно, Ульянов и Шевырев по приговору «особого присутствия Правительствующего сената» были повешены. Говорухину удалось бежать за границу.

Правительство из года в год усиливало репрессии, стараясь всемерно ограничить обучение на Бестужевских курсах. В 1886 году прием на первые курсы прекратился вообще. Стало известно, что курсы существуют последний год. В том же 1886 году власти закрыли журнал «Отечественные записки», редактором которого был Салтыков-Щедрин. В день рождения

Щедрина делегация курсисток вместе с делегациями других коллективов и организаций вручила ему адрес, подчеркивая свое сочувствие в связи с закрытием журнала. Надежда Васильевна Стасова очень гордилась, что Бестужевские курсы, которыми она руководила, оказались в этом деле инициатором.

Обо всех этих событиях рассказывала нам позже мама, вспоминая молодые годы, и фамилию Ульяновых мы впервые услышали из ее уст.

Романтикой были овеяны вечеринки, которые устраивала современная Вере Иустиновне молодежь. Под видом помолвки или дня рождения кого-нибудь из присутствующих проходили нелегальные революционные собрания, на которых звучали горячие выступления, разрабатывались планы демонстраций, писались протесты, устраивались конспиративные встречи. На этих же собраниях составлялись прокламации, собирали деньги для Красного Креста, для политэмигрантов и т. д.

Разрешения на вечеринки нужно было получать в полиции. «Для порядка» было обязательно и присутствие на них полицейского. Правда, фиктивная помолвка, начинавшаяся тостами в честь будущих супругов, кончалась для блюстителя порядка обычно одинаково: посапывая носом, он мирно засыпал где-нибудь в углу кухни, опрокинув в честь «молодых» не один стаканчик водки. А молодежь тем временем не мешкала. В одной комнате вполголоса пели любимые песни — «Дубинушку», «Замучен тяжелой неволей», «Укажи мне такую обитель», в другой — слушали оратора и спорили до хрипоты.

Вспоминала мама, как 17 ноября 1886 года шла она на Волково кладбище в рядах передового студенчества Петербурга на гражданскую панихиду по Добролюбову в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. Эта панихида, запрещенная правительством и организованная Союзом землячества во главе с Шевыревым, Ульяновым, Лукашевичем и Новорусским, переросла в мощную демонстрацию протеста против самодержавия. В своих воспоминаниях А. С. Поляков рассказывает: «Полиция, очевидно, знала об этом решении (организовать панихиду. — И. К.) и приняла свои меры: могилу Добролюбова 17 ноября увидела только небольшая делегация. Демонстранты после неудачной попытки пройти на кладбище повернули на Невский проспект, направляясь к Казанскому собору, но на Лиговке были зажаты казаками в кольцо. Градоначальник — им был тогда Грессер — продержал студентов в грязи Лиговки несколько часов, арестовал наиболее непокорных, а всех прочих под вечер распустил по домам».

Перед казаками с саблями наголо стояла и Вера Дейта. Через два дня

после этих событий Союз землячества выпустил прокламацию «17-е ноября в Петербурге», авторами которой были А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, О. М. Говорухин, И. Д. Лукашевич. Близкие друзья Веры Дейши в тот период — народовольцы террористического направления: Вержбицкий Иосиф Степанович, Татьяна Сергеевна Постникова, Дора Юдилевна Добрал, Абрам Билинский — Билиннес, Евгения Григорьева. Часть из них проходила по делу 1 марта 1887 года. О них мы узнаем из жандармского дела Веры Дейши.

«Наблюдением за Евгенией Григорьевой, заподозренной в оставлении в лавке Татарина известного портмоне с заготовленной прокламацией о совершившемся цареубийстве, было установлено, что 24 февраля 1889 года Григорьева заходила в дом № 20 по Третьей линии Васильевского острова, где проживала Дейша, Новоселова и студент Санкт-Петербургского университета Абрам Билинский — Билиннес, но у кого именно из этих трех лиц она была, выяснить не представилось возможным»^[13].

Имеются все основания думать, что Евгения Григорьева была у Дейши, так как из донесений жандармского департамента видно, что Дейша еще раньше, в 1888 году, была связана со студентом Санкт-Петербургского университета Иосифом Степановичем Вержбицким, человеком «террористического направления, сторонником систематического цареубийства», как гласит дело № 874 того же 3-го делопроизводства (ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 1893). Мама рассказывала мне, что ее квартира была явочной и она помогала укрывать находившихся в опасности товарищей.

Передо мной дело № 874 департамента полиции «3-е делопроизводство» о дочери надворного советника Вере Иустиновне Дейше-Коцюбинской» на 46 листах (хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве). Дело охватывает в основном 1890–1894 годы — годы пребывания Веры Дейши в Чернигове.

Из него видно, что в этом городе существовала нелегальная революционная организация, куда входили семинаристы, студенты, мелкие служащие, «а одним из наиболее серьезных и деятельных членов сего кружка является вышеупомянутая Дейша. Последняя находится в постоянных письменных сношениях с Федором Свицерским (проживающим в Варшаве. — И. К.), от которого получала нелегальную литературу для пополнения кружковых библиотек, но не по почте, а через особо доверенных лиц»^[14].

Из последующих материалов видно, что Вера Дейша в то время

заведовала общественной библиотекой и читальней, которые помещались в небольшом домике напротив бывшего реального училища на углу улиц Гончей и Бульварной (ныне Горького и Карла Маркса). Работа в библиотеке давала ей возможность налаживать связи с молодежью, распространять прокламации, листовки, нелегальные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Об этом мы узнаем из письма Веры Дейши, датированного маем 1892 года и адресованного Свидерскому в Варшаву: «Если бы вы знали, — пишет она (то же дело № 874, л. 46), — как хорошо мы провели этот год, как дружно работали на почве всякого рода просвещения и объединения и сколько уже нас теперь! Сейчас у нас слово «свой» в таких широких размерах, что без страха осуществляем то, что нужно... Больше того, убедительно просим: шлите с земляком — у нас ни одного экземпляра, только отрывки. Если есть еще что-нибудь, так не забывайте, что мы далеке от центра и очень нуждаемся в просвещении. Как видите, не распространяюсь; ведь вопрос: дойдет ли это письмо?»

Свидерский через Веру Дейшу распространял сочинения Карла Маркса. «Посылаю вам свою брошюру «Труд и капитал», — писал он ей. — Цель составления и перевода этой брошюры была сделать доступною для большинства нашей публики — среднего интеллигента — теорию Карла Маркса. Обращаюсь к вам с просьбой о распространении ее...»^[15]

26 февраля 1893 года Свидерский получил письмо от Веры Дейши.

«Просила я у вас два экземпляра К., — писала она, — а теперь, по мере того как публика знакомится с ним, запрос возрастает, и мне нужно будет 5 экземпляров. Вы спрашиваете: что у нас? И много — и ничего! Миллион благих начинаний, и все это если не парализуется, то здорово уменьшается царящими в администрации принципами — притеснения, шпионажа. Последний так шагнул вперед, что ты сам себе и всему домашнему ладу не хозяин, каждый твой шаг достоинство этих подлых лакеев. Право, привычка много значит, а в сущности, ужасно душно... Но если бы вы заглянули к нам, то, право, и много утешительного порассказала бы, во всяком случае, только через руки передам Вам большое письмо»^[16].

В мае 1893 года Свидерский пишет Вере: «Спешу предупредить Вас, что если бы Вы захотели написать мне что-нибудь, повремените немного, обстоятельства так неблагоприятно слагаются для меня, что я не уверен, как долго я могу оставаться на месте, хотя думаю о поездке в П...»^[17]

Он был обеспокоен арестом варшавских студентов — Василия Шумова и братьев Рункевич, замешанных в пересылке на Украину при

помощи жены Ивана Франко — Ольги Франко — революционных изданий.

Позже из письма студента Варшавского ветеринарного института Василия Михайловича Сидорова его двоюродной сестре Реутовской, жившей в Чернигове, с вложенным в него письмом Вере Дейше узнаем, что Свидерский был арестован в Варшаве. Вот выписка из письма Сидорова к Реутовской: «Сходи сейчас же в женское духовное училище и отдай это письмо (прилагаемое) по принадлежности Дейше. Только сразу же — оно ей очень нужно. Послать прямо на ее имя, ввиду некоторых соображений, нельзя. Да только обязательно ей в руки отдай, лично ей, а больше никому. Если же ее по каким-нибудь причинам видеть будет нельзя, то сходи в губернскую земскую управу к инженеру Вознесенскому (состоящий под негласным надзором горный инженер Владимир Алексеевич Вознесенский) или к его жене Марии Александровне Вознесенской (урожденная Реймер), по Сретенской улице, дом Утевского, передай им мой поклон и просьбу, чтобы немедленно письмо было передано по адресу и секретно» (л. № 17).

А вот содержание письма Сидорова Вере Дейше: «Несколько дней тому назад здесь схватили и посадили в так называемое десятое отделение Свидерского и еще несколько человек. А сегодня из самых достоверных источников я узнал, что среди варшавских жандармских чинов рядом с его фамилией фигурирует Ваша фамилия. Считаю долгом предупредить Вас на случай чего... (если Вас, понятно, еще не беспокоил никто). А равно предупредите всех Ваших и моих знакомых семинаристов и других. А главным образом Андриевского Василия Трофимовича... Заключенных держат очень строго: не пускают к ним никого, даже сестер. Раньше пускали, а сегодня вот уже нет. За черниговцами следят очень зорко» (л. 16).

Черниговская и варшавская жандармерии внимательно наблюдали за этими связями, установив негласный надзор за участниками нелегальной организации, в частности за Верой Дейшей и Свидерским. В зашифрованной телеграмме из Чернигова от жандармского ротмистра на имя директора департамента полиции в Варшаве за № 206 (телеграмма послана 7 октября 1893 года) говорится: «Доставлено по адресу ожидаемое письмо. Проведенным порядком охраны обыском Реутовской такое отобрано; автор письма двоюродный брат последней, студент Варшавского ветеринарного института Василий Михайлович Сидоров, просит сестру передать незнакомой для нее Вере Дейше другое письмо... Проведенным обыском у Реутовской, Дейши, Новодворского, Андриевского в Черниговской общественной библиотеке ничего не обнаружено; у Дейши отобрана переписка со Свидерским интимного характера — говорят, он был ее

женихом. Согласно телеграммы все арестованы порядком охраны, трое в тюрьме, а больная Дейша, у которой мать при смерти, — строгим домашним арестом»^[18].

Этот строгий домашний арест, по словам мамы, был для нее тяжелее, мучительнее, чем пребывание в тюрьме. Нужно было скрывать правду, ограждать больную мать от волнений. Вера не отходила от умирающей.

...В то время как из помещения епархиального училища выносили гроб с телом покойной, полицейские везли в тюрьму Веру, не разрешив ей даже проводить мать в последний путь.

Не добившись от арестованной сведений, черниговская жандармерия три месяца спустя отвезла ее в Варшаву, заключив в одиночную камеру цитадели.

Каменный темный мешок со скользким от сырости полом, где днем ползали сороконожки, а ночью подымали возню крысы, с парашей в углу, от которой спирало дыхание... Веру Иустиновну не сломила тюрьма. Она молчит. Ни единого слова, ни единой жалобы и нареkania...

После семимесячного заключения ее выпустили, поверив версии об «интимных» письмах Свидерского. Вера и Федор маскировали свою нелегальную работу перепиской интимного характера, они даже были фиктивно помолвлены.

На сороковом листе упомянутого жандармского дела Веры Дейши в регистрационной карточке сделана отметка о том, что 30 июня 1894 года она уже была в Москве у брата (Василий Иустинович взял ее на поруки и хлопотал по ее делу), только-только освободившись из заключения.

Таких карточек со сведениями о месте пребывания Веры Дейши в ее жандармском деле четырнадцать, начиная с 1883 и кончая 1900 годом.

Жандармское дело Веры Дейши, а также дела группы студентов Варшавского университета № 1082, 704, 380 — № 1181 «О неудобных приемах членов Варшавского жандармского управления при собрании сведений о лицах», № 88 о политических ссыльных в Шенкурске (Архангельская губ.) показывают, что организация «передовых» охватывала молодежь не только Чернигова, но и Варшавы, Москвы, Петербурга, Киева. Связи эти тянутся вплоть до Архангельска, к ссыльным далекой Сибири.

К листу № 37 жандармского дела Веры Дейши приложена вырезка из французской газеты «Matin» от 5 декабря 1893 года, в которой говорится: «...Вена, 4 декабря. — Для специального пользования. — Сообщают из Лемберга (Львова. — И. К.) в Галиции на основании сведений, полученных из Киева, о том, что русская жандармерия раскрыла заговор нигилистов, влияние которых распространяется весьма далеко. Многочисленные аресты

произведены в Петербурге, Варшаве, Киеве и Чернигове. Следствие по делу доказало, что все обвиняемые действовали как часть крупной тайной организации под названием «Прогресс»...

...Среди арестованных имеются несколько молодых девушек...

...Конспираторами руководили Свидерский из Санкт-Петербурга, Андриевский из Чернигова, которые заключены в надлежащем месте. Оба они воспитывались в Черниговской семинарии и обвинялись по подозрению в политической деятельности. Следствие по этому делу ведется в большом секрете»^[19].

Таким образом, даже за границей были известны имена деятелей этой организации.

Выйдя из тюрьмы в мае 1894 года и пробыв некоторое время у брата в Москве, Вера Дейша вернулась в Чернигов, где снова устроилась на прежнее место в общественную библиотеку. Она не оставляет революционной работы. Из сообщения начальника Архангельского губернского жандармского управления от 13 января 1898 года за № 33 видно, что Вера Дейша-Коцюбинская поддерживала письменную связь с политическими ссыльными Шенкурска. А на 45-м листе этого дела читаем, что в 1900 году она подписала письмо Черниговской общественной библиотеки, адресованное литератору Владимиру Лесевичу. В письме выражалось глубокое уважение и сочувствие Лесевичу по поводу распоряжения правительства, запрещающего читать ему публичные лекции.

Значительно позже (в 1908 году) общественная библиотека, в которой продолжала работать мама, занималась снабжением нелегальной литературой прогрессивной молодежи.

В секретном донесении жандармерии за № 2750 от 17 сентября 1908 года, направленном черниговскому губернатору, сообщается: «По имеющимся у меня сведениям общественная библиотека в г. Чернигове служит явочной квартирой для преступных организаций... Газеты и журналы для библиотеки выписываются исключительно левого направления, а поэтому библиотека... служит не для просвещения, а для развращения...»^[20]

Собиралась черниговская нелегальная организация в разных местах: в частных квартирах на окраинах города, в начальной народной школе, которая помещалась за реальным училищем на берегу реки Стрижень по улице Набережной (ныне Пушкинской) и в других местах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СВЕТ И ТЕНИ

В мае 1895 года Михаил Михайлович поступил на службу в Крымский филлоксерный комитет, переехал из Бессарабии в Ялту и приступил к работе в селении Симеиз. Как и прежде, за ним был и здесь установлен негласный надзор полиции. В августе того же года жандармерия перехватила адресованный писателю пакет из Львова с экземпляром журнала «Заря» № 7, в котором, по словам «совершенно секретного доноса на Коцюбинского», на первой странице было помещено стихотворение «Завещание ссыльного», явно преступного содержания; на предпоследнем листе также помещен очерк «Т. Шевченко в дороге», в котором есть различные возмутительные высказывания, а блаженной памяти император Николай I назван «не первым российским коронованным палачом» и «коронованным фельдфебелем»^[21]. В сентябре с приездом в Крым Веры Иустиновны полиция совсем сбилась с ног. Было заведено «Дело Канцелярии Таврического губернатора. Стол секретный. О состоящей под особым надзором полиции дочери надворного советника Веры Дейши. Началось сентября 19-го 1895 г., кончено 20 октября 1895 г.»^[22].

Один за другим полетели секретные доносы таврическому губернатору: «На основании сообщения помощника начальника Таврического губернского жандармского управления в Ялте за мною учрежден особый надзор полиции за проживающей в имении наследников Мальцева «Симеиз» дочерью надворного советника Верою Устиновой Дейш. Об этом имею честь донести Вашему превосходительству...»^[23]

Вера Иустиновна приехала в Симеиз со своей подружкой, сокурсницей по Бестужевским курсам, Елизаветой Новоселовой. Дни, проведенные Михаилом Михайловичем с невестой, оставили у обоих неизгладимые воспоминания. Они бродили по виноградникам в Кучук-Кои и Кекенеизе, спускались в урочище Святой троицы, где работал писатель, к морскому берегу по тропинкам Симеизского парка, запечатлелась каждая извилина дороги, кривые узенькие татарские улочки, горные источники.

«...Воспоминания переносят меня в то время, когда впервые увидел я эти глаза... — пишет он позже Вере в Чернигов. — Потом несут меня дальше по Симеизу, Кучук-Кои, св. Троице... Волнуют меня эти воспоминания, со дна сердца поднимают благодарность и тихую радость».

Во время работы в Крыму Коцюбинский заинтересовался жизнью татар, их обычаями. Он тщательно фиксирует в записной книжке все виденное и слышанное. В это время он почти ничего не пишет. В начале декабря Михаил Михайлович навещает Веру в Чернигове, помогает ей подготовиться к предстоящей поездке в Винницу, где в январе предполагалось их венчание. Его беспокоит поднадзорное положение Веры Иустиновны. «А что слышно о твоём деле? — спрашивает он её в письме от 5 января 1896 года. — Не имела ли ты вестей от брата?»

Венчание состоялось 24 января в винницком Преображенском соборе. Никакого свадебного кортежа не было и в помине. Жених с невестой в окружении близких и родных возвращались из церкви пешком. «Поручителями» при венчании были: со стороны жениха — его дядя Александр Блоневский и Виталий Боровик, а со стороны невесты — черниговский «почетный гражданин» Андронник Лихнякевич и студент Тарас Малеванный. Дружками были Лидия Коцюбинская и подруга невесты Елизавета Новоселова.

Ранней весной Коцюбинский вместе с женой едет в Крым. Обосновываются в Алушке, где Михаил Михайлович работает во второй партии помощником эксперта филлоксерной комиссии. Позже Коцюбинские переехали в Биюк-Ламбет, где прожили недолго, перекочевав в Алушту. В середине августа Вера Иустиновна возвратилась в Винницу. Полгода, прожитые вместе, пролетели для молодой четы незаметно. Они много читали, совершали прогулки, вели бесконечные беседы. «Ты единственный мой критик, которому я верю и на вкус которого полагаюсь», — писал Вере Коцюбинский.

Их сближали общность целей, интересов, стремлений. Вера Иустиновна, уже имея к тому времени немалый опыт в политической борьбе, во многом способствовала тому, чтобы Коцюбинский поднялся над своим буржуазно-либеральным окружением. «Ранее, еще в юношеские годы, — писал Коцюбинский жене от 14 октября 1896 года, — казалось мне, как будто бы у меня волчья натура, которой присуще одиночество, сейчас, отведав роскошь общения с родной думой, не переношу пустоты». И в другом письме: «Пожелаю я нам доли тихой, погожей и работающей, взаимного понимания, уважения, доверия, единой дороги и цели...»

...Вера Иустиновна уехала. А для Коцюбинского продолжался ставший обычным изнурительный труд на виноградниках.

«Лазим по таким местам, где только черти водятся, преем, пока воды хватает в теле... Как молния, нет, — как табун диких коней, мчимся по виноградникам, перелезаем сто тридцать раз через окопы, колем руки, все

тело, рвем одежду и бежим, бежим...»

«Сегодня у нас праздник, не ходили на работу. Чуть ли не весь день просидел над морем. Тихо, солнечно. Воздух настолько прозрачен, что Демерджи кажется совсем рядом... Море синее, прямо-таки черное...»

И еще: «Ходил... по Алуште — по самым глухим улочкам, по крышам, заходил в татарскую школу, всюду; напился всяких запахов — и отчасти удовлетворил свое любопытство, внес кое-что в записную книжку».

Коцюбинский знакомится с новыми для него обычаями, нравами и верованиями. Позже он пишет целый цикл рассказов по мотивам молдавской и крымской жизни («Пекоптер», «Ведьма», «В путях шайтана», «На камне», «Под минаретами»).

Украинский читатель узнал из этих рассказов о жизни для него совершенно неизвестной, ведь в украинской литературе о так называемых национальных окраинах России еще никто не писал. Но акварели, этюды, образки (так называл свои зарисовки Михаил Михайлович) несли в себе и огромный нравственный заряд. Не южная экзотика, не чудеса природы и темпераментные танцевальные ритмы привлекали в них. Писатель болел болями и радовался радостями простого человека.

...На раскаленной земле двора сидит Эмене, татарская киз — девушка. Она заперта на женской половине дома, отгороженной решеткой от мужского глаза и всего белого света. Сегодня байрам, праздник. Все разошлись, всюду тишина, только из села с высокого древнего минарета долетают призывные звуки скрипящего голоса муллы: «Ла-алла-иль алла, Магомет Расуль ал ла!..» Эмене тоскует. Лениво потягивается, томится. Невольница с движениями одалиски. Но это внешне. Все естество этой киз предельно напряжено. Рвется наружу, кричит о себе жажда вырваться, выйти из-за решеток, открыть лицо ветру и взгляду, чтобы могли любоваться люди ее красотой, чтобы была она вольна делать что захочет, говорить с тем, с кем вздумается.

«Море постепенно теряло покой. Чайки взлетали с одиноких прибрежных скал, припадали низко к волне и плакали над морем. Море потемнело, взбурилось. Мелкие брызги сливались в глыбу зеленоватого стекла, незаметно катили к берегу, падали на песок и разбивались белой пеной...»

Это из другой новеллы — «На камне». Продолжая мотив первой — «В путях шайтана», — она уже показывает взрыв этого извечного тяготения человека к свободе. Фатма не может жить так, как велит ислам. Лучше смерть, чем судьба рабыни мужа, заплатившего за нее, как за вещь. Это натура волевая, страстная и в то же время нежная, чистая.

От произведения к произведению становится все более отчетливым у Коцюбинского мотив духовной раскрепощенности личности, от новеллы к новелле совершенствуется его мастерство. «Мы высоко ценим талант Коцюбинского и его очерк «На камне» считаем одной из лучших жемчужин в литературе», — писал Иван Франко.

Гашица, Эмене, Параскица, Фатма — все они любой ценой стремятся к счастью. Но есть среди героев Коцюбинского и такие, как Рустем из рассказа «Под минаретами», который борется уже не за одного себя. Его протест против «священных» заветов корана и фанатизма дервишей перерастает в вызов социальному и национальному гнету. Он способен «сорвать решетки на окнах и разрушить-стены», говорит о своем герое Коцюбинский. Недаром рассказ «Под минаретами» отметила большевистская «Звезда».

В октябре 1896 года по окончании работ на филлоксере Михаил Михайлович, возвращаясь в Винницу, при переезде парохомом из Ялты в Одессу сильно простудился.

«Денег не было. Ехали на палубе. Мерзли. Согревались в машинном отделении. Кутались ночью на рубке в брезенты. Простудился. Приобрел тяжелый ревматизм. Болел. Ходил на костылях...» — вспоминает об этом злополучном путешествии Николай Чернявский^[24].

Болезнь осложнилась параличом правой руки. Коцюбинский не только не мог передвигаться, но и писать. Со временем его здоровье понемногу восстанавливается, и в январе 1897 года он пишет рассказ «Посол от черного царя», который печатался в 1897 году в журнале «Жизнь и слово», а также очерк «В вагоне». Болезнь заставила его отказаться от дальнейшей работы в Крыму, и он решил переехать на жительство в Чернигов.

Отца давно привлекал старинный полесский город (он был основан в 908 году). Чернигов считался вторым культурным центром на Украине после Киева и славился культурными традициями. Здесь начинал свой путь в литературе Глеб Успенский — один из любимых авторов Коцюбинского, здесь жили и творили украинский баснописец Леонид Глибов, известная украинская писательница Марко Вовчок. Тесно связаны с Черниговом и юношеские годы Гоголя. Некоторое время тут жила знаменитая украинская артистка Мария Заньковецкая. Некогда побывал в Чернигове Пушкин, а позже — Шевченко (он останавливался в Царьградской гостинице). Частыми гостями на Черниговщине были художники Н. Ге и И. Репин, композиторы М. Глинка и Н. Лысенко.

Хлопоты и переписка с черниговским председателем земской управы по поводу устройства Михаила Михайловича на должность секретаря или

делопроизводителя управы затянулись, и писатель до разрешения этого вопроса возвращается в Винницу. Как только получение должности ему было гарантировано, он с женой отправляется в Чернигов. Остановились на Петербургской улице (ныне Красноармейская) в сиротском приюте, которым заведовала Феодосия Шкуркина, подруга Веры Иустиновны, и сразу же начали подыскивать квартиру. Она была найдена в доме Липницких по Старостриженской улице, в предместье под названием Кавказ. Сюда вскоре и перевезли Коцюбинские мать, сестру, а также семимесячного сынишку Юрку, который родился в 1896 году в Виннице. Однако не все устраивалось как было задумано. Черниговский губернатор не утвердил Коцюбинского заведующим книжным складом губернского земства, испугавшись его неблагонадежности, и отцу пришлось, оставив семью в Чернигове, выехать в Житомир на должность редактора отдела хроники в газете «Волынь».

Условия в газете были очень неблагоприятными. «Плохая это жизнь такого газетчика да еще в таком негодном органе, как «Волынь» наша, — жалуется Коцюбинский в письмах жене. — Была бы еще газета с симпатичным направлением и возглавляли бы ее живые люди, легче было бы сотрудничать. А то возникает такое ощущение, словно стоишь в куче навоза, а вокруг тебя кишат всякие паразиты. Противно!»

«Волынь» была газетой без определенного направления. Ее редактор Козловский (Фидлер) — «лакейская душа», по словам Коцюбинского, — боялся репрессий властей и потому избегал прямых слов и смелых суждений.

«...С этим «Св[етом] и тен[ями]», — пишет Коцюбинский жене, — настоящая беда. Приходится быть очень осторожным, не проявлять себя, хотя временами так и подмывает осветить как следует факты. Обрати, голубка, внимание на завтрашнюю мою заметку о калмыках и якутах. Сами факты так любопытны, что и освещать их не надо...»

«Свет и тени» (полностью — «Свет и тени русской жизни») — так назывался раздел хроники, в котором «Волынь» регулярно помещала заметки о жизни российских окраин.

Отцу приходилось постоянно иметь дело с потоком корреспонденций с самых разных концов России. Это расширяет его связи с окружающим миром, создает базу для будущих произведений. Обзоры «Света и теней» были политически остры и богаты фактами. «Волынь» становилась популярной, тираж приходилось увеличивать чуть ли не ежедневно.

В Житомире Коцюбинский познакомился с Григорием Мачтетом — писателем-народовольцем, автором песни «Замучен тяжелой неволей»,

которую, как известно, очень любил В. И. Ленин. Знакомство это впоследствии перерастает в дружбу.

У Мачтета была бурная и в то же время трагическая жизнь. Еще подростком за политическую неблагонадежность его исключают из Немировской, а потом и из каменец-подольской гимназии.

Оставив педагогическую деятельность и скрываясь от полиции, он, двадцатилетний юноша, вынужден был эмигрировать за границу — сначала в Цюрих, а затем в Америку, где ему пришлось работать простым поденщиком на ферме. Вернулся он в Россию в 1875 году и в следующем году был арестован в Петербурге за причастность к политическому кружку и за участие в освобождении политических, находящихся в доме предварительного заключения. Его судили, и на протяжении года он отбывал наказание в Петропавловской крепости, а затем был выслан в Архангельскую губернию и водворен в Шенкурск. Из Шенкурска Мачтет бежал, но был пойман и помещен сначала в мезенскую тюрьму, а затем выслан в Восточную Сибирь. Вернувшись из ссылки в 1886 году, он все время находился под негласным надзором — в Одессе, Зарайске, Житомире, Петербурге.

Его жена, «дочь титулярного советника Мачтет (Медведева), приговором особого присутствия Правительствующего сената от 24 февраля 1877 года была признана виновной во вступлении в революционное сообщество и присуждена к лишению всех личных прав и преимуществ и к ссылке на жительство в Тобольскую губернию»^[25]. С Григорием Мачтетом осталась трехлетняя дочь Танечка.

Стремясь расширить представления украинского читателя о политической и культурной жизни Галиции, Михаил Михайлович ввел в «Вольни» раздел, в котором помещались материалы из галпцких газет и журналов. Позже, в 1903 году, вместе с черниговскими подписчиками «Киевской газеты» Коцюбинский обращается к редактору этой газеты с просьбой о том, чтобы в ней по примеру «Вольни» была бы тоже открыта специальная рубрика «Из украинских газет», где помещались бы материалы из газет «Буковина», «Общественный голос», из журнала «Литературно-научный вестник» и других периодических изданий^[26].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НА «ПОНЕДЕЛЬНИКАХ» В ЧЕРНИГОВЕ

Наконец было получено разрешение департамента полиции допустить Коцюбинского на службу в Черниговское земство, и 26 февраля 1898 года отец возвращается в Чернигов. Он получил должность деловода губернской земской управы и одновременно стал совмещать эту работу с заведованием столом народного образования в том же земстве. Он жил с семьей на частной квартире, почему и возникло решение продать винницкий дом и на эти средства приобрести небольшую усадьбу в Чернигове.

Сперва Коцюбинским приглянулся участок на Глебов-щине, позже, в 1898 году, был приобретен — земельный участок на Ганжовщине в дачной местности села Бобровица у Милорадович, но отец не смог поселиться там — не оказалось жилого помещения. В конце концов семья обосновалась в деревянном домике по улице Северянской, 3, который был куплен в том же 1898 году и в котором Коцюбинский прожил все последние пятнадцать лет. Для уплаты стоимости дома Коцюбинский был вынужден просить в банке денежную ссуду, которую ему так и не удалось полностью выплатить в течение всей жизни.

Переехав на Северянскую, молодая чета занялась приведением в порядок приусадебного участка. Холмистая местность, с пригорками и ложбинами, вся изрытая оврагами, требовала большого труда. То и дело к нашему дому подъезжали подводы с землей. Вся семья переносила землю на носилках, засыпая ею ложбины и овражки. Когда участок, наконец, выровняли, началась посадка деревьев. Родители все время советовались, какие цветы где посадить, какие сорта деревьев заказывать в садоводстве. Каждую осень они ездили в садоводство Гофедица или Зборовского, отбирали лучшие саженцы фруктовых деревьев, высшие сорта ягод и декоративных растений. Дорожку перед крыльцом обсадили лигустромом, который аккуратно подстригался. Возле ели, посаженной отцом под окном спальни, росла любимица отца — пышная настурция. Из лесу приносили заячью капусту, корни папоротника.

«...В сером аккуратном костюме, в красной турецкой феске весной и летом, невзирая на жару, он ходил по своему саду и хозяйничал, — пишет Н. Чернявский в своих воспоминаниях. — Солнце пронизывало его

насквозь лучами, а он, сухощавый и бодрый, как будто бы купался в его тепле...»

В эти годы начинают появляться первые переводы произведений Коцюбинского. Журнал «Детский отдых» помещает в переводе на русский язык рассказ «Пятизлотник», владикавказская газета «Казбек» и журнал «Нива» публикуют на русском рассказ «Посол от черного царя», а журнал «Просвита» переводит на болгарский «Харитю». Коцюбинский предпринимает попытку издать также альманах «Волна за волной» совместно с украинскими писателями Борисом Гринченко и Владимиром Самийленко. Привлекает к участию в нем и Панаса Мирного.

С первых же дней жизни в Чернигове Коцюбинский стремится окружить себя передовыми людьми из писательской среды, привлечь молодежь, прогрессивных политических деятелей.

Вот как описывает Н. Чернявский служебное окружение Коцюбинского: «Знакомлюсь с моими новыми товарищами по службе. Вижу: больше все — «типы». Замечаю среди них кое-кого из моих соседей по номеру в гостинице. Они уже там с утра громко звенели рюмками... И теперь лица их налились, разбухли, как горох, который всю ночь находился в воде.

— Очень приятно!.. Весьма приятно!.. — баят и хрипят господа, распространяя сивушный перегар. Иду дальше. Из-за стола встает хорошо одетый, с приятным лицом, средних лет человек, похожий на белую ворону в стае черных, — Михаил Коцюбинский... слышу приятный, как будто немного надтреснутый тихий голос».

«Известно, что свинства в управе много, — словно предчувствуя, что сулит ему земская служба, писал Коцюбинский в свое время жене и добавлял: — Мы с тобой, донечка, найдем другие интересы — вне службы, будем читать, писать, жить с людьми, которые интересуются общественной жизнью, литературой, наукой».

В доме Коцюбинских стали устраиваться «понедельники». Состав посетителей этих «понедельников» с течением времени менялся. В последние годы (1910–1912) «понедельники» были заменены «субботами», ставшими школой для многих будущих известных украинских поэтов, в том числе и для таких, как Павло Тычина и Василий Эллан (Блакитный).

В ожидании гостей отец зажигал в гостиной спиртово-калильную лампу; разгораясь, она гудела, выбрасывала столб огня, вылетавшего поверх стекла, огонь раскалял асбестовую сеточку, светившуюся ослепительным светом. От яркого света тени в гостиной становились резче. Крышка рояля блестела, красные цветы шалфея пылали факелами.

Вдоль стен стояли большие шкафы с книгами, трюмо. Овальный стол в углу был покрыт темной бархатной скатертью. На столе лежали альбомы. На полу ковер, всюду висели картины.

Гостиную украшали редкостные морские звезды, клешня гигантского краба, обломки кораллов, перламутровые зеленые створки раковин, помпейский светильник. Всюду стояли живые цветы.

...К оживленным дебатам на «понедельниках» чутко прислушивалась молодежь. Составлялись на украинском и французском (с помощью Веры Иустиновны, хорошо владевшей иностранными языками) адреса: известному грузинскому поэту Илье Чавчавадзе, композитору Н. В. Лысенко и другим юбилярам.

На одном из «понедельников» собрали деньги на венок А. Чехову, который позже отвезли на похороны. Обсуждались вопросы развития изящной словесности, выпуск украинских альманахов «Из потока жизни», «Ласточка», «Дубовые листья». Читались произведения молодых писателей, присланные в эти альманахи, а позднее распределяли обязанности среди участников «понедельников» по сбору средств на сооружение памятника Т. Шевченко.

Среди посетителей «понедельников» были писатели Борис Гринченко с женой Марией Загирной, Владимир Самийленко (Сивенький), Николай Чернявский, поэт Николай Вороний, литератор и художник Григорий Коваленко, переводчики произведений Коцюбинского на русский язык Леонтий Шрамченко, Михаил Могиланский, председатель «Громады» Илья Шраг, сын баснописца Леонида Глибова — Александр Глибов, сослуживица Коцюбинского Ольга Андриевская, доктор Базилевич, Феодосия Степановна Шкуркина (близкий друг семьи писателя), художники Михаил Жук, Петр Цыганко и Валентин Зенченко, сельская учительница Персида Данилевич, ее друг гимназист Борис Чернявский и другие.

Тесная дружба связывала отца с поэтом-сатириком Владимиром Самийленко. Его внешний вид — небрежно свисающие пряди седых волос, поношенная студенческая тужурка — вполне соответствовал безалаберному образу его жизни. Самийленко был явной противоположностью всегда подтянутому Коцюбинскому. Его дом напоминал жилище Нечуя-Левицкого, у которого на Пушкинской часто бывал отец во время своих поездок в Киев. Такие же две маленькие комнаты с прихожей. В меньшей комнатке стояла кровать, а на стене висела бандура. Во второй, парадной комнате, — диван и на угловом столике лира без струн, заказанная какому-то горе-мастеру да так и не доведенная им до

конца. Она как бы символизировала деятельность самого хозяина, поэтические замыслы которого часто оставались незавершенными. Всюду — на столах, подоконниках, на полу — громоздились книги. Михаил Михайлович никогда не знал, где тут присесть, все было покрыто слоем вековой пыли. Беспечный хозяин не обращал внимания на окружающий его невероятный хаос. Он весь был поглощен творчеством, переводами...

Коцюбинский подтрунивал над приятелем. Ведь и в редакции «Земского сборника», где секретарствовал Владимир Иванович, было не лучше. Незадачливый секретарь «сгружал» всю почту, все рукописи, книги, брошюры в свой так называемый «редакционный портфель» — огромный шкаф, который за невообразимый беспорядок, в нем царивший, прозвали безодней, то есть пучиной..

В Чернигове Самийленко написал несколько драматических произведений, в том числе пьесу «Маруся Чураивна» и «Драму без водки». Но главным образом он занимался переводами («Лекарь поневоле», «Жорж Данден», «Брак поневоле», «Скупой» — Мольера, «Свадьба Фигаро» — Бомарше, «Царь Федор Иоаннович» — А. Толстого и др.).

В письмах друзьям отец писал: «Самийленко сейчас занят переводом Мольера (с оригинала) и уже кончает «Тартюфа». А в письме Г. Мачтету, стремясь устроить Самийленко на лучшую работу, характеризует своего друга как выдающегося украинского поэта, переводчика Данте и Мольера, человека образованного, талантливое, глубоко честного и симпатичного.

Переводы Самийленко (он владел девятью языками) действительно звучали по-украински так же естественно, как и их французские, испанские и итальянские оригиналы.

Частым посетителем «понеделников» Коцюбинского был Борис Гринченко. Обладал он очень многосторонним дарованием, был и прозаиком, и поэтом, и драматургом, и переводчиком, и фольклористом, и этнографом. Принадлежит Б. Гринченко также капитальный четырехтомный «Словарь украинского языка», переизданный в 1958 году Академией наук УССР. Занимался он, кроме всего прочего, и педагогической деятельностью, базируясь на принципах русской демократической школы К. Д. Ушинского и В. П. Острогорского.

Вся эта деятельность была, однако, не лишена определенных противоречий, которые отражали и объективную сложность условий, в которых творил Гринченко, и его субъективную непоследовательность. Он много сделал для украинской школы, языка, народного образования, но в то же время в просветительстве этом проявлялась иногда и национальная ограниченность. Как сказал Максим Рыльский, «во главу угла» Гринченко

ставил подчас не социальный, а национальный момент. Но опять-таки последнее все же не влекло за собой неприязни к другим народам, наоборот, он всячески поддерживал и осуществлял идею интернационального братства. Недаром на смерть Гринченко откликнулась прогрессивная пресса очень многих стран.

Отец уважал Гринченко за ум; честность, трудолюбие, и, когда у того были неприятности по службе, в письме маме замечал: «Так смешивать с грязью человека, да к тому же еще и честного (я уверен в этом), недостойно порядочных людей. Если у Гринченко есть какие-то недостатки, так из этого не вытекает, чтобы на основании сплетен позорить его и отказывать даже в честности».

Но порою в отношениях Коцюбинского с Гринченко чувствовались сложности. Отец величал Гринченко «генералом», был недоволен его предисловием к собранию сочинений Леонида Глибова и т. д.

Не все начинания отца одобрял и Гринченко. В 1903 году, например, у Коцюбинского возник замысел издать альманах «Из потока жизни», в котором он решил поместить неопубликованные произведения известных украинских писателей. В связи с этим Михаил Михайлович обратился к Ивану Франко, Лесе Украинке, Панасу Мирному, Нечую-Левицкому, Стефанику, Кобылянской, Кобринской с призывом способствовать отражению в литературе всех слоев общества — интеллигенции, фабричных рабочих, войска, артистического мира, поднять темы философские, психологические, исторические, учитывать запросы современного читателя, который «имеет право ожидать и от родной литературы более широкого поля наблюдения, верного изображения различных сторон жизни всех, а не только одного какого-нибудь слоя общества».

Это обращение имело огромное значение для украинской литературы, ее будущего. На него широко откликнулись многие писатели, хотя и не все современники осознали его новаторский смысл. В числе последних был и Гринченко, который по поводу замысла Коцюбинского иронически заметил: «От него пахнет устрицами».

Раздражал Б. Гринченко и внешний вид Коцюбинского. «Борис Дмитриевич, — вспоминает М. Могилянский, — обратился ко мне и с явной иронией сказал: «Вот бы вам, Михаил Михайлович, нужно было бы с ним (Коцюбинским. — И. К.) познакомиться. Увидели бы украинского писателя в воротничках и в галстук».

С другими участниками литературных «понедельников» отца связывали издательские интересы. Так, Леонтий Шрамченко и Михаил

Могилянский были переводчиками его произведений на русский язык. С Николаем Чернявским и Григорием Коваленко Михаила Михайловича сближала работа по изданию альманахов и сборников. Николай Вороний интересовал Коцюбинского не только как лирик, но и как артист известных тогда украинских трупп Кропивницкого, Саксаганского, Садовского, а позже — русских: Петрова-Краевского, Петипа и Форкати. Ольга Андриевская была связана с семьей Коцюбинских своей политической деятельностью. Отец впоследствии помог ей эмигрировать в Чехию, где она во многом способствовала переводам его произведений на чешский язык.

На литературных «понедельниках» часто составлялись программы литературно-музыкальных вечеров, которые организовывала «Просвита»^[27], потому постоянными гостями у нас были известные артисты.

Однажды пригласили цимбалиста. Для него освободили место за столом, поставили цимбалы на стаканы, до половины наполненные водой, чтобы звук был яснее, и цимбалист стал воспроизводить на своем инструменте украинские мелодии. Отец любил народные песни в обработке Н. Лысенко «Без тебя, Олеся, тяжко жить на свете», а также романс на слова Гейне «Был у меня родной любимый край». Часто слушали шевченковские «Думы мои, думы мои» и оперные арии в исполнении Шаляпина.

1898 год был богат политическими событиями и съездами, которые в основном проходили в Киеве. Так, между 20–27 августа был созван II съезд украинских «Громад», которому предшествовал тайный съезд студенчества. На съезде «Громад» было решено передать Борису Гринченко и Михаилу Коцюбинскому 800 рублей на организацию тайной типографии для печатания брошюр на украинском языке для рабочих. Также было выдано 300 рублей студентам из Галиции Д. Лукияновичу и Р. Сембратовичу, которые привезли в 1897 году от И. Франко туюк социал-демократической литературы и шрифт для типографии^[28].

О том, что у Коцюбинских была подпольная типография, мы узнаем из донесения начальника Киевского губернского жандармского управления от 19 октября 1-898 года.

В нем говорится: «Секретно. Имею честь представить при сем Вашему Превосходительству копию полученного мною по городской почте печатного воззвания на русинском^[29] наречии и донести, что лицо,

приславшее это воззвание, не обнаруживая своей фамилии, сделало на воззвании чернилами печатными от руки буквами следующие приписки вначале:

«Напечатано] в Чернигове в тайной типографии Гринченко и Коцюбинских»^[30].

Сведения о существовании в Чернигове нелегальной типографии подтверждаются также донесением начальника Черниговского губернского жандармского управления полковника Рудова, посланного совершенно секретно 5 декабря 1897 года в С.-Петербург, в котором сообщается: «... какие-то два студента из Галиции привезли в Чернигов Гринченко типографию...»^[31].

В организации этой тайной типографии значительную роль сыграла Леся Украинка, договорившаяся с И. Франко и М. Павликом о создании тайной типографии при черниговском кружке, одним из руководителей которого был М. Коцюбинский.

Типография существовала длительное время, располагаясь в разных местах. Шрифт ее находился в квартире Коцюбинских на протяжении семи лет. Близкий друг дома Коцюбинских Ольга Дорошенко (урожденная Бобырь) в своем письме автору книги пишет:

«Это было приблизительно в 1904 году. Когда я вошла в гостиную Коцюбинских, то застала там Михаила Михайловича и Веру Иустиновну очень взволнованными. Они о чем-то спорили. Этой ночью в городе было проведено много обысков и арестов. В руках Вера Иустпновна держала какой-то большой сверток... Увидя меня, она сказала: «Вот кто может нам помочь». А потом обратилась ко мне: «Олечка, надо немедленно и незаметно вынести этот пакет и спрятать в надежном месте, пока я его у вас не возьму. Можете ли вы это сделать?» Я согласилась, только попросила, чтобы мне дали плащ. Как раз начал накрапывать дождь. Вера Иустиновна хотела идти за плащом, но Михаил Михайлович остановил ее и по-украински что-то ей тихо сказал. Я услышала только два слова: «Так нельзя». Тогда Вера Иустиновна сказала мне: «Оля, это революционные прокламации и шрифт, которые необходимо немедленно вынести из нашего дома. У Михаила Михайловича, наверно, будет обыск. А у вас их вряд ли будут искать. Но имейте в виду, если найдут, это очень для вас опасно. Вы должны это знать. А может быть, лучше не надо? Я сделаю это сама...»

Ольга Ивановна с радостью выполнила поручение Коцюбинских.

В 1899 году Михаил Михайлович был на тайном собрании прогрессивной интеллигенции у М. П. Старицкого, представительства от

Чернигова. А от Житомира прибыл его давний приятель Гр. Мачтет. Е. Кротевич вспоминает: «В своем докладе М. Коцюбинский внес предложение от кружков молодежи Чернигова и Одессы издавать нелегальную газету».

Черниговская жандармерия неустанно наблюдает за деятельностью Коцюбинского. В своем отношении за № 1872 начальник Черниговского губернского жандармского управления сообщает департаменту полиции, что «Коцюбинский принадлежит к группе лиц, оказывающих как нравственную, так и материальную поддержку активным деятелям черниговских революционных кружков^[32].

Массу хлопот и неприятностей принесло отцу запрещение печататься на украинском языке в пределах царской империи. Семь сборников его рассказов были изданы во Львове, главным образом в «Украинско-русском издательском союзе». Из них один том под названием «Из глубины» был напечатан львовским издательством «Молодая муза».

Присущая Коцюбинскому скромность не позволяла ему просить о гонорарах, и потому только в последние годы жизни он, по существу, начал их получать. Дирекция «Издательского союза» не назначала ему долгое время никакого гонорара, даже не подозревая трудного материального положения Коцюбинских.

К каким только хитростям не приходилось прибегать отцу, чтобы, минуя цензурные притеснения, законы почтового ведомства, бдительность жандармерии, получать по почте корректуры своих книг. Михаил Михайлович просит в письмах Владимира Гнатюка^[33] как можно аккуратнее обвернуть корректуру со всех сторон бумагой, чтобы, надорвав конверт, чиновники не обнаружили в нем печатного слова. Нужно было именоваться «его превосходительством», чтобы без цензуры получать из-за границы книги на свой адрес, иначе они возвращались во Львов с надписью «отказано». Таким «его превосходительством» был В. Б. Антонович — ректор Киевского университета. И каждый раз отец вынужден был ехать в Киев в трясучих холодных вагонах узкоколейной железной дороги, соединяющей Чернигов с глухой станцией Круты, и ждать там чуть ли не сутки поезда Москва — Киев, чтобы пересечь в него, из рук Антоновича получить несколько своих книг, изданных за рубежом.

С Владимиром Михайловичем Гнатюком — тогда директором «Украинско-русского издательского союза» — у отца завязалась оживленная переписка еще в 1898 году. Коцюбинский стал членом этого объединения, начал там издаваться. Лично они познакомились в 1905 году

во Львове.

Коцюбинского с Гнатюком тесно связывали литературные интересы, издательские дела, собирание фольклора. Со временем их отношения переросли в большую дружбу семей. Отец всегда останавливался в доме Гнатюков во время своих поездок за границу. Жена Гнатюка гостила у нас в 1911 году. И взрослые и дети обменивались фотографиями. Владимир Михайлович снабжал отца фольклорными сборниками, которые очень помогали ему.

«За подарок для меня очень ценный — за Ваши «Этнографические записки» — очень Вам благодарен», — пишет в одном из писем своему другу Михаил Михайлович. И в другом письме: «Развлекали меня во время каникул Ваши коломийки^[34]. До чего же хорошая книга! Просто поражаешься богатству народного воображения и колоритности языка. «Буду брать», — скажет, наверно, каждый писатель, читая эту книгу, и в этом преступлении виноваты будете Вы. Очень Вас благодарил, читая коломийки, благодарю и сейчас».

Письма Коцюбинского к Гнатюку полны нежности.

«Вот сижу сейчас и представляю Вас в Криворивне, — пишет Михаил Михайлович. — И так мне хочется быть вместе с Вами, среди гор, над речкой, греться на солнце и спокойно о чем-нибудь говорить. А то вдруг услышать оригинальную коломийку и Ваш смех...»

Можно сказать, что Владимир Михайлович был одним из самых близких друзей отца. Переписывались они на протяжении пятнадцати лет, вплоть до кончины Коцюбинского. В 1914 году, после смерти Михаила Михайловича, Гнатюк издал во Львове его «Письма к Владимиру Гнатюку» со своим предисловием, в котором сердечно вспоминает о Коцюбинском. «Среднего роста, стройный, худощавый, в последнее время немного сутулый, одетый скромно, без всякой претензии и, конечно, с бутоньеркой в петлице... Умел вести и поддерживать беседу так, что каждый получал удовольствие от разговора с ним... Бескорыстный до самопожертвования, все делал по внутреннему убеждению и ничего ради личного интереса».

Большой радостью для отца было появление его рассказа «Ради общего блага» в переводе на русский язык в журнале «Жизнь», литературную часть которого вел М. Горький. В этом номере были также помещены статья В. И. Ленина «Ответ г. П. Нежданову», подписанная псевдонимом Владимир Ильин, и рассказ «Двадцать шесть и одна» М. Горького.

«Недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше

всех!»^[35] — говорил о журнале В. И. Ленин.

Окрыленный успехом, Коцюбинский готовит к выходу в свет второй сборник своих рассказов.

Его приглашает сотрудничать киевское издательство «Век». Редакция просит отца прислать автобиографические сведения и фотографии для оформления сборников, а также сообщает их предполагаемый состав.

Активизация издания произведений Коцюбинского обеспокоила жандармерию и цензуру. Петербургский цензурный комитет запрещает в России новеллу «Хо», наблюдение за литературной и общественной деятельностью Коцюбинского усиливается. В донесениях отмечается «об организации в Чернигове тайного противоправительственного политического кружка, в состав которого входит М. Коцюбинский, его жена, Б. Гринченко, И. Шраг и другие».

После длительных проверок жандармерией благонадежности писателя в сентябре 1900 года его все же перевели на должность статистика в оценочно-статистическое бюро Черниговского губернского земства с окладом 1200 рублей в год.

1901 год начался возмущением прогрессивной общественности всей страны по поводу отлучения от церкви Льва Толстого. Позже я узнала, что отец и мать в числе двухсот других подписали адрес, посланный из Чернигова Л. Толстому в связи с этими событиями.

На одном из «понедельников» был решен вопрос, кому отвезти приветственный адрес Толстому от черниговских почитателей его таланта. В блокноте Толстого записано, что 12 апреля 1901 года у него была с адресом неизвестная дама из Чернигова. Вышеупомянутой дамой, по предположению Тамары Ивановны Бобырь, была Вера Иустиновна.

Талант гения русской литературы был близок и дорог Коцюбинскому. Как председатель общества «Просвита», Михаил Михайлович был инициатором празднования в 1908 году на Украине 80-летия со дня его рождения. В письме, адресованном Киевскому научному обществу по подготовке этого торжества, Коцюбинский пишет: «украинцы не могут стоять в стороне от большого культурного праздника, которым почтут писателя, завоевавшего всемирную славу, поэтому нужно своевременно побеспокоиться, чтобы наряду с другими народами в празднестве участвовали и представители украинского народа».

Коцюбинский не любил одиночества. Он всегда тянулся к людям, интересовался наукой, искусством, музыкой. С нескрываемым удовольствием общался он с посетившими Чернигов профессорами

Алексеем Петровичем и Марией Васильевной Павловыми. Они преподавали в то время в Московском университете. Алексей Петрович — выдающийся геолог и археолог, впоследствии академик, воспитатель не одного поколения опытных геологов, работал над исследованием морского дна и созданных морем геологических напластований. «Много интересного и неисследованного есть в природе, — утверждал он. — Нужно упорно работать над нашим прошлым, над историей нашей земли».

Коцюбинского поражали в Алексее Петровиче преданность науке, ум, знания. Он любил беседовать с ним, пристально наблюдая за выражением его лица, умных, проницательных глаз. Вглядываться и вслушиваться в людей, каждый раз открывая в них необъятный мир новых чувств, переживаний, было отличительнейшей чертой его нервной чуткой натуры.

Е. И. Чудновская в письме ко мне от 26 июня 1961 года вспоминает: «Однажды речь зашла об одном из женских портретов, написанных М. Жуком. Кто-то сказал, что женщина некрасива. На это Михаил Михайлович возразил, что, по его мнению, некрасивых людей нет или почти не бывает, так как в каждом лице можно найти что-то привлекательное — в глазах, в очертании лба... Нужно только уметь найти эти прекрасные человеческие черты, добавил он».

Скрытую красоту видел отец и в жене Павлова. Маленькая, сухонькая, седеющая женщина, скромная и с виду непритязательная, в действительности была очень умным, содержательным человеком. Мария Васильевна одной из первых женщин закончила в Париже в 1884 году Сорбонну, стала выдающимся палеонтологом, специалистом по вымирающим млекопитающим. При Советской власти была избрана членом Академии наук Украины и почетным академиком Академии наук СССР.

Жена Павлова приезжала на отдых к своей двоюродной сестре Вере Коцюбинской. Они вспоминали отрочество, юность. Чета Павловых была бездетна, поэтому, очевидно, с таким удовольствием отдыхала у нас, где всегда звенел детский смех.

Не меньший интерес вызывала у отца также часто гостившая у нас Мария Адриановна Дейша-Сионицкая, жена маминого брата — Василия Иустиновича. Мария Адриановна была известной в ту пору русской певицей. Она обладала прекрасным сопрано с редкостным диапазоном большой драматической экспрессии. Начиная с 1883 года она поет в Мариинском оперном театре в Петербурге вместе с известными певцами Николаем и Медеей Фигнер. С 1891 по 1908 год она примадонна Большого оперного театра. Неоднократно была партнершей Ф. Шаляпина в ряде

оперных постановок, выступала с концертами во Франции и Бельгии. При Советской власти Мария Адриановна стала профессором Московской консерватории и автором педагогического эссе «Пение в ощущениях», которое вышло в 1926 году. Музыковеды до сих пор вспоминают ее как самую «умную» Аиду, отмечая наряду с богатейшими вокальными данными ум и драматическое дарование певицы, с полным основанием называя ее «народным самородком».

Родилась она в Чернигове в 1861 году. Ее отец — Адриан Сионицкий, местечковый мещанин, занимался торговлей на ярмарках, барышничал лошадьми и скотом; мать — торговка. У Сионицких были три дочери. Старшая, Мария, еще с детства отличалась музыкальным слухом и хорошим голосом. Девушка любила петь украинские песни, она мечтала учиться, но отец и слушать об этом не хотел. Ему казалось, что он и так наказан богом: трое детей — и ни одного помощника в хозяйстве, ни одного парубка, только бабы! Тьфу, прости господи! — не раз сокрушался он. Правда, Маня, как ее звали дома, могла заткнуть за пояс любого парня: ловко справлялась со стадом овец, умела стреножить коня, погнать табун на водопой. И в косах, которыми торговал отец, разбиралась: по звону косы она могла безошибочно определить, из хорошей Ли стали она сделана.

Однажды на ярмарке в Чернигове шестнадцатилетняя дивчина сидела себе на возу да пела. Много тогда понаехало сюда купцов. Собрались помещики из окружных и самых дальних деревень губернии. Были тут и барышники, и торговцы... В шарабане прибыл на ярмарку помещик Евреинов. Имя его было известно всей Черниговщине, он слыл да и был меценатом. Не раз он демонстрировал украинский хор сельских девчат перед многочисленными гостями-помещиками.

...Евреинова поразил голос Марии. Такого богатства нюансов, такой силы и экспрессии он давно не встречал. Пленила его и какая-то особая легкость в исполнении.

— Чья ты? — спросил он девушку.

После долгих колебаний родители Мани решились отпустить дочь за границу.

Вначале она училась в Вене, а затем в Париже у знаменитой преподавательницы пения Маркези, с 1879 по 1881 год — в Петербургской консерватории по классу Цванцигера и Эверарди. Мария Адриановна оказалась на диво способной ученицей. Дебютировала она на петербургской сцене в «Аиде» и с того времени стала петь в опере.

Надежды Евреинова — иметь собственную солистку, которая полностью зависела бы от него и принесла бы ему не только славу, но и

деньги, — рухнули. Как только Мария Адриановна оказалась среди первых певиц Мариинского театра, она сразу же начала выплачивать своему патрону деньги, затраченные на ее обучение.

Мария Сионицкая великолепно разбиралась во всех оттенках лирической украинской песни. Под мамин аккомпанемент она пела и у нас на «понедельниках», по приглашению отца довольно часто выступала в концертах, устраиваемых в Чернигове в пользу политзаключенных.

Встречи эти относились к 1902–1909 годам.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Все в нашей семье, начиная от малышей и кончая бабушкой, в меру своих сил пытались создать отцу благоприятные условия для творчества.

Когда он писал в гостиной, то дверь из столовой закрывали, изолируя таким образом спальню и гостиную — половину отца (как ее у нас называли) от всякого шума. Если мама входила в столовую со словами «папа работает», этого было достаточно, чтобы в комнате воцарялась тишина. Все старались говорить шепотом. На половину отца ходить запрещалось. Но меня интересовало буквально все, что касалось отца, — как он пишет, на какой бумаге, какой ручкой, как сидит в кресле... Незаметно я проскальзывала в прихожую возле гостиной, забивалась в темный угол между дверями и отсюда через стеклянную дверь гостиной наблюдала за всем, что там происходило. Иногда, сидя на сундучке, я писала на какой-то невозможной ядовито-оранжевой бумаге стихи.

Когда мы стали взрослыми и я рассказывала братьям и сестре отдельные подробности из жизни отца, они удивлялись, не понимая, откуда они мне известны. «Небось подглядывала?» — спрашивал Юрий. Так оно на деле и было.

Вечерами Михаил Михайлович сидел за своим письменным бюро в гостиной. Тусклый, колеблющийся свет помпейского светильника освещал его склоненное лицо. Согнувшись, отец писал на небольших листках почтовой линованной бумаги. Аккуратная стопка этой бумаги лежала сбоку на столе. Почерк у отца женский, с наклоном, мелкий, но разборчивый. Иногда он заглядывал в лежащую рядом записную книжку, иногда пользовался толстым энциклопедическим словарем Ф. Павленкова, этнографическими сборниками В. Гнатюка и другими книгами из своей библиотеки.

На небольшом письменном бюро — неизменный порядок. Ручки с перьями воткнуты в перочистку; для правки корректуры — тоненькая ручка со специальным пером: она лежит отдельно на деревянной подставке. Чтобы ветер не разбросал листки бумаг — балконная дверь летом была обычно открыта, — они лежали под прессами из литого стекла и мраморных плиток. Большая стеклянная чернильница на квадратной, из черного мрамора подставке, пепельница и опишнянская вазочка для цветов.

Была у него и портативная машинка фирмы «Ремингтон». Михаил Михайлович писал по вечерам — днем он был занят на службе. Только позже, начиная с лета 1911 года, когда он освободился от должности в статбюро, мог писать днем.

До 1906 года письменное бюро стояло в спальне родителей, где отец написал первую часть повести «Fata morgana», новеллы «Цвет яблони», «В грешный мир» и несколько рассказов. Потом бюро перенесли в гостиную и поставили возле печки, чтобы отцу было теплее. Писал он в день не более трех-четырёх страниц, большую часть времени у него отнимало обдумывание. Он ходил размеренными шагами, чуть ссутулясь, глаза его как бы всматривались в глубь себя.

Это были, по его словам, самые радостные минуты в его творчестве.

«Пока обдумываю сюжет, пока в моем воображении рисуются люди, события и природа, — чувствую себя счастливым: такое все яркое, свежее, настоящее и сильное, что я трепещу от волнения», — пишет Коцюбинский М. Мочульскому.

Работающий, неутомимый в труде, Коцюбинский сокрушался, что ему мало двадцати четырех часов в сутки. А ночь! Она отнимает у него чуть ли не половину жизни! Понимаете — целую половину! Правда, отец и по ночам полностью не отдыхал. Почти постоянная бессонница истощала и без того слабые его силы.

«Он не преувеличивал, когда говорил о своей ненасытности. Михаил Михайлович действительно с какой-то одухотворенной жадностью заглядывал в каждый уголок земли, без усталости озирался и прислушивался, будто боялся что-нибудь да пропустить», — вспоминает С. Иткин, с которым писатель познакомился на Капри^[36].

Запечатлелось в памяти, как вместе с мамой отец при слабом свете свечи правит корректуру. Не любил Михаил Михайлович днем ни отдыхать, ни лежать, не было у него этой привычки. Всегда аккуратный и подтянутый, со свежим носовым платком в кармане, он не носил ни просторных широких курток, ни халатов, ни мягких комнатных туфель. Я почти не помню отца и без воротничка, хотя хворал он довольно часто.

Речь его отличалась образностью, он всегда находил какие-то необыкновенные и полновесные слова. Когда ходил или сидел, не держал рук в карманах, не закладывал их за спину. Держался просто и непринужденно. Сидя в кресле у стола, любил скрещивать вытянутые ноги, положив локти рук на подлокотники и по привычке сплетая тонкие пальцы. А то подопрет голову левой рукой и задумчиво смотрит прямо перед собой.

Начиная с 1895 года, куда бы ни ходил, куда бы ни ездил Михаил

Михайлович, в его кармане всегда находилась записная книжка. Таких записных книжек к 1912 году набралось у отца девять.

Сперва это были простые тетрадки без обложек. Потом их сменили записные книжечки в кожаных переплетах темно-красного и оливкового цветов.

В первых тетрадках исписано было от шести до тринадцати страниц. А в последующих — уже все шестьдесят, а то и девяносто пять. В них — и картины природы, и заметки о привычках, поверьях, особенностях жизни татар, молдаван, евреев, и зарисовки быта украинского села, итальянских рыбаков, гуцульских пастухов-номадов.

«Продолжаю делать заметки в записной книжке, — писал Коцюбинский Аплаксиной в 1910 году с Капри. — Сделал уже 80 заметок, пригодятся. А кроме того, в голове и в сердце у меня целый клад. Плохо быть писателем. Вечно чувствуешь какие-то обязанности, вечно имеешь широко открытые глаза для наблюдений, вечно натягиваешь струны сердца и настраиваешь их для мелодий природы. И все тебе мало, все кажешься сам себе бедным, недостаточно тонким, ленивым, небрежным — вечно недоволен собой. Хотелось бы весь свет обнять и заключить в сердце, собрать все краски и все лучи, накопить материал для работы, а вместе с тем с грустью чувствуешь, что ты плохой аппарат, несовершенный и не можешь выполнить своей задачи».

Конечно, не все то, что вошло в сокровищницу творчества Коцюбинского, было взято из записных книжек. Немало деталей пришло прямо из обыденных картин семейного быта, окружения, из тех жизненных обстоятельств, которые волновали его и близких ему людей.

Отца всегда тянуло в село. Оно давало ему множество впечатлений, которые тщательно записывались им, — вдруг пригодятся.

Как-то всей семьей вместе с нашими знакомыми Ф. Шкуркиной-Левицкой и П. Солониной мы ездили на пароходе в село Ладинку Олишевской волости, на Волчью гору к Исидору Василевскому, близкому другу нашей семьи. Выйдя на берег, шли пешком по тропинке через зеленый луг вдоль Десны до крутого подъема, где нас ждал фаэтон.

По дороге нам встречались босоногие сельские девчата; празднично одетые (было воскресенье), они торопились в церковь, неся за ушки свои ботинки. Отец любовался пышным сосновым бором на Волчьей горе, зарослями лесной гвоздики, наполнявшей воздух нежным ароматом.

Отдыхали после дороги в просторных комнатах с дощатыми стенами в венках из пшеничных колосьев, где пахло смолой и полем.

Отцу нравилась патриархальная простота комнат с крепко сбитыми на

старинный манер лавками, покрытыми плахтами и ткаными рушниками. Дочь Василевского Оксана, чернявая красавица в белой крестьянской свитке, радушно встречала гостей.

Под горой был залив, где покачивались лодки. На них мы выплывали на Десну. Отец правил, а мы гребли изо всех сил.

Ездили мы также с отцом и матерью на тильбюри по окрестным селам вблизи Ладинки. Были в Золотинке, Серединке, Сеножатском, Красном.

В апреле 1901 года Коцюбинский вместе с Черлюн-чакевпчем и Назаровым в составе группы статистиков Черниговского оценочного бюро отправились в Новозыбковский уезд Черниговской губернии для описи недвижимого имущества, подлежащего земскому обложению.

Во время этой поездки у писателя возникла идея психологического этюда «Куколка», очень важного в творческой эволюции художника. Он знаменовал собою окончательный разрыв писателя с культурническими иллюзиями.

К сожалению, цензура настолько извратила это произведение, выбросив основные «психологические узлы», что писатель попал в затруднительное положение, сомневаясь, нужно ли в таком виде его печатать. Позже, в 1905 году, выступая на заседании Черниговской городской библиотеки по поводу цензурных ограничений, Коцюбинский «рассказал кое-что и из своего личного опыта». В «Куколке» фигурировал священник, у которого были серые глаза. Цензору это не понравилось, и он везде вычеркнул «серые глаза». Но он не только выколол глаза герою повести, он еще постарался порвать и чуть ли не все психологические узлы повести и таким образом совершенно изуродовать произведение^[37].

Отец в этот период жизни был, как всегда, ровным, мягким с окружающими, но чувствовалось, что с ним начинает твориться что-то неладное. Он и сам понимал это: «Бывают у меня периоды бессонницы, тяжелой угнетенности. Все мои чувства заостряются. Я становлюсь необычайно чутким, подвижным, веселым, удачливым. Все дается мне легко. Все воспринимаю и ощущаю остро, ярко. Творчество кипит во мне... Но я знаю, что уже где-то близко-близко собирается туча. Что вслед за этим наступит период упадка. Что черная меланхолия окутает меня. Что я буду долго и тяжело болеть, пока понемногу снова приду в норму»^[38].

Такие срывы, правда, наблюдались тогда еще редко, и ему много и легко писалось.

«Вот расписался! Целый томик рассказов за это время собрал», — восторгается он.

Уже давно Коцюбинский вынашивал мысль создать большое произведение — это должно было быть социальное полотно, широкая панорама времени, в которой была бы показана революция 1905 года. К этому периоду, то есть к началу 900-х годов, у писателя был уже накоплен солидный багаж и впечатлений, и фактов, и знаний. Обладал он уже большим творческим опытом. Поэтому естественно, что к 1902–1903 годам замысел повести, названной позже «Fata morgana», вполне сложился.

В центре произведения семья безземельного крестьянина Андрея Волика, впавшая в страшную нужду. Андрей, в прошлом рабочий сахарного завода, надеется на восстановление сгоревшей сахароварни. Его жена Малайка мечтает о земле. Но жизнь жестоко смеется над обоими. Из-за несчастного случая на заводе Андрей становится калекой, а позже гибнет во время кулацкого самосуда, учиненного над восставшими крестьянами. Мечты Маланки развеиваются, словно fata morgana — марево, — поманили и исчезли...

Первая часть повести завершается беспросветным хмурым финалом:

«...Идут дожди. Холодные осенние туманы клубятся вверху и спускают на землю тонкие мокрые косы. Плывет в серую безвесть тоска, плывет безнадежность, и тихо всхлипывает грусть. Плачут голые деревья, плачут соломенные стрехи, умывается слезами убогая земля и не знает, когда улыбнется. Тусклые дни сменяют темные ночи. Где небо? Где солнце?.. Мириады мелких капель, как утраченные надежды, вознесшиеся слишком высоко, падают и, смешанные с землей, текут грязными потоками. Нет простора, нет успокоения».

Материалом для первой части повести послужили впечатления, собранные и записанные Коцюбинским в период его жизни в селах Подолии.

Еще в молодые годы учительства у него возник замысел рассказать о жизни деревни. В Лопатинцах писатель жил вблизи сгоревшей сахароварни, владельцем которой была компания во главе с Бродским. Рядом с домом Мельникова, где отец был домашним учителем, «жила бедная семья Андрухова с двумя детьми. Прежде он служил аппаратчиком на сахароварне, а во время пребывания Коцюбинского, став фактически безработным, жил надеждами на фабрику (которую должны были открыть. — И. К.)»^[39]. Как сообщают очевидцы, Коцюбинский часто посещал эту семью.

Крестьянка из села Лопатинцы Мария Ксендз вспоминает также о чете Соломчиных, Андрее и Меланье, которые жили тогда в том же селе. Андрей работал на сахароварне, но, по выражению односельчан, избегал

тяжелой работы, «был таким легоньким... не любил около земли ходить. Любил рыбку удить, носил Мельнику почту». В этой семье было две дочери — Афийка и Марыся. Можно допустить, что в воспоминаниях фигурирует одна и та же семья. По-видимому, Соломчины в селе прозывались по-уличному Андруховыми — по имени хозяина Андрея, так как биографические данные обоих семейств полностью совпадают. Отдельные детали из жизни этих семей, их настроения, привычки, упования, колоритность речи и даже имена вошли в повесть Коцюбинского «Fata morgana».

Но, разумеется, произведение Коцюбинского строилось не только на непосредственных впечатлениях. Писатель пристально следит за нарастанием крестьянских недовольств на Украине, и уже не одни Лопатинцы и Выхвостово дают ему пищу для размышлений. Все больше и больше украинских сел вовлекалось в борьбу. В поле зрения Коцюбинского оказывалась вся Черниговщина, вся Украина.

Шаг за шагом, с каждым новым разделом книги все более ясно вырисовывалась социальная масштабность создаваемой эпопеи. Широкое народное движение современности, коллективная психология, герои — борцы за народное дело — все это представало в украинской литературе в таких масштабах впервые. Над повестью Коцюбинский работает в течение последующих десяти лет, и вся его жизнь этого периода так или иначе связана с осуществлением грандиозного замысла.

Годы, предшествующие первой русской революции и дальнейшие годы были временем расцвета дарования художника. Отец вынашивает все новые и новые темы. Он весь переполнен ими. «Сюжетов у меня всегда много, — говорил Михаил Михайлович. — Но я выбираю из них самые интересные, чтобы они не только мне самому нравились, но и представляли бы общественный интерес».

Только исходя из реального опыта жизни, художник может создать подлинные эстетические ценности, — так решалась в новелле Коцюбинского этого периода — «Цвет яблони» — одна из важнейших проблем искусства.

Выдвигая Коцюбинского «на первый план» среди современных прозаиков, Иван Франко писал: «Этот этюд выявляет руку великого мастера и необыкновенно тонкое наблюдение очень сложного психологического процесса — впечатления писателя, у которого умирает единственный любимый ребенок и фантазия которого, наперекор его воле, фиксирует и концентрирует все детали, как материалы для будущего произведения».

Франко хорошо подметил точность психологического рисунка

Коцюбинского. Основывалась же эта точность на верности впечатления, на удивительной способности писателя впитывать в себя всю сложность и многообразие явлений действительности.

На одной фотографии Михаил Михайлович снят с мальчуганом шести-семи лет, одетым в темный костюмчик с белым воротничком. Из рассказов отца и тети Лиди мы узнали, что это был Стасик, о котором отец вспоминал с особенной теплотой. Он был репетитором мальчика в 80-х годах в Виннице в семье графа Грохольского. Смерть мальчика и пережитые при этом Михаилом Михайловичем тяжелые минуты во многом послужили канвой для изображения смерти ребенка в рассказе «Цвет яблони».

Читая эту вещь, я невольно вспоминала также милые, детские выражения моей сестры Оксаночки, папиной любимицы, — Оксы, как он ее называл: «стындо» вместо «стыдно», «папа заметаает голову», «обручи» — так она называла воротнички отца. Все это, как и желтые туфельки с помпонами, в которых мы, девочки, сфотографированы в саду вместе с родителями, нашло свое место в новелле.

Вспоминается и такое.

Ближайшими нашими соседями в Чернигове была семья акцизного чиновника Страховского, с детьми которого мы дружили. Хорошо помню Страховскую, пышную стареющую блондинку, одетую с претензией на «шик»: в черной шляпе, украшенной страусовыми перьями в короткой тальме, белых перчатках. Институтка в прошлом, она говорила гнусавя и растягивая слова. Пригласив для воспитания детей молодого репетитора Пинчука, который жил по соседству, взбалмошная барынька воспылала к нему страстью.

Пошлый роман, герои которого стремились прикрыть его видимостью благопристойности, послужил отцу толчком для написания новеллы «Поединок». Сатирически описан здесь мещанский быт провинциальной семьи, психологические характеристики очень точны и емки.

Прочтя это произведение, Самийленко в своем письме от 19 марта 1903 года писал отцу: «Благодарю за «Поединок», очень мне понравился, написан совсем по-европейски, что я особенно ценю».

На протяжении 1902–1904 годов Коцюбинский вместе с известным большевиком Николаем Ильичом Подвойским работает в Черниговской архивной комиссии. С Подвойским их объединяла и работа в литературно-драматическом музыкальном кружке, которым руководил отец. Николай Ильич обладал прекрасным голосом и выступал на вечерах, устраиваемых этим кружком.

С огромным интересом исследует Коцюбинский историю края,

образцы народного творчества, собирает старинные песни, поговорки, шутки, пословицы и прибаутки. По поручению архивной комиссии Михаил Михайлович составляет программу собирания этнографических материалов, принимает участие в организации Черниговского краеведческого музея, помогая перевезти музейные коллекции из Киева в Чернигов; добивается утверждения Андрея Павловича Шелухина директором музея.

Большим праздником украинской культуры явилось открытие в августе 1903 года в Полтаве памятника И. П. Котляревскому. На этом торжестве Михаил Михайлович познакомился с Владимиром Короленко, Василием Стефаником, Панасом Мирным.

Коцюбинский присутствовал на торжествах в Полтаве делегатом от Черниговской архивной комиссии, а также от литературно-музыкально-драматического кружка. На торжественном заседании он прочел на украинском языке приветственный адрес, подписанный Подвойским и другими черниговцами. Остальные адреса городской голова Полтавы, несмотря на громогласный протест всех присутствовавших, на родном языке оглашать запретил.

В те годы юбилейные торжества и культурные мероприятия часто выливались в открытые демонстрации протеста против произвола и ограничений царских властей. В декабре 1904 года в Киеве праздновали тридцатипятилетний юбилей И. С. Нечуя-Левицкого. Триста гостей, присутствовавшие на этом юбилее, подписали резолюцию против цензурных ограничений. Резолюция была послана министру внутренних дел, и в ней были выдвинуты требования об упразднении запрета печатать книги на украинском языке. Среди прочих подписали эту резолюцию и Коцюбинские.

Возвращаясь из Полтавы, отец заехал в Николаев, Херсон и Одессу. В Николаеве он побывал на судостроительном заводе, в адмиралтействе, в торговом порту, который в то время был одним из первых на юге по экспортированию хлеба, посетил винокуренный завод и табачную фабрику. Коцюбинский наблюдал, как грузят зерно, осматривал ссыпные пункты. На перевалочном узле в облаках пыли перелопачивали, веяли, ссыпали в мешки и взвешивали зерно одни только женщины, получавшие куда более низкую оплату, чем мужчины. Женский труд использовался и в винокурне. Медицинская помощь там совершенно отсутствовала. От осколков битой посуды у работниц постоянно были изранены руки. На табачной фабрике работали и дети. Отец был потрясен увиденным.

В начале 900-х годов Коцюбинский печатается в журнале «Киевская старина». Ему удается издать в Киеве и первый том своих произведений. В 1903 году выходит третий томик рассказов Михаила Михайловича во Львове. Называется он «Поединок».

К концу 1903 и началу 1904 года относятся замечательные лирические стихотворения Коцюбинского в прозе: «Тучи», «Усталость», «Одинокий», объединенные общим названием «Из глубины».

Большие вопросы искусства решались здесь в форме тревожной личной исповеди. Взволнованные, ритмически организованные строки несли читателю раздумья о судьбах творчества и душе поэта.

«Когда я смотрю на тучи — детей земли и солнца — которые, ввысь поднявшись, кочуют в дальние дали — мне кажется, вижу перед собою душу поэта.

Я узнаю ее. Вот она, чистая, белая, в жажде неземных наслаждений плывет в голубых просторах, трепеща от желания песни.

Я вижу ее. Большая, тяжелая, полная скорби мира и невыплаканных слез, темная от жалости к несчастной земле...

Я знаю ее. Мятежная, вся объятая огнем, вся пылающая великим и праведным гневом. Мчится неистово по небу и подгоняет ленивую землю золотым прутом. Вперед... вперед... быстрее вместе с нею... в миллион раз быстрее в просторах... И зовет так, чтобы все услышали, чтобы никто не спал, чтобы все проснулись...

Летом 1904 года Коцюбинские отдохали в Крыму. Посетили дорогие по воспоминаниям места, заглянули в монастырь, где Коцюбинский был до того в 1896 году.

«Выехали мы часов в восемь с половиной утра на линейке (2 лошади) ... — писал он тогда Вере Иустиновне. — Подымаемся все выше, кружась так, что Чатырдаг то вправо, то влево от нас. Горы — Урага, Бабуган и другие — растут на глазах, а долина, из которой мы выехали, опускается, словно проваливается... Туманы тут уже гуляют почти каждую ночь и увлажняют дорогу... Лес становится все больше, все гуще. На дороге пусто, ни души. Глухо. Потянуло холодком... Наконец въезжаем в густой, чудесный буковый лес... Свет в лесу чудесный, какой-то зеленый, словно бенгальский огонь... Лес становится все более могучим... только бук да бук... Въехали в межгорье. С одной стороны — стена, с другой стороны — стена. Над деревьями ленточка неба, словно голубая дорога. А ущелье становится все уже... Делается страшно, словно находишься под землею... На фоне свежего, как весной, леса открываются белые каменные ворота, из-за которых выглядывают шарообразные черные купола церкви,

увенчанные золотыми звездочками. Приехали...

По двору ползают сонные мухи — монахи. Но они лишь кажутся сонными. Только затронешь их — и они тотчас оживут и станут выносить сор из избы... послушаешь, так любой из «братьев» вор и разбойник.

Моральная неопрятность дополняет картину внешнюю. Среди роскошной природы монастырь с его братией, святынями и суевериями кажется отвратительным пятном, зловонной кучей нечистот».

Монастырский быт заинтересовал Михаила Михайловича, отец хотел даже в 1904 году вступить послушником в Кузьмо-Демьяновский монастырь.

В новелле «В грешный мир» Коцюбинский описал духовное возрождение молодых послушниц, вырвавшихся из монастыря. Только здесь, на воле, «в грешном мире», они почувствовали себя людьми. Только здесь слово «сестрица», которое в монастырских застенках потеряло свой истинный смысл, зазвучало для них гордо и трепетно.

Отразились «монастырские» впечатления Коцюбинского и в другом его рассказе — «Под минаретами», о котором уже говорилось.

В период революционного подъема 1905 года, когда цензурные притеснения несколько ослабели, отец вместе с Николаем Чернявским начали осуществлять издание альманаха «Из потока жизни» (он вышел в Херсоне).

Хорошо помню, как отец и мать советовались о цвете бумаги и обложки для этого альманаха. Остановились на кремовом для бумаги, обложку решено было сделать темно-красной.

Вскоре альманах прибыл в Чернигов. Ворота нашей усадьбы распахнулись, и въехала конная площадка, запряженная ломовыми битюгами, перевозившими грузы. С нее сняли несколько больших ящиков с книгами и перенесли в сарай. Отец должен был сам их продавать, делая уступки массовым покупателям. Он прибегал к поощрительным мерам, посылая объявления о продаже своих сочинений. Проекты этих объявлений Михаил Михайлович составлял сам.

Альманах «Из потока жизни» отец так и не успел распродать. Он часто терпел убытки от издания своих сочинений, а если получал гонорар, то настолько скромный, что его не хватало даже на уплату долгов. Служба же в бюро с трудом обеспечивала существование большой семьи. Перед глазами встает картина, как мы, дети, обступили отца в его спальне и с чувством, похожим на страх, смотрим на «катеринку», ассигнацию стоимостью в сто рублей, с портретом Екатерины II. Такие крупные купюры были исключительным явлением в нашем доме.

«Проклятая канцелярская работа схватила меня в свои жесткие лапы, — писал отец. — Все испортила мне эта клятая работа — и здоровье, и юмор, и мои литературные попытки», и далее: «Наибольшая драма в моей жизни — это невозможность посвятить себя полностью литературе, так как она... не только не обеспечивает материально, но требует еще и издержек. Между тем необходимость зарабатывать на кусок хлеба отнимает у меня почти все время и силы».

Ежедневно в половине десятого утра в калитку нашей усадьбы раздавался стук. Это наш сосед извозчик Гнат Тур, путаясь в полах синего кафтана, сообщал о своем приезде. И вот через весь город, утопая в песке и пыли, тянется извозчичья пролетка, везя отца и мать на службу, расположенную на другом конце города — на Бобровице.

Коцюбинский шел в земство, как на барщину. Для него это действительно была барщина. Служба отбирала у него силы, сушила мозг, гасила вдохновение.

Жизнь дореволюционной России вообще ведь не баловала одаренных людей. Владимир Самийленко зарабатывал деньги, служа на телеграфе, а потом на пивном заводе и в нотариальной конторе. Русский писатель Баранцевич был контролером городской конки... Лирик Олесь вынужден был работать на городской бойне ветеринаром. Литературным трудом отец занимался урывками, между подсчетами, какой процент дала десятина ржи по сравнению с прошлогодним урожаем на землях или каким процентом налога обложить такое-то и такое-то недвижимое имущество в губернии... Цифры, таблицы, подсчеты... И целая куча канцелярских бумаг, анкетных листков, статистических карточек.

Повседневная будничность угнетала, а чрезвычайная самокритичность отца часто была источником его сомнений в ценности своего творчества. Но талант писателя уже был признан и глубоко почитался прогрессивной общественностью.

Исключительно дружеская встреча была устроена Михаилу Михайловичу украинскими читателями в Кракове.

«В. 1905 году, — пишет его переводчик Богдан Лепкий, — Михаил Коцюбинский проездом из Чернигова за границу на лечение остановился в Кракове...» Он «не был многословным, но чрезвычайно милым в разговоре. Его мягкий, альтовый голос никогда не поражал чрезмерным форте, его карие глаза так доверчиво заглядывали в ваши, его поворот головы и движения рук оживляли рассказ. Но во всем этом не было ничего искусственного, нарочитого, заранее обдуманного, — Коцюбинский, и

только...

Когда жара несколько спала, пошли осматривать Краков. В первую очередь костел францисканов, Чеснохресную часовню на Замке, престол Файт-Штосса и подворье в Ягайлонской библиотеке. От францисканов насилиу вытащили мы нашего гостя. Его пленили и очаровали декоративные мотивы цветов Виспянского (польский художник. — И. К.), он не мог оторвать глаз от его витражей... Наши (украинские) вавельские фрески поразили Коцюбинского своим, как он сказал, «окцидентализмом». Я выразил сожаление, что они сильно запылены и что краски с них облетают. Надо было бы обновить. «Еще только попортят, — заметил Коцюбинский. — К реставраторам в искусстве доверия у меня нет».

Престол Файт-Штосса (Вита Ствоша) решили осмотреть в другой раз, так как усталость давала себя чувствовать. Через подворье Ягайлонской библиотеки прошли молча, благоговейно. А потом обосновались в «каварне» нашего земляка Кияка, где под вечер, а еще больше на вечерние газеты, собирались младшие члены украинского общества в Кракове, в частности студенты...

В «каварне» тотчас распространилась весть, какого гостя я привел, и возле нас собралась вскоре толпа любопытных. Задавали Коцюбинскому всевозможные, более и менее мудрые вопросы, а он на каждый отвечал с радостью...

Вечером пошли в театр. Что играли — не помню, но что играли знаменито, можно смело сказать; в краковском театре в ту пору блистали Каминский, Высоцкая, Сольский-Зельверович, Мрозовская...

На следующий день краковское украинское общество оказало честь Коцюбинскому, устроив собрание и совместный ужин...

Произносились тосты, Коцюбинский отвечал на них коротко, сдержанно и выразительно, а потом хор спел песню...

Отворили окна настежь...

Когда хор начал петь «Закувала та сива зозуля», то под окнами на тесной улице собралось такое множество людей, что извозчики не могли проехать.

Коцюбинский недоумевал, ведь сходка происходила в тесном кругу, а тут и улица вся присоединилась... Странно!

На другой день около полуночи он уехал. На станции собралась большая толпа поклонников великого писателя. Пока поезд не тронулся, гремела наша песня. Последние ее звуки слились с первым грохотом колес...»^[40]

В предреволюционные, а потом и революционные годы Михаил

Михайлович вместе с женой принимают самое деятельное участие во всех начинаниях прогрессивной интеллигенции: присутствуют на собраниях, подписывают протесты, организуют кассы вспомоществования в пользу политических заключенных. Михаил Михайлович — в составе редакционной коллегии газеты «Десна». Это была прогрессивная русская газета, после ее закрытия в 1906 году в Чернигове начала выходить «Утренняя заря». В ее работе отец тоже принимал участие.

В нашем детском восприятии это бурное время было связано с разжалованием черниговского предводителя дворянства А. Муханова. Политический смысл этой истории я осознала, будучи уже взрослой. Но в те годы меня привлекала только смешная ситуация, которую для нас с особым юмором изображал отец.

А. Муханов был предводителем дворянства и одновременно председателем Черниговского земского собрания. В конце 1904 года он провел в дворянском собрании заседание земских деятелей о народном представительстве в управлении государством. Напуганное нарастанием революционных событий, правительство шло тогда в некоторых вопросах на уступки либеральной буржуазии. Муханов, хотя и был камергером двора его императорского величества, под нажимом земского собрания послал от имени собрания телеграмму царю, в которой было требование ограничения монарших прав конституцией. Царь рассвирепел, назвал поведение камергера дерзким и преступным и заявил, что земство не имеет права вмешиваться в управление государством. Муханов был разжалован, снят с должности председателя, у него отобрали мундир, шпагу, треугольную шляпу с плюмажем, а также другие принадлежности камергерского наряда.

Отец, смеясь, рассказывал нам об этом событии. Но фарс был только внешней стороной того грозного времени.

В Чернигов была прислана карательная экспедиция во главе с генералом Дубасовым, которая учинила лютую экзекуцию над крестьянскими представителями земского собрания за «ослушание царя-батюшки». Волна протеста прокатилась по Черниговской губернии. То там, то здесь загорались имения помещиков.

Вот как вспоминает об этих событиях селянин из Черниговщины С. Гавриленко, который еще в 1894 году вместе с Коцюбинским работал в комиссии по борьбе с филлоксерой: «Это были тревожные годы, нарастало революционное брожение. Крестьяне начали громить имения помещиков. В нашем селе разгромили тогда господскую экономию, а я ездил к Михаилу Михайловичу как посланец от крестьян. Мне поручили посоветоваться с Коцюбинским, как и когда выступить против городской власти».

На «понедельниках» у Коцюбинских горячо обсуждалась подготовка забастовки в статистическом бюро в связи с незаконным увольнением сослуживца Альтшулера, сбор средств на усиление самообороны во время еврейских погромов, революционные выступления крестьян. В числе тридцати девяти лиц Михаил Михайлович подписывает приветственный адрес Финляндскому сейму, поздравляя финнов с успехами в борьбе против царского правительства.

«Нам очень тяжело видеть, — читаем в приветствии, — что права финского народа так сильно попираются. Наше сердце всегда было и будет с Вами, которые отстаивали и все еще продолжают отстаивать свои права и свободу... Мы твердо уверены в том, что права и свобода восторжествуют, и что Финляндия вернет свои права, и что все народы в России последуют Вашему благородному примеру для получения одинаковых прав, дабы они, наконец, могли жить в мире и в согласии»^[41].

Из секретного донесения Черниговского губернского жандармского управления узнаем: «Гельсингфорс. В гельсингфорсской шведской газете «Хуфвудстадсбладет» за № 51 сего года появилась заметка о том, что будто бы жители г. Чернигова прислали на имя Финляндского сейма приветственный поздравительный адрес, написанный на малороссийском и французском языках, в котором выражается сочувствие Финляндии в борьбе получить законные права, упоминается историческая судьба Малороссии и выражается желание, чтобы закон и правда восторжествовали и чтобы всем племенам в государстве была обеспечена мирная и спокойная защита жизни. На адрес пришел ответ. Сообщаю об изложенном, ввиду того что все поступившее в сейм составляет тайну.

Прошу, если можно, добыть посланный адрес и ответ на него...»

Чтобы наладить связи с политэмигрантами, Коцюбинский в мае 1905 года выезжает за границу. Он едет в Швейцарию, где надеялся завязать связи с эмигрантами через семью Дебагорий-Мокриевича, близко ему знакомую по Чернигову. (Юлия Александровна Дебагорий-Мокриевич — девичья фамилия Гортынская — приходилась двоюродной сестрой Вере Иустиновне.)

Но адрес этой семьи брат Юлии Александровны дал неверный. «Черт побери этого Сашку с его адресом! — сердился Михаил Михайлович. — Встал сегодня рано, чтобы застать Юлю, разыскал по плану улицу и пошел. Это довольно-таки далеко. Наконец нашел улицу, но дома № 206 bis нет и в помине».

С Юлией Александровной Дебагорий-Мокриевич Михаил Михайлович имел политические связи давно, еще до ее эмиграции за

границу. Так, уже в 1900 году в письме к Гнатюку он писал: «Будьте добры, как только получите это письмо, вышлите 4 экземпляра «В путях шайтана» в переплетах по адресу: Англия, M-r Hans Jessen (для Ю. А.). Wickford, Jessen Angletere. А через несколько недель снова сообщал, что «английский адрес может служить только на один раз...», зная уже, что Юлия Александровна переехала на жительство в другое место.

Показательно, что вслед за Коцюбинским за границу отправляются руководитель социал-демократической организации Черниговщины Н. А. Черлюнчакевич и видный социал-демократ И. Г. Дроздов, с которыми отец поддерживал отношения.

Находясь проездом во Львове, Коцюбинский интересуется настроениями крестьян Западной Украины. Вместе с И. Франко и В. Гнатюком он ездит по селам. 16–17 апреля они побывали в селе Яйковцы, остановились там у знакомого Франко — С. Борачко. По возвращении во Львов долго пришлось ждать поезда на станции Кохавини. Иван Яковлевич написал там своих «Конквистадоров». В память об этой поездке осталось весьма известное групповое фото: Ив Франко, М. Коцюбинский, В. Гнатюк. Тогда же Франко подарил Коцюбинскому четыре свои рукописи в автографах: «Святой Климентий в Корсуне. Замечания к истории старорусской легенды», «Притча о слепом и хромом. Замечания к истории литературных взаимоотношений древней Руси», «Eine ethnologische Expedition in das Wojkenland» («Этнологическая экспедиция на Буковину»), «Der Dorn in Fusse», «Eine Erzählung aus dem huzulen Leben» («Тернии в ноге», «Рассказы из гуцульской жизни»).

Этот подарок Франко, к сожалению, не долго сберегался в письменном бюро Михаила Михайловича. Прошло несколько месяцев, и Коцюбинский вынужден был передать драгоценные автографы на сохранение в Черниговский музей В. В. Тарновского — время было тревожное. Отца неоднократно вызывали на допросы. Семья Коцюбинских ждала обыска и боялась, чтобы эти автографы не погибли в папках жандармерии. (Их удалось отыскать в музее в 1940 году.)

Обыск в нашем доме был действительно произведен.

Хмурое утро. Мы, дети, завтракаем в столовой. Стуча сапогами, входит Явдося. Она вносит охапку березовых дров и с грохотом сбрасывает их возле печки.

Явдося — крепкая, черноволосая, ласковая женщина. В семье ее любят. Она садится на скамеечку, сдирает кору с березовых поленьев и разжигает огонь. Кора скручивается в трубки, огонь гудит в трубе. На поленьях проступает кипящий сок.

Со стен столовой смотрит на нас Мария Заньковецкая в украинском костюме. Свою фотографию она подарила отцу на память.

Девять часов утра.

Из спальни выходит мама. Выглядит она усталой, глаза смотрят строго. Вслед за ней появляется отец. Он, наоборот, возбужден, движения его решительны. Тетя Лидя капают в рюмочку сердечные капли для бабушки. Никто не обращает на нас никакого внимания. Отец меряет шагами комнату и говорит, ни к кому не обращаясь: «Это безобразие! Это черт знает что! Какая-нибудь тупая морда в полицейском мундире, в грязных сапожищах может влезть ко мне в дом, рыться в моей переписке, просматривать мои книги и всячески издеваться над моим человеческим достоинством!..»

Искали нелегальную литературу, номера газеты «Искра», тайную типографию со шрифтами.

Из жандармских документов, сберегающихся в фондах Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского видно, что отец под кличкой Лысый был внесен в «Сводку данных наблюдений по городу Чернигову за лицами, которые принадлежат к местной организации социал-демократической партии».

Михаил Михайлович получал для распространения противоправительственную литературу из Киева от Константина Лукича Хохлича (партийная кличка Кириллова). В делах жандармерии сохранились две квитанции на отправку отцу этой литературы. С Хохличем отец позже сотрудничал в украинском сатирическом еженедельнике «Шершень», который выходил в Киеве в 1906 году.

Среди книг, которые Хохлич посылал отцу, были политические брошюры: «Долой произвол, насилие над гражданами», «К Девятому января», «Кто народу враг», «Почему у нас до сих пор нет избирательного права», «Швейцарский союз», «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию», а также «Манифест Коммунистической партии».

Литература присылалась отцу на протяжении трехчетырех лет. Из жандармских документов узнаем, что К. Л. Хохлич, работая почтовым чиновником в Киеве, дважды привлекался к судебной ответственности — в 1902 и 1905 годах^[42]. Во время неоднократных обысков у него обнаружили не только адреса прогрессивных деятелей того времени, в том числе и М. М. Коцюбинского, но и много противоправительственной литературы, связанной в большие пачки.

Из протокола дознания по делу Хохлича от 20 сентября 1902 года известно, что он, обладая немалым опытом в конспиративной работе,

весьма умело транспортировал получаемую им из Львова нелегальную литературу, в чем ему помогал Степан Дроздов, тоже почтовый чиновник, работавший где-то в провинции. Они договорились, что нелегальные издания один из них вкладывает в последнюю минуту перед отправкой в почтовую сумку, а другой незаметно вынимает их после прибытия сумки на место. Хохлич был тесно связан с продавцом книжного магазина «Киевская старина» Василием Степаненко — близким знакомым Коцюбинского. Степаненко еще раньше, как служащий страховой конторы «Надежда», также получал нелегальную литературу, посылаемую на Украину из Львова при помощи Ольги Франко. Таким образом, связи отца были не случайными и имели свою длительную историю.

На допросе у начальника Черниговского жапдармского управления, куда Коцюбинского вызвали в качестве свидетеля по делу Хохлича, отец категорически отрицал знакомство с последним, о чем и записано в протоколе — допроса: «Бывшего чиновника Киевской почтовой конторы Константина Лукича Хохлича я совсем не знаю, впервые слышу эту фамилию. Никогда никаких денег ему не высылал, не переписывался... ни от г. Хохлича никаких посылок не получал, ни от имени Кириллова»^[43]. У отца был уже достаточный опыт конспирации.

В оценке событий тех лет Коцюбинский проявлял политическую зрелость и зоркость. Горькой иронией наполнены его слова по поводу пресловутого царского манифеста 17 октября 1905 года. «У нас теперь в Чернигове стало немного тише, если считать тишиной «усиленную охрану», — пишет он в одном из писем. — Да, нас уже ничем не удивишь. Нам дали столько доказательств «действительной неприкосновенности личности», убивая детей штыком и саблей в день объявления манифеста, а затем в страшные дни контрреволюции (читай — разбоя), что теперешние аресты совсем невинных людей лишь еще лучшая иллюстрация к нашей... «свободе». И дальше: «...Посылаю Вам манифест 17 октября по-украински. Но на каком бы языке он ни был, все равно это бумажка — и только. Слова одни, а дела — другие...»

В письме к Франко от 22 ноября 1905 года отец пишет: «В воздухе пахнет реакцией, а значит, и порохом. Мы все полностью разуверились в искренности и добросовестности крючкотворного правительства, которое после манифеста 17-го отклоняется все больше вправо. У нас все надеются только на смертельный бой, в котором или поляжем, или победим. Близорукому оптимизму места нет».

Деятельность Коцюбинского не прекращается на всех этапах

революции. Ольга Николаевна Пустосмехова вспоминает, с какими трудностями после спада революции организовывал Михаил Михайлович получение произведений Шевченко, Горького из-за границы. Газета «Искра» приходила в ее адрес, как более благонадежный по конспиративным соображениям. Она свидетельствует, что присылка «Искры» участилась после того, как были переданы через В. Г. Короленко Горькому средства, собранные в Чернигове для политэмигрантов. Жандармерия обеспокоилась столь активными действиями прогрессивных кругов Черниговщины и принялась за репрессии.

Под вечер одного осеннего дня отец и мать пришли домой очень взволнованные. Вуалетка на маминой шляпе была разорвана, а летнее пальто отца было в грязи и изодрано. С возмущением, перебивая друг друга, они рассказали, что в помещение статбюро, где проходило созванное по инициативе социал-демократической организации собрание статистиков, ворвались пьяные казаки и разогнали участников его нагайками.

Это было одно из «обычных» проявлений реакции, водворившейся в стране.

В своей общественной деятельности Коцюбинский использовал и некоторые легальные возможности. В этой связи прежде всего хочется упомянуть о его работе в «Просвите».

Членами совета черниговской «Просвиты», основанной в 1906 году, были Вера Иустиновна, М. Жук, А. Верзилов, Ф. Шкуркина-Левицкая, И. Шраг. Председательствовал там отец, как я уже упоминала, с 1906 по 1908 год. С трибуны «Просвиты» он призывал к борьбе с самодержавием и цензурными ограничениями, к расширению образования и развитию украинской культуры.

Пришли вести о плохом самочувствии Франко. «Ваше сообщение совсем огорчило меня, — пишет Коцюбинский Гнатюку в апреле 1908 года. — Хожу сам не свой, не найду себе места. Теперь, когда встала перед глазами возможность катастрофы, еще ярче вырисовался могучий образ Франко и его заслуги, еще более дорогим стал нам этот человек... Ведь Франко у нас не густо!..»

«Меня охватила не только жалость, а какой-то ужас, — пишет он дальше. — 35 лет напряженного труда и борьбы, целый век горестей, лишений, вражды, безумной траты сил, энергии, здоровья — и вот результаты — лежит разбитый, в нужде»^[44].

Чтобы помочь Франко материально, Коцюбинский устраивает летом

1908 года среди сотрудников статбюро лотерею в пользу писателя. В том же году в «Просвите» состоялся вечер, посвященный Франко.

Коцюбинский начал подготовку к этому вечеру еще с осени 1907 года.

Писал реферат, готовил музыкальную программу. В письмах он советовался с Н. Лысенко о подборе вокальных номеров к концерту. Составив программу из романсов, написанных им на слова Франко, Лысенко прислал ее Михаилу Михайловичу. Отбирались также произведения Франко для художественного чтения. Хор семинаристов старательно разучивал песни. Мы под маминым руководством учили стихотворения Шевченко и Глибова, с которыми собирались выступить на этом вечере.

В то время общество «Просвита» помещалось на улице Николаевской (теперь Карла Либкнехта), в деревянном одноэтажном особняке Богдановой. В небольшом зале и четырех комнатах разместилась библиотека и проводились занятия кружков художественной самодеятельности.

Вся наша семья участвовала в этом вечере, который состоялся в марте 1908 года. Зал был убран с большим вкусом. На почетном месте против входа помещался портрет Ивана Яковлевича, украшенный старинными украинскими рушниками. Под ним на подставках декоративные цветы. В правом углу комнаты между дверью и окном пюпитр для докладчика; хор расположился полукругом под портретом.

В зале полно людей, преимущественно учителей, студентов, рабочих, учащихся. Настроение присутствующих — торжественное.

Мы, дети, в пышных украинских костюмах, сидели в первом ряду. Отец в парадном черном сюртуке, белом жилете и крахмальной манишке, с папкой в руках появился на сцене.

Занял место за пюпитром и низким, мягким голосом торжественно произнес:

— Шановні добродійки і добродіі! Сьогодні я хочу познайомити вас з одним із найкращих українських письменників — з Іваном Франком.

Реферат трижды прерывался чтением отрывков из произведений писателя и пением. Вторая часть вечера началась исполнением стихов детьми и молодежью. В концерте выступали трое детей Михаила Михайловича.

Отец воспитал в нас любовь и уважение к писателю. С неизменным почтением упоминалось его имя в нашей семье.

По приглашению отца, как председателя «Просвиты», 27 февраля 1907

года в Чернигове был организован большой концерт с участием Лысенко. С композитором Коцюбинского связывали давние дружеские отношения и взаимное уважение. Еще в 1903 году в адресе, составленном к 25-летию юбилею Лысенко, Коцюбинский писал:

«За песнею своей Вы вели нас, куда сами хотели. Вы настраивали струны сердец наших на высокий лад и теперь слышите всенародный аккорд, который звучит на Украине! Это для Вас...»

В нашей семье задолго готовились к встрече исполнительского коллектива, который возглавлял Лысенко. Среди прибывших были известный певец А. Мишуга, артистки Потоцкая и Сагуцкая. Артистки остановились у нас, им отвели гостиную. Чтобы украсить комнату, отец срезал чудесные красные кубинские цветы антуриума, выращенные мамой. Концерт состоялся в двусветном зале Дворянского собрания. Михаил Михайлович был главным его распорядителем.

На концерте присутствовало все наше семейство. Александр Мишуга спел ариозо Йонтека из оперы «Галька» Монюшко, романс на слова Т. Г. Шевченко «Мне все равно», музыка Лысенко. Потоцкая и Сагуцкая пели арип из опер Монюшко и Чайковского, а также украинские песни и романсы Лысенко. После концерта Николай Витальевич играл в нашей гостиной любимые мелодии отца: «Элегию», «Песню без слов» и «Вечный революционер».

Совет «Просвиты» часто заседал у нас дома. С этими заседаниями связан один курьезный случай, произошедший с членом совета Аркадием Васильевичем Верзиловым, который, как я уже упоминала, был одновременно и председателем думы.

Идя вечером на заседание по неосвещенной Северянской улице, он скатился с пригорка возле нашей усадьбы, ушибся и испачкал пальто в непролазной грязи. Худа без добра, как говорится, не бывает. Происшествие это способствовало тому, что неподалеку от нашего дома вскоре был установлен дуговой фонарь, улицу замостили. На протяжении почти десяти лет отец тщетно добивался приведения улицы в порядок. А тут на тебе, сразу подействовало. «Сущя беда с этой думой, — иронизировал отец. — Одна шишка господина председателя и — такая разительная перемена!..»

В обществе «Просвита» подготавливалась выставка художников. Организаторами ее были Михаил Иванович Жук, Петр Цыганко и Иван Рашевский.

Выставка была открыта 17 февраля 1908 года в помещении общества. В ней участвовали художники И. Д. Бутник, С. Д. Бутник, А. М. Огневский-

Охотский. На выставке было представлено 120 экспонатов, среди которых выделялись портреты работы Жука (известный портрет М. Коцюбинского и нас, девочек, — Оксаны и мой). И. Г. Рашевский выставил скульптуры в бронзе и гипсе. Была экспонирована также работа популярного русского скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга — «Педель». (С автором этой скульптуры отец познакомился позже на Капри у А. М. Горького.) Среди многочисленных пейзажей Петра Цыганко было большое полотно «Половодье на Десне», впоследствии подаренное автором Коцюбинскому.

Отец любил хорошие картины, настоящие произведения искусства. Как-то наша знакомая Богданка подарила маме большой стеклянный кувшин для кваса. И только потому, что его неровная поверхность была имитирована под ледяные сосульки, он невзлюбил этот кувшин. Ему «болело», как он говорил, смотреть на него. Поэтому кувшин спрятали подальше от отцовских глаз. Ему «болел» и черный цветок на рисунке Михаила Ивановича Жука под названием «Белое и черное», потому что это было неестественно. И не только в этих мелочах, но и в жизни, чувствах, в отношениях с людьми не терпел он никакой фальши. Все должно было быть хрустально-чистым, как слеза, глубоким, «чистопробным».

Картины, украшавшие дом писателя, были подарены ему друзьями. Так, московский художник Грищенко, с которым отец переписывался, будучи в Крыму, написал море на рассвете и улицу в татарском селе в косых солнечных лучах на фоне минарета. Оба эти полотна он подарил Михаилу Михайловичу. М. И. Жук также подарил отцу две картины.

Гостя как-то у мецената Лизогуба в Седневе, отец об-наружна на чердаке дома около десятка пейзажей работы украинского художника Василия Кричевского. Хозяин подарил их писателю, и лучшие из них в красивых багетных рамах украсили гостиную и столовую Михаила Михайловича.

С Михаилом Ивановичем Жуком отца связывали теплые отношения. Припоминаю, как он впервые пришел к нам. Это было, если не ошибаюсь, в 1904 году. Жук в то время закончил художественную академию в Кракове. Он был учеником и последователем известного польского художника Виспянского.

Пришел он к нам со своей матерью Прасковьей Никитичной. Двадцатилетний юноша — тихий и покладистый — понравился отцу с первого взгляда. У него были светлые, немного навывкате глаза и русые вьющиеся волосы. Легкая залысина открывала высокий лоб.

Жук и его мать стали постоянными участниками литературных «понеделников», а также активными деятелями «Просвиты».

Михаил Иванович написал два прижизненных портрета отца: один — пастелью, а другой — маслом. Оба портрета сохранились до настоящего времени.

Обычно он уносил из нашего сада целые охапки свежесрезанных цветов, которые мастерски стилизовал, используя как фон к портретам. Он был прекрасным портретистом, хотя и цветы отлично удавались ему. Одну из картин, «Георгины», с дружеской надписью он преподнес отцу в день его рождения в 1907 году.

Тонкий любитель природы, особенно цветов, Коцюбинский почему-то не любил георгинов. Они казались ему бездушными, их пышность была лишена в его глазах прелести любого маленького полевого цветка. Тут он был солидарен с Чеховым. «...На что Вам этот холодный, невдохновляющий цветок! — писал как-то о георгинах И. А. Лейкину Антон Павлович. — У этого цветка наружность аристократическая, баронская, но содержания никакого. Так и хочется сбить тростью его надменную, но скучную головку».

Среди всех обществ «Просвиты», которые были организованы в то время во многих городах Украины, только два — в Чернигове и Полтаве, — возглавляемые Коцюбинским и Короленко, отличались оживленной деятельностью.

Черниговская «Просвита» имела филиалы в Нежине, Козельце и других городах. Хорошо работала при «Просвите» библиотека, распространяя не только дозволенную литературу, но и нелегальную.

Однако не дремала и полиция. Начались притеснения.

Нестойкие члены общества, опасаясь неприятностей, разбежались. В «Просвите» вся работа фактически легла на плечи отца и матери. Михаил Михайлович жаловался: «Нет у меня большой надежды на общественность нашу. Она такая слабая, неустойчивая... Нужно кричать, дразнить толстокожего «гражданина», быть может, хотя бы укладываясь спать, он вспомнит, что не все у нас «благополучно».

Кончилось тем, что Михаила Михайловича и его жену по распоряжению губернатора исключили из «Просвиты». К тому же Е. С. Шульга — секретарь «Просвиты», который около года работал с Коцюбинским в обществе, проявил вдруг свое подлинное нутро. Это он, председатель Нежинского филиала «Просвиты», куда перебрался в 1907 году, оказался предателем и доносчиком: заседал вместе с остальными членами «Просвиты», а по возвращении домой «писал на нее доносы, причем подлейшего характера», возмущался Михаил Михайлович.

В 1906 году шла кампания по выборам во II Государственную думу. Отец входил в число губернских избирателей и активно участвовал в борьбе с партией октябристов («Союз 17 октября»), представителей крупных землевладельцев.

Отец очень волновался в те дни. Приходил с выборов возбужденный, с беспокойным огоньком в глазах. Оживленно рассказывал, как скандально прокатили «на вороных» кандидатов октябристов... Торжествовал, что в числе десяти депутатов Государственной думы от Черниговщины выбрали депутатом по рабочей курии рабочего Остроносова.

В творческой биографии Коцюбинского годы эти, полные напряжения, заняли особое место. Это было время, когда талант его проявился во всей своей силе.

Революция явилась для писателя школой политического воспитания, способствовала созреванию его мировоззрения. Она отразилась в его произведениях глубоко и многосторонне, начиная с повести «Fata morgana» и кончая целым циклом блестящих новелл, вошедших в золотой фонд украинской классики («Смех», «Он идет», «Intermezzo», «Persona grata», «Неизвестный», «В дороге»).

Каждое из произведений несло общественно важную мысль и каждое отличалось филигранной отделкой деталей. В поле зрения Коцюбинского — самые злободневные вопросы революционной действительности: духовное созревание народа, поиски правды и борьба за нее, столкновение высших нравственных критериев, рожденных революцией, и тлетворных «идеалов» уходящего мира, разоблачение антигуманной сущности царизма, предательства либералов, долг и назначение передового художника, литература и жизнь, искусство и народ. Творчество Коцюбинского периода революции и последующих лет шло в русле самых передовых реалистических тенденций, прокладывая реализму путь к высшим формам.

Время формировало новый тип художника — страстного борца за социальную справедливость, талантливого, вдумчивого. Творческой лабораторией этих писателей была сама жизнь, полная катаклизмов, тревог и опасностей, но и широко раскрывавшая горизонты, манящая перспективами.

Написание второй части повести «Fata morgana», непосредственно отражающей революцию 1905–1907 годов на селе, требовало от писателя тонкого понимания и детального анализа политических событий.

Коцюбинский отдавал себе отчет в сложности задачи. «К этой работе должен готовиться, так как эта вещь очень серьезная и трудная», — пишет он Е. Чикаленко.

Писатель следит за событиями, вчитывается в статью В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Ему близки слова о том, что «старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой»^[45], что «...вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы...»^[46].

Огромную помощь в создании повести «Fata morgana» оказали Коцюбинскому и работы В. И. Ленина по аграрному вопросу.

Как всегда, ежедневно почтальон приносил многочисленную корреспонденцию, поступающую в адрес Коцюбинского. Тут сообщения земских корреспондентов всей Черниговской губернии, из уездов — Менского, Борзнянского, Новгород-Северского, Сосницкого, Городнянского, Нежинского.

«От думы ждали всяких благ, — читает Коцюбинский корреспонденцию из Суражского уезда Поповгородской волости, — но вышло полное разочарование. Безземелие грозит ужасными последствиями. Народ ждал прирезки земель... — земля до того раздроблена, что на мужскую душу попадает по полторы десятины кругом».

Михаил Михайлович кропотливо обрабатывает материалы. А по вечерам раскладывает их на письменном столе в нужном порядке, обдумывает план повести, детали характеристик.

Чутко прислушивается писатель к любой новости, к любому сообщению. То, полный нетерпения, спешит он вместе с женой встретиться где-то на окраине города с учительницей из Горбова, которая приехала из села после разгрома барской экономии, то, трясясь на неровных дорогах, едет на возу со скошенной травой в Выхвостово, чтобы побывать на месте, где недавно произошел самосуд, то письменно запрашивает инженера черниговского завода, знающего работу аппаратной, об условиях труда и случаях увечья. «С удовольствием сообщу то, что знаю, — читаем в ответном письме, хранящемся в фондах Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского. — Самое опасное в смысле получения поранения — это отделение аппаратное, или, иначе, машинное. А самая опасная машина — это машина паровая, приводящая в действие весь завод... как ни ограждают паровые машины, все же доступ к машине должен быть, а посему рабочий не гарантирован от получения увечья. Получить увечье можно всевозможным неосторожным действием.

Расскажу об одном из таковых. При паровой машине находился насос с зубчатыми колесами, так называемыми шестернями для качания воды... Во время хода машины смазчик хотел смазать шестерни насоса. Держа в левой руке масленку, он начал наклонять ее, чтобы масло потекло в носок масленки, но так как масла было в масленке мало и носок плохо давал капли масла, то рабочий начал постукивать носком масленки о зубцы шестерни, желая этим ускорить смазку. Внезапно шестерня захватила масленку. Инстинктивно, желая освободить (ее. — *И. К.*), рабочий правой свободной рукой хотел вырвать носок масленки из шестерни и угодил рукой туда, куда попала масленка, и ему оторвало 4 пальца на правой руке».

Этот случай был положен потом писателем в основу изображения увечья Андрея в «*Fata morgana*». «Я теперь так выбился из обычной житейской колеи, — пишет Коцюбинский друзьям, — так погрузился в работу, что реальная жизнь для меня почти не существует. Я весь среди своих героев, живу их жизнью, разделяю их горе и радость, говорю их языком и предан их интересам. Что делается вокруг меня — не знаю и, правду сказать, не хочу знать»^[47].

«Боюсь за успех работы и так хочу, чтобы она удалась мне», — вновь и вновь повторяет он^[48].

Не только обстановка на Черниговщине интересует писателя. Чтобы лучше узнать быт крестьян, рабочих, их настроения, Коцюбинский в 1906 году совершает поездку по Украине (Киев, Триполье, Кременец Заслав, Анополь, Клепачи, Острог), где осматривает спирто-водочные и ректификационные заводы.

В 1910 году он едет в Конотоп на судебный процесс, привлечший внимание всей России. В селе Выхвостове кулаки организовали самосуд над пятнадцатью активистами и зверски расправились с ними. Правящие круги старались обелить убийц. В защите их принимал участие даже прокурор, стремившийся доказать их невиновность.

«Важный чиновник, приехавший специально из Петербурга на этот процесс, не стеснясь, в кулуарах сказал (о жертвах самосуда. — *И. К.*): «собакам — собачья смерть...»^[49] Суд всех убийц оправдал».

Нужно было иметь не только тонкое художественное чутье, чтобы с таким исключительным мастерством нарисовать драматические события подавленного крестьянского восстания. Надо было обладать острым политическим предвидением, чтобы так точно, как это сделано в «*Fata morgana*», передать рост революционной сознательности крестьянства и его союз с пролетариатом.

События, порождаемые революцией, ломка привычных устоев, переоценка ценностей в сознании демократически настроенной интеллигенции постоянно привлекают внимание писателя.

В новелле «Смех» Коцюбинский стремится определить место демократической интеллигенции в революционных событиях 1905 года. Он знает, что представители этой интеллигенции в годы революции были вместе с народом. И не удивительно, что черносотенные банды погромщиков, натравленные полицией, стремились расправиться с ними. Однако писатель видел, что революция обнаружила на совести многих из них прирожденные пятна гнилых буржуазных отношений — разрыв между словом и делом, между умом и сердцем, между общественным и личным. В своей новелле отец создал образ такого интеллигента — адвоката Чубинского. Трагедия Чубинского в том, что он, и разделяя революционные взгляды, все же не видит того, что сам становится на позиции благополучного буржуа, эксплуатируя служанку Варвару, не замечая ее трудной жизни, полуживотного существования.

Коцюбинский подчеркивает, что революция это не только митинги и манифестации. Она захватывает все сферы твоей жизни, врывается в твой дом, в твою семью, твое сердце и в тяжелых испытаниях требует от тебя ответа «кто ты?».

В решающий момент, когда опасность придвинулась вплотную, Чубинский «увидел то, мимо чего проходил каждый день, как слепой. Эти босые ноги, красные от холода, грязные, потрескавшиеся... как у животного, лохмотья на плечах, которые не грели. Землистый цвет лица, синеву под глазами... Это мы все съели, вместе с обедом...

...Синий чад на кухне, жесткую скамью, на которой спала... среди помоев, грязи и чада... едва прикрытую... Как в берлоге... Как животное... Изломанную силу, что шла на других. Век без просвета, век без надежды, работа... работа... работа... и все для других, для других, чтобы им было хорошо, только им.

...А он еще хотел от нее искренности!..»

«...Почему она не бастует? — вскричал он не своим голосом, — почему не бастует?»

Ему стал понятен неудержимый, все заглушивший смех Варвары, в котором бурлила ненависть к барству и радость возмездия: наконец-то бьют панов, наконец-то наступает время справедливости: «всех искоренить, всех, чтобы и на семена...»

Рассказ «Смех» М. Горький назвал «сильной и страшной вещью».

В связи с надвигающимся еврейским погромом Михаил Михайлович и

Вера Иустиновна собирают среди сотрудников статбюро деньги на приобретение оружия для кружков самозащиты. Вера Иустиновна присутствует на заседании прогрессивных деятелей Чернигова, которое состоялось в двадцатых числах октября 1905 года на квартире Туровского. Для защиты еврейской части населения была вызвана сельская дружина из села Локнистое.

Но, несмотря на принятые меры, погром все же разразился. Звонили колокола, как на пожар. Темная тревога, страх сковали, словно тисками, город.

Погромщики убили сына Туровского и ранили нескольких человек.

В новелле «Он идет» Коцюбинский изобразил все то, что сам видел и пережил в те страшные часы. Он не мог сидеть дома, его непреодолимо тянуло на полные опасности улицы.

Много дало писателю общение с доктором Аркадием Марковичем Утевским, с его слов он записывал названия еврейских праздников и обрядов, узнавал подробности быта. Записная книжка отца за 1905–1907 годы пестрит различными нужными ему еврейскими словами и выражениями. Он интересуется поэзией иудаизма, песнями Элиоги Гановы.

Коцюбинский волновался, поместят ли его рассказ в «Литературнонаучном вестнике». «Я заключаю, — писал он В. Гнатюку, — что он Вам не понравился и у Вас нет желания его пустить, хоть место и есть. Искренне говорю Вам, что у меня нет пустой амбиции, чтобы считать все, что напишу, хорошим и заслуживающим печати».

Но это были напрасные сомнения.

Новелла «Он идет» была напечатана в ноябрьской книге «Литературно-научного вестника» за 1906 год. В. Короленко рекомендовал рассказ журналу «Русское богатство».

Коцюбинский, так же как и Короленко, прекрасно понимал, что не только гонимая еврейская беднота, но и их палачи, в свою очередь, — жертвы гнусной царской действительности, ибо самодержавный строй порождает моральных уродов.

Напротив нашей усадьбы в специально построенной хибарке поселили городского палача. Отец встречал его почти ежедневно. Замечал, как тот воровато, пряча глаза, не глядя на окружающих, запирает свое логово, идя «на службу». Палача боялись, сторонились, с гадливостью смотрели на его хлипкую спину, как бы все время ожидавшую удара.

Он явился прообразом Лазаря в новелле Коцюбинского «Persona grata».

Мысли у Лазаря тяжелые, едва ворочаются они в одурманенной водочными парами голове. И все же он хочет понять, только ли он арестант и уголовник, из которого тюремщики сделали палача, повинен в людском горе? Ведь есть кто-то, кто говорит: «пусть будет так», и все делают так, как говорит он. «Это «он» скажет: убей — и ставят виселицу, ведут человека, жандарм приходит за Лазарем, а Лазарь надевает на шею петлю». «Не топор рубит, а тот, кто его держит». А тогда настоящий убийца все же не он. Лазарь додумывает свою мысль до конца: истинный убийца — царь-батюшка.

Когда я вчитываюсь в произведения Коцюбинского, то мне, как дочери Михаила Михайловича, особенно бросаются в глаза те характерные детали и черточки, которые брались писателем из его повседневного окружения, из нашей жизни. Только здесь они обрели как бы свою новую жизнь, приобретая большую художественную емкость и силу обобщения.

Вот отдельные моменты, которые сберегла память.

В Чернигове жил околоточный надзиратель Григоренко, которого и я хорошо помню. Он когда-то учился в гимназии, но, с трудом дотянув до 4-го класса, был исключен за неуспеваемость. Со временем поступил на работу в полицию, где за тупость и недомыслие его прозвали «телком».

Однажды, как рассказывала нам мама, в статбюро вбежал взволнованный Николай Вороний, который в то время работал там вместе с моими родителями, и сообщил:

— Иду я по улице Шоссейной, а навстречу мне — Григоренко, какой-то растерянный. Поздоровались. И тут Григоренко начал рассказывать о том, что он сегодня по приказу полицмейстера присутствовал при повешении. Он взял с собой своего малолетнего сына, и мальчик, потрясенный картиной казни и поняв гнусную роль отца, потерял к нему всякое уважение. Отвернулся от него, презрительно обозвав «селедкой».

Всех это очень взволновало. Знали, что расправа творится над неизвестной женщиной, покушавшейся на губернатора Хвостова. Михаил Михайлович даже ходил к Григоренко, интересуясь подробностями. Впоследствии пережитое и услышанное переплавилось в один из лучших рассказов Коцюбинского — «Подарок на именины».

В первой редакции рассказа Зайчик осознает позорность своего положения, своей службы и часто мучится этим. В своих мечтах он думал о сыне: «Будет человеком... не на собачьей службе, как отец...» После ссоры с сыном в его голове мелькали мысли: «Разве он сам вешал? Он человек незначительный и подчиненный, — скажут: иди — и он идет...»^[50]

В последнем варианте, в особенности после знакомства Коцюбинского

с другим околоточным надзирателем — Дайнеко, который жил недалеко от нас в Холодном Яру, писатель опустил все, что как-то смягчало образ Зайчика, оставив ему лишь тупую спесь да уверенность в пользе своей службы «на благо царя и отечества».

Рассказ «Подарок на именины» был написан на Капри. В письме к маме от 25 декабря 1911 года отец так раскрыл его сюжет: «В семье полицейского надзирателя (околоточного) завтра празднуют именины единственного сына, гимназиста первого класса. Мать купила сыну парходик, а отец решил свезти сына туда, где будут вешать одну девушку, чтобы сын увидел то, чего другие дети видеть не могут, чтобы потом было о чем рассказывать. На следующий день утром они (отец с сыном) едут на место казни, и сын, увидев все, бросается к девушке, обнимает ее колени и кричит: не надо, не дам! И грозит палачу. Понятно, переполох, гимназиста убрали, и отец везет его домой в страхе, чтобы это не повредило ему по службе».

Ученики реального училища, которые дружили с нами, бывая у нас, очень забавно подражали инспектору Черниговского реального училища Круковскому, которого все знали в городе под кличкой «корова». Отец смеялся, слушая, как реалисты передразнивают его: «Господа реалисты должны вести себя пристойно...» Этот кусочек тоже был весьма удачно вмонтирован отцом в тот же рассказ.

Работая над своими произведениями, отец боялся допустить малейшую неточность, оказаться неправдивым, неискренним. Он с возмущением рассказывал в семье о том, как в романе одного писателя мертвое тело утопленницы плывет против течения Черемоша, — то есть из села, которое лежит ниже Черногоры — к Черногоре. Он умело отбирает из виденного характерное, существенное. Иногда писатель использует для своих персонажей имена действительных лиц, имеющих какие-то характерные приметы. Так вошли в рассказ имена Дори Дейши (племянника Коцюбинского) и мелкого торговца Пиньки, у которого семья Коцюбинского брала в долг продукты. Имена наших собак: Трепов, Мильтон — и коровы Гашки запечатлены в рассказах «Intermezzo», «Лошади не виноваты» и «В дороге».

В нашей семье готовили обед из многих блюд, чтобы у отца была возможность выбрать из них то, что было ему можно есть и что было ему по вкусу. Поэтому ежедневно писалось меню обеда и завтрака и клалось возле его обеденного прибора. Эта обязанность лежала на мне. Старательно, на глянцевиной бумаге, рисовала я акварелью букетики полевых цветов или украинский красочный орнамент и писала круглым

детским почерком названия блюд. В своем желании сделать отцу приятное я никак не могла дожидаться, когда же, наконец, начнется обед, чтобы отец поскорее прочел мое меню, и выбегала ему навстречу, еще во дворе сообщая: «А у нас сегодня зеленый борщ...»

И этот зеленый борщ, и картину вечернего чая в столовой, и черниговский бульвар с деревьями, напоминавшими «ряд рыбьих костей в грязном корыте аллеи», можно найти в рассказе Коцюбинского «Сон».

— На ярмарку! На ярмарку! — Это зовет нас отец. Мы, дети, играем в саду. Через секунду-другую мы уже во дворе, на ходу влезаем босыми ногами в сандалии. Готово, остается только взять еще корзину: вероятно, как всегда, мы купим что-нибудь интересное. Вместе с нами идут студенты с фотоаппаратом — друзья отца.

Традиционная ярмарка неизменно привлекала отца — изделиями народных умельцев, которые он собирал вместе с мамой, щедрым колоритом сельского быта, пестротой костюмов, сочностью языка.

Мы идем по Северянской улице. Катятся в розовой пыли небольшие деревянные возы. Почти за каждым трусит на длинных ножках жеребенок. Пахнет дегтем и соленой рыбой.

Все звуки смешались: степенное хрюканье свиней, истошный визг поросят, оглушительное гоготанье гусей. Все стремится на Воздвиженскую ярмарку.

Спускаемся и мы по мягкой дороге мимо вала. Переходим небольшой мостик через Стрижень. Отец заинтересовался дедом, обвешанным котомками. Тот тоже спешит на ярмарку, надеясь, что и ему кое-что там перепадет. Дед попадает в объектив аппарата.

Глазам открывается луг. На нем и расположилась ярмарка. Вправо она тянется до речного паромы, а слева граничит с Казенным садом, с его вековыми деревьями. Сад растет на горе и спускается до самого луга, до так называемой Кордовки. Луг заставлен палатками, шатрами, балаганами, рундуками... Ярмарка гудит, словно разворошенный осиный рой.

На первом плане живописная группа баб в белых свитках, разукрашенных по подолу орнаментом из черной кожи. Бабы в сапогах на медных подковках, с красными и желтыми голенищами, в больших с густой бахромой платках. На шее янтарное монисто с серебряными дукатами и крестиками. Бабы сидят на рядне возле возов, с торчащими вверх оглоблями, похожими на костлявые длинные руки. Отец любуется этой картиной, молодежь фотографирует отдельные группы.

Протискиваемся в самую гущу. Круторогие волы спокойно жуют жвачку. Вблизи горит костер. В казанке варится кулеш. С левой стороны

шалаш, украшенный рушниками. Это известная фирма Гошка из Седнева: здесь продаются пряники, белые вяземские, начиненные повидлом, душистые, покрытые белой глазурью, с цукатами, изюмом, так называемые «мостовые», мятные и кругленькие, очень сладкие, слепленные медом.

Справа продают королевские плахты, скатерти и рушники. Красные, желтые, синие, зеленые плахты с помпонами на концах развешаны вверху под навесом палатки. Большие льняные камчатые скатерти из блестящего сурового полотна с белым рисунком и кистями разложены на стойках. Рушники, длинные и пестрые, с красными петухами, орлами и мелкой вышивкой, развеваются на ветру, словно огромные змеи.

Тут мы задерживаемся надолго. Отец рассматривает изделия и покупает маме синюю плахту в белых и темно-красных узорах. Она очень пестрая и в то же время с приятными темными тонами. Мама любила украинский костюм: рубашку, вышитую тонким черным рисунком, борзенскую корсетку в шелковых букетиках, темную плахту... Плахтами у нас были также убранные спальни. Они висели над кроватями в детской комнате.

Идем дальше.

Тесно стоят палатки с соленой рыбой, со связками сушеной тарани, которая буквально светится на солнце янтарным жиром. Палатки с галантереей: монистами, мотками лент, гребешками, зеркальцами, сережками. Сельские девочки толпятся здесь шумно и деловито. Отец шутит с ними. Девчата, застыдившись, опускают глаза и прыскают со смеху...

А толпа несет нас все дальше и дальше. Вот выскочил откуда-то хлопец в картузе и белом фартуке. Он продает малиновый квас. Розовая жидкость плещется в кувшине. На поверхности плавают кружочки лимона. Зазывала отчаянно кричит: «Квас малиновый, семь раз наливанный». Его обступают, он быстро наполняет стаканы.

Проходим мимо гончарных изделий. Чего тут только нет! И крутобокие макитры, и глазурованные миски, кувшины и Полумиски с цветами, и груды горшков всех размеров и фасонов, и маленькие горшочки желтые, с каймой из зеленой глазури. А вот небольшие черные макитры для мака, кувшинчики, баночки, бочонки, жбаны и разноцветные лошадки с казаками — свистульки, в которые можно свистеть на все лады.

Покупаем две миски и свистульки.

Перед палаткой сидит слепой лирник. Волосы его подстрижены в кружок. Слепые глаза, вытянутое вперед лицо, настороженные уши оставляют впечатление, будто он прислушивается к чему-то. На нем рваная

свитка, штаны из домотканого полотна, на ногах онучи и постолы. Рядом с ним сидит хлопчик-поводырь в соломенном бриле. Перед слепым лежит рыжая от старости баранья шапка с медяками. Аккомпанируя себе на лире, он поет:

*Ой ти, місяцю, мій місяченьку,
І ти, зоре ясна,
Ой, світи там по подвір'ю,
Де дівчина красна.*

Вокруг него толпа охотников послушать песни. Отец записывает слова.

Идем дальше. Вот стоят скрыни — деревянные сундуки на колесах с огромными ключами. Окрашены они зеленой и синей краской, с крупными цветами по бокам. Внутри — белые, чисто выструганные и гладкие, словно полированные.

Их покупают к свадьбам для приданого: рушников, штук сурового полотна, вышитых рубах, плахт, запасок, поясов, платков, скатертей, корсеток, ряден.

Здесь же продают деревянные прялки, легкие, с подвижными колесами, раскрашенные ярко-розовой и зеленой красками. А вот дубовые бочки и кадки всех размеров, клепки, столешницы, корыта, ступы, вальки и скалки для белья, деревянные грабли и вилы для сена. А там большие, вытесанные из дерева лопаты для снега, ложки, миски и дудки-сопилки, отчаянно визжащие на всю ярмарку.

Играет шарманка: «Разлука ты, разлука, чужая сторона...» На шарманке облезлый попугай; ножка его прикована цепочкой. Он вытягивает из ящичка пакетик со «счастьем».

Чуть в стороне продают деготь, воск, соль, шерсть, пряжу, штуки сурового холста. А дальше ряды душистого меда в сотах.

Среди народа прохаживаются городовые. Стороной проскочили на лошадях стражники с нагайками.

Во время революционного подъема социал-демократы на ярмарке распространяли свои листовки. Полиция и казаки рыскали всюду, разгоняя нагайками людей, вырывая из рук листовки и арестовывая непокорных.

...Выходим на боковую импровизированную улочку ярмарки. Вдоль нее построено двадцать, а то и больше палаток. В одних пьют чай из самоваров, в других — хозяйничают так называемые сластенницы — пекут

сластены. Подвижные стены палатки из серого холста вздуваются под ветром. Посредине стоит вкопанный в землю стол, вокруг скамейки. Стол накрыт домотканой чистой скатертью. На столе солонка с солью, похожие на обрубки вилки с черными черенками.

Молодайка в темном платке и переднике печет сластены. Тесто, что называется, пищит в ее пальцах. Она ловко отрывает маленькие круглые кусочки и кладет их по три-четыре на сковороду. Оладьи аппетитно шипят и растут в кипящем масле.

Сластены подают к столу в миске. Мы посыпаем их солью и едим. Набрали полную миску и для бабушки с тетей Лидей. Молодайка приветливо улыбается нам, подперев рукой щеку. Так ее и сфотографировали для нашего любительского альбома.

Солнце садится. Издали слышны пиликанье скрипки, звук цимбал, глухие удары бубна. Поворачиваем к цыганскому табору, расположенному вблизи Казенного сада.

По дороге в табор останавливаемся возле торгова лошадыми. Тут целая толпа мужиков. Цыган с сережкой в ухе продает старую клячу, азартно клянясь, что она еще хоть куда! Цыган показывает зубы лошади, толкает ее в грудь, в ребра, лихо вскакивает на нее, бешено вертит над головой уздечкой и поднимает такой крик, что лошадь мчит по кругу как ошалелая...

Невольно вспоминается эпизод из рассказа «Дорогой ценой», где отец так мастерски описал цыганскую семью с горемычной клячей, запряженной в возок.

В противоположном углу торгова двое дядек ударяют друг друга по рукам, закрепляют сделку. Возле них двое, уже закончивших торгов; они пьют магарыч. Куда ни глянь — волю. В их глазах столько покоя, словно они не видят и не слышат ярмарочной суеты, толпы, которая непрерывно кричит, торгуется до хрипоты, дерется, пляшет и целуется, проливая пьяные слезы.

Подходим к цыганскому табору. На треноге в большом котле варится ужин. Голые дети бегают с грязными, в репейниках собаками. Молодые цыганки гадают на картах.

Воздух становится влажным, от реки тянет холодом. Пора возвращаться домой. Проходим мимо палаток, которые от зажженных свечей налились желтым светом, мимо возов, скота, людей...

Постепенно все затихает вокруг.

Несем домой свежий сотовый мед, сластены, дудочки и множество впечатлений. Отец хотя и устал, но доволен. Он любит ярмарочную суету.

Как-то он рассказал нам о ярмарке у села Енковец Лубенского уезда на Полтавщине, на которой он побывал. Все окрест лежащие села собираются на эту ярмарку, располагавшуюся обычно среди холмов в глубокой долине. Ночью зажигаются огромные костры, возле которых таборами стоят целые села и поют всю ночь напролет.

Позже, в рассказе 1908 года. «Как мы ездили в Криницу», Коцюбинский воспроизведет многие детали увиденного и прочувствованного на ярмарках. Изображение пестрой, бесконечно подвижной и текущей куда-то ярмарочной массы, которая, словно большое тело, дышит, тревожится и переливается красками, не станет здесь, однако, самоцелью. В письме редактору газеты «Рада», для которой предназначался рассказ, Коцюбинский отметит: «Из празднества в Кринице я умышленно не делал этнографической картины, ибо такой способ обработки сюжетов мне не нравится. Я дал несколько субъективных зарисовок, старался быть искренним — вот и все».

Искренность же писателя заключалась в том, чтобы как можно глубже показать жизнь, украинскую деревню тех лет. Он сосредоточивает внимание на классовом расслоении деревни, впервые в украинской литературе показывает политическое лицо кулака — опоры и верного слуги царизма. Изображенный в рассказе кулак-извозчик совсем ведь не зря выражает лояльность третьей черно-сотенно-кадетской думе. Это дума барская, и она уже «не будет печься о гольтьбе». У извозчика же, благодарение богу, коровы, телята, овцы и поля к тому же еще этак десятин с тридцать. Вот думе и будет за чем смотреть... Гротескно нарисована Коцюбинским и вторая, как он говорит, «личность», — второй кулак — тайный агент полиции, не в меру важничавший, гнусавящий. Он широко раздвигает руки и ноги, словно хочет как можно больше захватить пространства вокруг себя.

Повествование идет от имени рассказчика, в котором легко угадываются автобиографические черты. Знакомство с «личностями» рассеивает то полное очаровательной таинственности состояние, в котором рассказчик вместе со своими спутниками воспринимал поначалу народное ярмарочное празднество и все богатство открывшихся взору красок. Словно выцветает и блекнет, лишаясь своей поэтичности, пейзаж; яркая долина, в которой расположилась ярмарка, уже не манит. «На дворе резкий предрассветный холод... По краям черной ямы зеленеет уже небо, дым от угасших костров тянется от горы к горе синими полосами. Чаша, цветшая ночью, как пышный цветок, под утро завяла и угасла. Пора отправляться домой...»

Талант писателя креп. Коцюбинский заслуженно становится полноправным членом «могучей кучки» талантливейших писателей Украины конца XIX и начала XX столетия. Это Панас Мирный, Иван Франко, Леся Украинка, Василий Стефаник, Ольга Кобылянская.

В 1911 году во второй книге журнала «Современник» появилась рецензия на первый том его рассказов. Автором рецензии был А. В. Амфитеатров.

«...Красотой и грацией веет от прелестных рассказов талантливого украинского писателя, — писал он. — Просты они, как сама жизнь, и так же серьезны и глубоки. Хорошая, цепкая, механическая наблюдательность Коцюбинского озаряется и согревается редким душевным теплом. Ясный ум и хорошее сердце. О Коцюбинском можно с уверенностью сказать: этот человек не станет писать о том, чего сам не понимает и не чувствует, а что он пишет, то, значит, глубоко любит — сознательно, деликатно, бережно, изящно.

Некоторые рассказы Коцюбинского носят название «акварелей». Оно удачно выражает мягкую, нежную манеру художника. И надо М. Коцюбинскому крепко за нее держаться, беречь ее и лелеять, потому что в ней он большой мастер... Когда он, вооруженный своими простодушными, скромными средствами, приближается к природе, она дружелюбно открывает перед ним свои тайны и внушает Коцюбинскому чудные пейзажи, подобных которым новая русская литература, вообще небрежная к «описанию», почти не имела после чеховской «Степи». Чутье к природе у Коцюбинского воистину украинское и льется из благословенного чутья этого... певучий, задумчивый песенный лиризм».

Но сам Коцюбинский почти все время испытывал недовольство собою. Его самокритичность граничила с болезненностью.

«Он к своему таланту поэта относился чрезмерно строго, — вспоминал А. М. Горький, — предъявлял к себе требования слишком суровые. «Чувство недовольства собою у меня очень развито, — не однажды говорил он мне. — Мои рассказы всегда кажутся мне бледными, неинтересными».

ГЛАВА ШЕСТАЯ В СЕМЬЕ

Коцюбинский любил жизнь. Он был центром своей семьи, ее душою. Много он давал ей, но и много от нее имел. Все было приноровлено так, чтобы Мусе, как называли его и мать и жена, хорошо жилось, чтобы никто не мешал ему, не волновал мелочами, если он сам этого не захочет. Правда, он очень любил свою семью и интересы каждого члена ее — взрослого и малого, — их горе и радость всегда носил в душе.

Бесконечная радость, добрые, излучающие тепло глаза — вот первые мои впечатления об отце, первые чувства ребенка.

Сегодня воскресенье. Отец не идет на работу. Для нас, детей, это поистине праздник.

Можно взобраться к папе на колени, поиграть серебряной головкой мопсика — брелоком, висящим на цепочке его часов.

Отец разрешает вынуть из кармана серебряную спичечницу, украшенную ирисами. Рассмотреть тяжелый серебряный портсигар, который щелкает, когда его захлопывают. А пепельница в виде саночек окончательно покоряет нас. Они так быстро съезжают с колен отца, как настоящие!

Но самое интересное впереди. Мы с Оксаночкой садимся на свои стульчики, придвигаемся ближе к дивану, на который взбирается Юрко. Он старший — его место рядом с отцом.

Отец в коричневом костюме. На нем белая рубашка с крахмальными манжетами и твердым воротничком, круглые золотые запонки, галстук, вышитый мамой. Отец худощав, выше среднего роста. Его высокий лоб постепенно переходит в красивую по форме лысину, обрамленную с боков и сзади тщательно подстриженными сидящими волосами. Темные усы и небольшая борода оттеняют матовое, чисто выбритое лицо.

Бабушка в синих очках сидит за столом в низком кресле, обитом турецкой материей, и шьет мешочки для грецких орехов — нынче их особенно много в нашем саду.

Ее подвижные пальцы нащупывают кромку материи, которую она старательно сшивает мелкими стежками с другой кромкой. Дошив нитку до конца, она просит Лидю вдеть новую. Тетя Лидя помогает бабушке шить.

Мама моет чайную посуду в медной полоскательнице. Дonyaшки

стаканов оставляют мокрые следы на столе. Клеенка побелела и местами вспухла от горячей воды.

Мама, как всегда, подтянутая. Она во фланелевой блузке в черную и белую полоску: бледные розы разбросаны по полосатому фону. Это папа выбирал материю, и кофточка ему очень нравится. Черная длинная юбка делает маму еще стройнее.

На дворе зима. Двор утопает в сугробах. На стеклах причудливые цветы. В печке трещат поленья. В комнате тепло. Пахнет чаем с молоком и кнышами, которые напекла тетя Лидя.

Мы с Оксаной одеты в теплые синие платица и розовые фартучки с плиссированными бретельками. Бабушка в темном капоте с пелериной. Тетя Лидя заботливо укрывает ей ноги пледом.

Недалеко от печки сидит няня Марина с Ромцей на руках. Ее пышная фигура — в вышитой сорочке, широкой юбке и борзенской, в букетиках, корсетке — так привычна и близка нам, детям: все мы выросли на ее руках.

Ромця еще маленький. Он ничего не смыслит.

Папа говорит: «Сейчас будем читать сказки». Мы внимательно слушаем о глупых, упрямых козликах, которые не хотели уступить друг другу и погибли. Об Ивасике и Тарасике. О десяти рабочих-пальцах, которые помогали человеку работать.

Эти сказки написал для нас отец. Потому они были еще милее нам, еще интереснее.

— Папочка, напиши нам еще сказку, — просит Юрко, — и отец рассказывает нам о «Правде и Кривде», о «Сне и Дремоте».

*Питається сон дрімому:
Де ми будем ночувати?..*

Когда мы подросли, папа читал нам «Бабу Параску та бабу Палажку» Нечуя-Левицкого. Вместе с нами он хохотал до слез, мастерски имитируя визгливые голоса ссорящихся баб.

«Энеида» Ивана Котляровского была нашей любимой книгой.

Отец выбирал также для нас и отдельные стихи Т. Г. Шевченко, более понятные нам, детям, и мы старательно учили их наизусть. Самыми любимыми были: «Вишневый садик возле хаты» и отрывок из поэмы «Катерина»: «Как шел кобзарь к Киеву да сел отдохнуть».

Отец старался привить детям бережное отношение к книге. У каждого была своя полка на этажерке в столовой, и отец следил, чтобы книги у нас

всегда были чистые. Он водил нас в типографию Черниговской губернской земской управы, помещавшуюся против городского сквера. Там нам показывали, как набирают и печатают книги. Рабочие типографии с большим уважением относились к отцу и в память этих посещений напечатали щам в подарок четыре одинаковые виньетки.

Родители всячески оберегали нас от религиозных настроений. Икон в наших комнатах не было. Попы на праздники не приходили к нам никогда.

Началось с того, что, как только отец с семьей поселился в Чернигове на Северянской, к нему, как к новому парафиянину, пришел священник Воскресенской церкви Адвокатов. Крыльцо парадной двери нашего дома было рядом с окном папиного кабинета. Поп стоял на крыльце и звонил, поглядывая через окно на склоненную голову отца, который писал что-то, сидя за столом. Отец взглянет на попа и снова пишет. Поп звонил, звонил, но дверь ему так и не открыли...

Несколько лет спустя у нас были крестины. В те времена без этого нельзя было обойтись: ребенка, не говоря уже о других осложнениях, просто не приняли бы в школу. И вот, когда в нашей семье родился еще один ребенок и нужно было его крестить, пригласили Адвокатова. Хотя мне было тогда только три с половиною года, появление в доме попа и купели было таким выдающимся событием, что оно врезалось мне в память.

Детей у нас обычно крестили тогда, когда им исполнялся год, а то и больше, не особенно спеша выполнить эту процедуру.

Крестины превращались в забавное развлечение, так было и на этот раз. Ребенок, сидя на руках тети Сони — сводной сестры Веры Иустиновны от первого брака ее отца, — принимал деятельное участие в этом обряде: дул на зажженные свечи, обрамлявшие купель, подпевал дьячку, и все присутствующие, как взрослые, так и дети, забавлялись от души, чем неизменно разгневали попа.

Постов мы не соблюдали, а рождество, пасху праздновали по традиции, не придавая праздникам религиозного значения.

Когда мы научились грамоте, отец старался нас увлечь сочинением детских рассказов.

«Сладкая смерть» — это было первое произведение Юрка, в котором он описал смерть мухи, погибшей в банке с вареньем. Оксаночка писала грустные стихи, описывая тоску по родному краю. Родители устраивали литературно-вокальные детские утренники, на которых мы декламировали, играли и пели.

Вот отец на рояле подбирает одним пальцем мотив шуточной песенки «Задумала вражья баба да разбогатеть». Мы подхватываем. Детские голоса

как звоночки.

Летом мы с отцом на веранде, бывало, толчем уголь, смешиваем его с серой, с бертолетовой солью. Делаем из бумаги трубки, наполняем этой смесью и закапываем трубку одним концом в землю. А когда опускается вечер, зажигаем самодельные бенгальские огни. Отец любил устраивать иллюминацию в саду. Развешивал на деревьях с помощью тети Лиди гирлянды цветных бумажных фонариков, зажигал свечи и долго гулял с детьми по аллеям этого сказочного сада.

Мне всегда казалось, что мы идем в какие-то неведомые призрачные края и что дорогу нам освещают разноцветные светляки.

В определенные часы вся наша семья собиралась в столовую к завтраку, обеду и вечернему чаю. За этим отец строго следил. Он считал, что это отдых среди трудового дня, что это праздник, когда вся семья в сборе. У каждого было свое место за столом. Отец сидел спиной к окну. Справа от него мама, Роман и Юра. Слева я, Оксана и тетя Лидя. А бабушкино место было на противоположном конце стола, против отца. По утрам все пили чай со свежими булками, бубликами и молоком. Отцу отдельно готовился легкий завтрак. Стол к обеду накрывали белой скатертью и хорошо сервировали. Летом обедали на веранде.

Отец любил польскую кухню, поэтому часто подавались струделя, мазурки и разные польские блюда. Любили и украинские лежни — пирожки из гречневой муки с творогом, коржи с маком, кныши, вареники, пампушки с чесноком. Позже, когда отец вернулся из Италии, он научил тетю Лидю готовить макароны по-итальянски — с томатным соусом. К мясным блюдам всегда подавались гарниры из цветной капусты, спаржи и прочих овощей, которые отец очень любил. У каждого прибора на столе лежала салфетка в кольце и подставочка для ножа и вилки.

Серебряные позолоченные солонки, деревянные ложки и вилки к салатам, фигурные щипчики для сахара и печенья, подносы всех размеров и цветов для орехов. Все это очень украшало обеденный стол. Завтракали мы летом в девять утра, а зимой пораньше, чтобы успеть в гимназию. Обедали ровно в четыре, а вечерний чай был в восемь часов. Это расписание установил отец, и оно не менялось в нашем доме.

А вот мы собираемся с родителями на рыбалку.

Из среднего сарая выносим длинные бамбуковые удочки. Отец ставит удочку на палец и старается удержать ее. Голова его запрокинута. Балансируя, он бегаёт по всему двору. Вот-вот удочка упадет с его пальца, но ловким движением он восстанавливает равновесие. Мама смеется. Мы прыгаем на радостях и вертимся под ногами. Собаки Бокс и Джальма с

лаем носятся за нами. Поднимается шум. Потом отец ставит удочку возле сарая и по очереди кружит детей вокруг себя, бросает их в душистое сено, которое небольшим стожком возвышается возле елки. Дети покраснелись от смеха. Сено лезет в глаза, за ворот. Мы еще немного барахтаемся с отцом. Он запыхался, устал, но весел и отдыхает с нами на свежей копне. В глазах у него — веселые огоньки. Мама слегка обеспокоена: не переутомился ли он и не слишком ли расшалился с нами?

Рыбу удили на правой стороне Десны, недалеко от лесопилки. Минуя центр города, мы, чтобы сократить путь, шли вдоль вала, сворачивали вправо, пересекали шоссе со старыми вербами по обочинам и напрямик выходили к реке. Луг был полон щавеля и ярко-желтых лютиков. Крутой берег, подмываемый рекой, был укреплен плетенками из лозы; они были похожи на набитые камнями квадратные корзинки. Сидеть в них было не очень удобно, поэтому мы подкладывали под себя наши плащи и курточки. Отец на рыбалку ходил в темном, тонкого сукна плаще.

Он показывал нам, как нужно насаживать на крючок наживку, как забрасывать леску, следить за поплавком, быстрым движением подсекать рыбу.

Сам он все делал очень тщательно и ловко.

Нам быстро надоело ожидание, да и рыба большей частью не ловилась. А тихо сидеть мы не могли. Все интересовало: река, песчаная отмель на противоположном берегу с кустами верболоза, от которого долетал горьковатый запах. Вот пролетели утки. Вот выскочил из воды малек и мелькнул в воздухе. За ним другой, третий... А дальше — плывет челн. На нем поют.

Солнце, как шар в сизом мареве, опускается за туманный небосклон. От воды тянет прохладой. Речная зеленая мошкара облепляет нас.

Скручиваем леску на удилищах. Крючки закалываем в пробковые поплавки. По дороге домой заходим к бубличнице и покупаем горячие бублики.

Идем улицами притихшего города. Из сонного переулка появляется фонарщик. Он несет колеблющийся свет. Поднимается на лестницу и зажигает фонари. Один, другой, третий... Свет неуверенно разгорается. Тишина-Вот мы уже у своей калитки. Необычно громко в этой тишине гремит щеколда. Собаки лают — не узнали. Окно в столовой светится. На столе шумит самовар. Все устали. Ночной сторож стучит деревянной колотушкой. От этого однообразного стука еще больше клонит ко сну. С трудом жуем теплые еще бублики, запивая их чаем с молоком. Глаза слипаются. Спать... Спать!..

...Летом после обеда мы всей семьей ходили купаться на Десну в купальню Александрова. По дороге часто встречали француза Мазе. Чистенький старичок в поварском колпаке и переднике восседал на козлах небольшого фургончика, запряженного пони, и продавал мороженое. Он громко кричал «Мазе, мазе», сзывая покупателей. Его лицо и вся фигура нравились отцу. Он вежливо снимал шляпу, здоровался со стариком и покупал нам фисташковое мороженое.

По вечерам отец с матерью любили бродить по тихим улицам. Еще с вечера, укладываясь спать, мы, дети, думали и гадали, что папа поймает нам под фонарем: бабочку, жука или стрекозу с прозрачными крыльями? Мы собираем насекомых. У нас есть сачки из марли, железные ящички, куда мы складываем свою добычу. К нашим услугам эфир, тонкие булавки, которые лежат на окне в сенях около парадного входа.

Утром просыпаемся и, обгоняя друг друга, босиком мчимся в одних рубашонках в столовую. Четыре головы склонились, внимательно рассматриваем большую ночную бабочку под опрокинутым стаканом на столе. Это «мертвая голова», которую нам так хотелось заполучить в свою коллекцию.

Ходили очень часто гулять всей семьей на Болдину гору — в Троицу, это было любимое место прогулок отца. В послеобеденное время открывается у нас калитка, и с шумом выскакивают четверо загорелых детей Коцюбинских. У каждого через плечо железная сумка для сбора растений и жуков, в руках — сачки. За детьми с лаем несутся пять черных, рыжих и белых собак: Джальма, Бокс, Мильтон, Стоп и Трепов. Потом идут отец с мамой. Оба в больших итальянских панамах. Вся эта шумная и живописная процессия сворачивает в узкие улочки Холодного Яра.

Позже отец привозил нам из Италии прекрасные коллекции бабочек и жуков. Но больше он любил все живое — собак, птиц, белок.

Юрко с отцом всегда ставили силки и ловили клестов, синичек, снегирей. Птицы помещались в клетках, которые висели возле бабушкиной комнаты в коридоре. Всю зиму птицы пели, свистали, чирикали на все лады, напоминая о летнем тепле. Торжественно в день благовещения отец вместе с нами выносил клетки из дому, ставил под елкой и по очереди открывал, отпуская птиц.

Собирали мы также коллекцию марок. Отец очень следил за тем, чтобы ни одна марка, особенно заграничная, от его многочисленной корреспонденции не попала в стоящую под письменным столом корзину. Он откладывал их и отдавал Юрку и Ромце. Любили мы и старинные монеты, среди которых были монеты в застывшей лаве, привезенные отцом

из Италии. Отдельную коллекцию составляла мозаика из смальты; отец привез ее из Помпеи.

На рождество Михаил Михайлович вместе с цами украшал елку, стараясь доставить детям как можно больше удовольствия. Зажигал бенгальские огни на пушистых ветках, оглушительно стрелял из хлопушек, пел с нами колядки и щедривки: «Щедрик, ведрик, дайте вареник, грудочку каши, кольцо колбаски...»

Как художника, любившего феерию, отца всегда привлекало праздничное оформление новогодних и пасхальных ночных церковных служб. Особенно красиво бывало возле семинарии. Речка Стрижень (приток Десны), на берегу которой стояла семинария, весной разливалась, затапливала Красный и Белый мосты, соединявшие обе части города. Всюду устроены были узкие кладки, на которых трудно разойтись. Покрытые нежным зеленоватым пухом ветви верб Марьиной рожи у Стрижня клонились к воде. В реке отражались огоньки от светящихся фонариков, с которыми все ходили в эту ночь по городу.

Когда ударили колокола, запылали смоляные бочки вокруг церкви. Огонь с шипением вырвался из бочек и осветил морщинистые лица баб в праздничных платках. Отблески огня играли бликами на белых узелках, в которых лежали куличи и крашеные яйца, принесенные для освящения.

В эту ночь мы, детвора, тоже ходили вместе с отцом по церковным цвинтарям. В воздухе стоял дым. Пускали ракеты и фейерверки, кружились огненные колеса, пылали факелы.

Огоньки от фейерверков, падающих в воду, вызывали восторг. У отца блестели глаза:

— Смотрите, это праздник огня и красок. В нем столько же язычества, сколько и в обрядах наших далеких пращуров, которые в лесных дебрях и непроходимых чащах жгли костры своим каменным богам.

Огонь постепенно угасал, ночь становилась темнее, и звезды ярче сверкали высоко над головой.

Во время крестного хода вокруг черниговского кафедрального собора поднялась такая стрельба, что черниговский губернатор Маклаков (впоследствии министр внутренних дел), важно выступавший вслед за архиереем об руку с женой, побледнел (это было вскоре после революции 1905 года). Несмотря на парадную форму камергера, он был жалок. Пенсне съехало набок. Короткие рыжеватые усы топорщились.

Отец долго смеялся и острил по этому поводу.

А вот и рождественская ночь. Снег упруго скрипит под ногами. Улицы утопают в сугробах. Длинные ледяные сосульки, как сталактиты, сверкают

в лунном свете. Из труб вьется сизый дымок. От мороза усы, брови и шапка отца становятся белыми. На него весело смотреть. Он кажется таким сказочным, что все мы заливаемся смехом. Да и отец не отстает от нас.

Мы идем в костел. Там в эту ночь происходит целое представление. Выносят куклу в виде запеленатого младенца. Это Христос. Поют, играет орган, шествует торжественная процессия.

Спустя несколько лет отец в письмах с Капри описывал нам празднование итальянского рождества.

Зима. Висячая керосиновая лампа под абажуром освещает комнату. Вся семья собралась вокруг стола. Мама читает письмо с далекого Капри. «В костеле шесть ксендзов ревут, органы играют оперные мотивы, а среди богомольной публики в церкви бегают маленькие собачки и вычесывают блох».

Все смеются, бабушка тоже улыбается. Мама продолжает: «Из узкой улицы со сводами, как из катакомб, показалась процессия: целый ряд фонарей на длинных палках, за ними идут дзампоньеры (пастухи из Абруццы) и играют старую, как христианство, новену на своих инструментах: козе и деревянной дудке. За ними маленький кудрявый мальчик несет корзину, полную цветов, среди которых лежит голый ребенок — Христос (кукла)... Через полчаса из другой улочки выходит еще одна большая процессия с фонарями, свечами, музыкой и пением — и только та разница, что Христа несет не мальчик, а самый старый каприйский столяр, изображающий Иосифа. Ого, думаю, вот так порядки: здесь дева Мария родила этой ночью двойню!..»

Мы смеемся: действительно, история — родилась двойня!

Отцу, естественно, хотелось, чтобы дети его росли культурными и образованными. Его очень огорчило, когда у Оксаны оказалась переэкзаменовка по географии. Он был удивлен и как-то обижен за Оксану. Ведь она так любила природу, литературу, так хорошо писала рассказы и вдруг — двойка по географии! Оксану почему-то охватывал страх перед учительницей географии, и она совершенно теряла перед ней дар речи.

Позже, путешествуя за границей по дороге из Салоник в Афины, отец напишет: «В городе очень много испанских евреев, арабов, албанцев и всякого чудного народа. Костюмы необычайно живописны. Жизнь резко отличается от нашей. Сожалею, что со мной нет детей, они насмотрелись бы на все, и, вероятно, Оксане география показалась бы интересным предметом».

В другом письме отец радуется: «Оксаночку поздравляю с успехом по

географии. Так я обрадовался, будто сам получил 5. А Рома какой молодец! Пишет без ошибок диктовки. Просто не верится».

Тут же он поздравляет Юрка с днем рождения: «Целую его крепко, этого пятнадцатилетнего мужчину, и радуется меня очень, что он понял, наконец, как надо относиться к своим обязанностям, старается серьезно работать, хорошо учиться. Скажи ему, что это доставляет мне большую радость: если он уже теперь так работает над собой, так хорошо учится, то это дает надежду, что из него получится умный и работающий человек...»

«...А хорошо ли закончила Ирочка экзамены?» — спрашивает он маму.

Если же он сердился на нас, девочек, за некоторое легкомыслие (особенно, если мы вертели перед зеркалом), он бросал презрительное в его устах слово «лагутинши», имея в виду дочерей черниговского кондитера Лагутина, пустых и жеманных барышень. Слово «лагутинша» было синонимом всего мещанского и звучало для нас как тяжкая обида.

Отец не прощал нам ни малейшей провинности, не скупился на всякие меткие прозвища вроде «пума», «гуска», «гага», «кундель» (увалень), которые жгли нас и допекали. Бывало, что я ленилась, а потому не могла решить задачу по арифметике. Я не хотела сосредоточиться, дело доходило до слез.

Отец тогда усаживал меня рядом с собой. Брал мою тетрадь и рисовал на листке город с маленькими домиками, с башней, на которой выделялись большие круглые часы, показывающие время отъезда путника из города. На другой стороне листка он рисовал точно такой же город, тоже с башней и часами на ней. Над домами летали вороны. Между двумя городами он чертил дорогу, по которой ехали в маленьких повозках два путника навстречу друг другу. Лошадки быстро бежали, помахивая хвостиками. Путники сидели на облучках и нахлестывали их кнутами. Условие задачи было записано тут же. Длина дороги — такая-то. Каждый путник проезжал за час столько-то верст. Когда же они встретятся? Рисунок заинтересовывал меня, и решение приходило само собой.

Отец почти никогда не кричал на нас. Он так терпеливо помогал нам в занятиях, что мы охотно обращались к нему, хотя он и был всегда занят. Ему хотелось, чтобы дети выступали на вечерах, участвовали в спектаклях, пели. Отец водил нас на мистерии, на так называемый «Вертеп», который ставили в зале Дворянского собрания, а также на спектакли «Наталка-Полтавка» И. Котляревского, «Запорожец за Дунаем» С. Гулака-Артемовского, смотрели мы и «Вий» Гоголя. Спектакли эти ставились в старом помещении цирка на новом базаре (впоследствии это помещение

сгорело). Не раз он ходил с нами и в цирк.

Бывали мы в историческом музее В. В. Тарковского, ходил с нами отец и на сельскохозяйственную выставку, раскинувшуюся на зеленом лугу возле пожарной команды добровольного общества, расположенного неподалеку от Красного моста. Зимой это место всегда заливали водой для катка. На выставке отец старался заинтересовать нас сельской продукцией, показывал нам скот, птицу, пшеницу и рожь всех сортов. Мама больше интересовалась лучшими сортами огородных семян, покупая их для нашего огорода.

В 1907 году мы ездили в Славуту, побывали там на суконной фабрике графа Сангушко. Отец показывал нам и объяснял, как ткут сукно, как его моют, красят, сушат, как затем начесывают ворс и сворачивают в штуки.

Посетили мы также пивной завод Вондрака в Чернигове. Смотрели, как варят пиво. Условия труда там были тяжелые. Отец, помню, долго разговаривал тогда с рабочими.

Он всегда хотел разумного, здорового досуга для детей.

Передо мною письмо, полное заботы о нас. «Напиши мне, Верунечка, о вечерах детских, как дети развлекаются и есть ли у них то, чего я больше всего хотел», — спрашивает он.

В длинные зимние вечера, когда отец писал, закрывшись в гостиной, или во время его поездок мама читала нам Шевченко, Глибова, Котляревского, Толстого, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Гюго, Золя, Диккенса. Она также прививала нам любовь к классической музыке, каждый вторник водила на концерт. Следила за тем, чтобы мы знали иностранные языки, особенно французский, занималась с нами сама или же приглашала француженку. Развивала любовь к географии, истории, биологии.

Прививали нам и любовь к спорту. Мы умели грести и управлять лодкой, кататься на велосипеде, коньках и лыжах, ездить верхом.

Всех этих увлечений отец был лишен в свои юные годы, так как слабое здоровье не позволяло ему заниматься спортом. Он не умел ни плавать, ни грести, ни ездить на велосипеде. Не любил также отец никаких настольных игр: шахмат, шашек, лото, не говоря уже об игральных картах, предпочитая всему этому прогулки на свежем воздухе.

Наш сад, окружающий дом, разделялся на две части дорожкой, начинавшейся от ступенек веранды. Дорожка была обсажена декоративными деревьями, каштанами, липами, кленами, березами, ясенями.

В саду в изобилии росли фруктовые деревья, раскидистые яблони, высокие груши, низенькие деревца кизила, ветвистый воложский орех. В конце сада, закрывая листвой забор, густо зеленели кусты лесного орешника, барбариса, крыжовника, смородины, малины; кое-где подымалась светлая поросль молодого дубка.

Вдоль всей усадьбы, на меже с соседской бахчой, высились тринадцать пирамидальных тополей, видневшихся далеко вокруг. Черниговцы называли их тополями Коцюбинского.

На клумбах перед верандой красовались красный мак, белые и желтые лилии, розовые, голубые и лиловые колокольчики кампанулы, ирисы, пышные душистые пионы, ярко-желтая гайлардия, левкой, флоксы, майоры, кусты французских роз любых оттенков, гвоздики, бальзамины, кларкии, эшшольции, нечесанные панны, скабиозы, вербены, резеда, табак и еще много разных цветов.

«Моисеев куст», привезенный отцом из Италии, благоухал одуряюще и сладко. Ночью аромат каприфолиума, маттиолы и табака наполнял весь сад.

Не мудрено, что там было так хорошо. Наши родители приложили для этого немало усилий.

У каждого из нас была грядка. Мы их старательно вскапывали, засаживали цветами, поливали.

В укромном месте, на боковой дорожке сада, где свисали ветки спиреи, как бы создавая естественную беседку, из дерна мама соорудила для отца нечто вроде зеленой кушетки. Отец любил этот уголок.

...Вот он отдыхает здесь, просматривая газеты.

Я просунула папе в петличку пиджака красную вербену, Оксаночка не знает, куда воткнуть розу, и засовывает ее в жилетный кармашек. Отец смеется:

— Что я, невеста, что вы меня так украшаете?

Он обнимает нас и целует. Садимся возле отца. Мама, в белой «волохашке» — крымской войлочной шляпе, быстро окучивает молодую картошку.

Отец повернулся к ней.

— Веруся, кончай работу, не утомляйся!

Мама выпрямилась, посмотрела на свое семейство, помахала нам рукой и ушла в дом.

А отец, лежа навзничь, рассказывает нам об аттракционах, которые видел на Пратере в Вене.

— ...В парке сделаны высокие деревянные горы, так называемые

американские, с крутыми пропастями и неожиданными подъемами. Поднимаешься по ступенькам на верхушку этой горы, платишь монету, садишься в открытую вагонетку на двоих. Вагонетка трогается с места; сразу проваливаешься куда-то, и сразу же с бешеной скоростью тебя мчит по рельсам то вниз, то вверх. Ветер свистит в ушах и забивает дыхание. Становится до того страшно и так безумно весело, что буквально все участники развлечения машут руками и кричат.

— И ты, папа, кричал? — спрашиваем мы.

— Конечно, кричал, пожалуй, даже громче всех, еще и руками махал.

Нередко отец рассказывал о том, как в бытность свою на Капри наблюдал там такие чудеса природы, в которые трудно и поверить. Он так живо описывал нам свои приключения, что мы видели все как наяву: скалу, которая неустанно омывалась морской волной, море, всегда волнующееся в этом месте, волны, выгрызающие пещеры, гроты... Отец приближается к отверстию грота, ложится на дно лодки. Проводник направляет челн, и волна мгновенно проталкивает его внутрь. По словам отца, трудно даже представить себе всю красоту этого грота. Он ярко-голубой. Он как бы вобрал в себя всю голубизну неба и моря. Арки и колонны подпирают своды. Вода, если зачерпнуть ее рукой, переливается и горит огнем. В гроте такая невыносимая жара, что через несколько минут яйцо, положенное у подножья колонны, запекается.

А какой силой обладает Везувий! Как он великолепен! Из кратера все время клубится дым. Внутри этого вулкана идет непрекращающаяся адская работа. Кипит раскаленная лава и огненными потоками растекается вниз. Понемногу охлаждаясь, она застывает. Отец рассказывал, что, когда он подымался на Везувий, лава уже почти не текла, но почва под ногами была горячая, зыбкая, было такое ощущение, что она колышется. Отцу хотелось во что бы то ни стало подойти ближе к кратеру.

Дыхание было затруднено от раскаленного воздуха и удушающего серного смрада. Неожиданно он провалился в горячую массу. Проводник начал бросать ему палки, веревки, чтобы он за них ухватился. Долго отцу не удавалось поймать конец веревки — руки были обожжены и сразу покрылись волдырями. Преодолевая боль, он все же изловчился, поймал веревку, и проводник вытянул его из этого пекла. Часа два он лежал без сознания. С трудом пришел в себя. Но он еще долго не мог писать — болели и не заживали ожоги на руках.

От отца пришла тогда открытка с изображением грозного Везувия на фоне зловещего темного неба с багровым, как упырь, солнцем. На ней обожженной папиной рукой был нацарапан привет с Везувия.

Михаил Михайлович очень любил свою мать, нашу бабушку. Во всех своих письмах, написанных с 1896 по 1913 год в Винницу и Чернигов, он всегда интересуется ее здоровьем, всячески о ней заботится.

У нас в семье сохранилось воспоминание о событии, которое едва не привело к катастрофе. Однажды бабушка вместо лекарства по ошибке выпила яд; все в конце концов закончилось благополучно, но отец, узнав об этом случае из маминого письма, никак не мог успокоиться и в страшном волнении писал: «Серденько мое! Я так взволновался, читая о том, что произошло с мамой, что до сих пор у меня страшно болит голова». И дальше, обращаясь непосредственно к матери: «...Любимая мамочка! Так мне тяжело, страшно даже стало, когда узнал, что с Вами произошло... Постарайтесь забыть всю историю и успокоиться, а в другой раз спрашивайте, что едите и пьете, чтобы не повторилось такой ошибки».

Гликерия Максимовна пользовалась в семье большим авторитетом. Все дети любили ее за приветливый характер, старались исполнять все ее желания и даже старческие прихоти. В комнате у нее, на круглом столике у кровати, всегда летом стояли букеты.

Забываясь о том, чтобы бабушка больше бывала на свежем воздухе, отец часто водил ее в сад. Бывало, осторожно поддерживая мать под руку, он сводит ее по ступенькам с веранды, и они идут в глубь сада. Голову бабушки покрывает фаншон из черного шелкового кружева, она в синих очках, сгорбленные плечи скрадывает темный широкий капот с пелериной, на ногах белые чулки и черные прюнелевые ботинки с ушками. Папа бережно усаживает ее на заботливо устланную им свежей травой скамейку.

— Может, принести тальму, чтобы не продуло?

Бабушка благодарно гладит руки сына. Отец берет деревянный ящичек с гильзами фабрики «Дуван», пачку табака «Стамболи» и набивает папиросы. Они закуривают и ведут нескончаемые разговоры. А иногда сидят просто молча. Бабушка знает, как тяжело живется ее Мусе в окружении «верноподданных» земляков, как обыденность оплетает его. Ласково привлекая его к себе, она старается отвлечь его от неприятных мыслей.

Все, что любил сын, все, чем он увлекался, было близко и интересно его матери. Она имела хороший вкус, любила литературу и искусство. Вообще бабушка, как характеризовал ее позже Михаил Михайлович, «была человеком со сложной, тонкой и глубокой организацией». В одном из автобиографических писем отец замечает: «Особенно с матерью, от которой я унаследовал психическую организацию, чуткую и

впечатлительную, мы были в большой дружбе, и, собственно говоря, ей я обязан склонностью ко всему красивому и любовью к природе».

Михаил Михайлович выделил для своей матери самую теплую, солнечную комнату в доме, а сам поместился в северной комнатухе. У бабушки всегда пахнет яблоками. Обстановка скромная. Две узкие кровати: одна — бабушкина, другая — Ромчика, стол, за которым он готовит уроки; на круглом столике у бабушкиной кровати среди цветов в простой рамке портрет Муси. На стене вешалка, на которой капоты, ротонда на лисьем меху и шелковая летняя тальма темно-серого цвета с рюшами; у стены небольшой сундук с бельем, за сундуком мешочки с орехами — бабушкины «россыпи». Она сама их сушит и, старательно пересчитав, складывает в мешочки, чтобы в праздники одарить ими всех — и детей и взрослых.

Бабушка лежит на пристроенной к печке и покрытой старинным украинским ковром лежанке. Ковер выткан из грубой черной шерсти, порывевшей от времени. На этом фоне разбросаны красные, желтые и розовые цветы. Отец обнимает ее за плечи.

— Поглядите-ка, что я вам привез, — говорит он и протягивает свои подарки...

Оба они очень любили музыку. Когда к нам приходили бандуристы или лирники, для бабушки на крыльцо выносили кресло, а мы, детвора, усаживались на ступеньках.

Как-то у бабушки заболели глаза. Мы прикладывали ей к глазам примочки из разных лекарств, листья трав, несколько раз вызывали доктора Тимошко. Отец волновался, спрашивал в письмах домочадцев о матери: «Беспокоюсь я, как мамино здоровье, перестала ли болеть и не нужно ли еще раз пригласить Тимошко?»

Однажды у отца собрались гости на очередную литературную «субботу». Вдруг из бабушкиной комнаты раздался испуганный крик. Отец стремглав бросился туда. Оказалось, что бабушка, лежа в постели, курила. И из папиросы на одеяло выпала искра. Одеяло, очевидно, долго тлело, пока, наконец, не вспыхнуло. Бабушка обнаружила это лишь тогда, когда огонь обжег ей пальцы.

Быстро погасив огонь, отец стал успокаивать ее, прикладывая к обожженным пальцам мазь и примочки.

Сына своего бабушка любила беспредельно. Оберегая его больное сердце, она следила, чтобы мы не шумели, не беспокоили его и не огорчали. Трогательная сцена происходила ежегодно накануне 5 сентября — дня папиного рождения. Поздно вечером, когда отец уже спит, а чаще делает вид, что спит, бабушка с каким-нибудь подарком и с обязательным

мешочком орехов и плиткой шоколада в руках тихонько пробирается в папину комнату. Ее правая рука протянута вперед, нащупывая в воздухе дорогу. Неслышно бабушка подходит к постели отца, привязывает мешочек к спинке его кровати, поправляет одеяло и нежно, едва касаясь пальцами, голубит своего Мусю. И столько в ее руках ласки, что отец не выдерживает, подхватывается с постели и крепко ее целует.

Полными уважения были отношения Михаила Михайловича к своим сестрам — Лидии и Ольге. С именем Ольги, профессиональной революционерки, которая большую часть своей жизни провела в тюрьмах, в семье Коцюбинских была связана тайна; о ней не знали даже близкие люди.

...Стройная девушка в темном костюме под густой вуалью идет по Северянской улице. Вот она миновала высокие серые ворота — вход в усадьбу писателя М. М. Коцюбинскою. Движения незнакомки уверенны и решительны. Видно, что не впервые шагает здесь.

Спустившись по кривой улочке, девушка вышла на церковную бахчу, граничившую с усадьбой писателя. Тут она замедлила шаг и, оглядываясь по сторонам, незаметно приблизилась к замаскированному пролому в заборе. Мгновение — и она уже за оградой в саду. Однако же здорово она все-таки запутала следы, ловко сбила с толку того, в котелке и сером пальто, кто неотступно, как тень, следовал за нею.

Нервное напряжение сменилось усталостью.

Впереди всего лишь день-другой отдыха, а затем-снова бесконечные переезды с места на место, явочные квартиры, пароли, печатание на гектографе, транспортировка литературы...

Сквозь ветви деревьев едва виднеется одноэтажный дом с большой верандой. Вокруг темно.

Девушка чуть слышно стучит в стекло.

— Кто там? — долетает голос.

Дверь приотворяется. Гостью пропускают через парадный ход в переднюю.

Неожиданное появление таинственной тети Оли внесло в семью, как обычно, и радость и тревогу.

Ночную тишину дома нарушило шарканье ног, скрип дверей. В столовой зажгли лампу. Слепая Гликерия Максимовна, простоволосая, в наспех накинутом капоте, спешит обнять младшую дочь. Слезы радости, трогательные сердечные слова, поцелуи.

Вера Иустиновна помогает Ольге раздеться. Сестра Лидя готовит чай и ужин. «Садись, Оля, садись отдыхай! Не привела ли за собой «хвоста»?

— озабоченно спрашивает Михаил Михайлович.

Ольга моложе Михаила на тринадцать лет. Из-за трудного материального положения семьи Михаилу Михайловичу в свое время пришлось устроить десятилетнюю девочку в пошивочную мастерскую. Она хотела во всем походить на брата. Сознательно стремилась к борьбе против царизма. Самостоятельно подготовившись, сдала экстерном в 1897 году при киевской гимназии Дучинской экзамен на звание народной учительницы. Но слава подпольщицы следовала за ней и лишала постоянного заработка. Являлся сотский, становой — и учительница, сложив на телегу скудные свои пожитки, покидала село. Она не имела постоянного места жительства, жила без прописки, не раз скрывалась под чужим именем.

В 1904 году ее, как учительницу села Ивашцы Львовского уезда Курской губернии, разыскивала полиция в Киеве. А она тем временем скрывалась в Боярке у крестьянина Онисима Лахтадыра, где вскоре жандармерия произвела обыск^[51]. Ее можно было увидеть на заводах, в мастерских, в железнодорожных депо, в рабочих поселках. 27 марта 1905 года Ольга Михайловна была вызвана на допрос в Курское губернское жандармское управление. Ее обвинили в распространении противоправительственных изданий среди служащих Сапоговской земской больницы, где она работала^[52].

Михаил Михайлович сочувствовал Ольге и всячески поддерживал, но ее постоянное нелегальное положение тревожило мать, и это не могло не сказываться болезненно на писателе.

...Ольга вконец издергалась нескончаемыми преследованиями. Она нуждалась в отдыхе. Но, несмотря на это, порывалась ехать дальше. Михаил Михайлович не отпускал сестру. Днем она питала. Ее радовали покой и тишина, топот босоногой детворы.

Повеселела и Гликерия Максимовна. На ее лице все чаще появлялась ласковая улыбка.

Так продолжалось недолго. Однажды под вечер Ольга увидела полицейских, выходящих из-за угла дома. Бежать было поздно, девушку заметили...

И снова тюрьма, тесная сырая камера, неизвестное будущее...

Вскоре Ольгу перевели в киевскую тюрьму.

Неспокойно было на Черниговщине в 1906 году. Черная сотня окончательно распоясалась. Стражники на лошадях носились по притихшим улицам. «Нам не дают теперь ничего строить, если это не

тюрьма, — пишет Коцюбинский Гнатюку, — темные силы строят новые тюрьмы, ибо старые переполнены. Мы, видимо, мало еще разрушили, чтобы можно было что-то создавать».

1907 год был тяжелым для семьи Коцюбинских. — Об Ольге почти ничего не знали. Она снова где-то скрывалась, находясь на нелегальном положении. Обнаглевшие шпики лезли прямо во двор Коцюбинских, подглядывали в щели, буквально путались под ногами.

17 мая 1907 года Ольгу снова арестовывают в Харькове. Во время обыска у нее было найдено 1616 экземпляров противоправительственной литературы. Ольга собиралась переправить ее в другое место, но не успела. В этот день были также арестованы ее друзья по работе^[53]. Из донесения одесской охранки за № 1086 от 9 сентября 1907 года с грифом «Совершенно секретно» узнаем: «в городе Харькове... Нетеченская улица, субботняя школа, спросить Ольгу Михайловну (учительницу). Пароль: «Поклон от Степана Валериановича»; вопрос: «Балмашов?» ответ: «Да»^[54], — находится явочная квартира, с которой была связана Ольга. Явка провалилась. Участников подпольной организации оповестили, разослав листки с текстом, написанным химическим раствором, во многие города, в том числе и в Чернигов^[55]. На основании этих материалов Ольгу 26 октября 1907 года по постановлению Харьковской судебной палаты осудили на два года крепости^[56].

Все были расстроены и подавлены. Михаил Михайлович совершенно не мог спать.

Из секретного сообщения начальника Харьковского губернского жандармского управления от 31 октября 1907 года узнаем, что «30 октября 1907 года (Ольга. — И. К.) отдана на поруки с денежной ответственностью поручителя в сумме 1000 рублей в г. Харькове»^[57].

Долг этот лег тяжелым грузом на плечи Коцюбинского.

И наконец, Ольга на свободе. Худая, бледная, в темном старом пальто с потертой горжеткой, появляется она на пороге Коцюбинских...

Помню, как повела она меня однажды с собою на собрание, происходившее в зале городской думы.

Я со страхом поднималась по чугунной лестнице на второй этаж. Мы вошли в зал, где стоял стол, покрытый темно-зеленой суконной скатертью с золотыми кистями. Слева под балдахином из такого же сукна стоял гипсовый бюст Николая II.

Я прижалась к Ольге и испуганно озиралась по сторонам. Шло какое-то заседание. В первых рядах я увидела родителей и много знакомых. И

вдруг я заметила городского, сидевшего в стороне. В моем сознании боролись два чувства: гордости за тетю Олю, которая, будучи взятой на поруки, может присутствовать на этом собрании и полицейский не имеет права ее арестовать, а также страха, от которого дрожали коленки: а вдруг он все же арестует?

Ольга была спасена. Но надолго ли? Оказалось, нет. Вскоре она вновь была арестована. На сей раз ей грозила пожизненная ссылка.

В первые минуты Михаил Михайлович как бы окаменел. Это была уже катастрофа. Такой беды он не ожидал... Нужно немедленно действовать, сделать все, чтобы спасти сестру. Но как это осуществить? Кто даст деньги для того, чтобы взять Ольгу на поруки? Заложить вторично дом, на котором и так висит банковский долг в 2000 рублей? А чем рассчитываться? Что ожидает впоследствии его семью?..

Но это все потом. Сейчас же главное — вырвать Ольгу из тюрьмы. А дальше? Как ее переправить за границу? Ведь для этого нужен паспорт. Жить под своим именем она уже не сможет. Это ясно.

Долго судили на семейном ночном совете. Паспорт? Только родной человек может спасти Ольгу. Выбора нет. На эту жертву готова Лидия Михайловна. Да, да, она сама так решила. Как-нибудь проживет с семьей брата, со старой матерью... Ей уже ничего не нужно. Лишь бы спасти младшую сестру...

У Лидии была несчастливая любовь, Виталий Дзюбинский, близкий друг детства, товарищ брата. В 1882 году его в числе пятнадцати человек исключили из семинарии за участие в революционной сходке по поводу годовщины убийства Александра II. Умер он в ссылке в Сибири. Нет, она не может допустить, чтобы подобная участь постигла ее младшую сестру.

А постоянная опасность раскрытия тайны? Угроза самой оказаться в тюрьме, в ссылке... Ну что ж, она возьмет полностью ответственность на себя.

Михаил Михайлович решил просить у писателя Леон-товича три тысячи рублей под закладную дома. Как обычно, в денежных делах инициативу взяла на себя Вера Иустиновна. Она едет в Киев, рассказывает о тяжелой болезни мужа, о необходимости безотлагательно уплатить долги, просит, уговаривает и в конце концов добивается обещания занять деньги.

Получив согласие в письме от 17 июля 1908 года, отец 24 июля едет в Ромодан на Полтавщину, чтобы договориться о порядке оформления закладной и получить необходимую ему сумму. Закладную оставили у лубенского нотариуса, умышленно уменьшив размер предыдущего банковского долга. Ценой величайших усилий Ольгу берут на поруки под

залог в 2 тысячи рублей.

Эта победа далась нелегко. Слишком много было поставлено на карту: семейное благополучие, будущее писателя, жизнь Лидии Михайловны, громадный долг, поставивший Коцюбинского в зависимость от людей, с которыми он не желал иметь столь близкие отношения.

С деньгами и паспортом на имя Лидии Михайловны Коцюбинской Ольга эмигрирует за границу. А в Чернигове остается подлинная Лидия Михайловна Коцюбинская.

Она только теперь как следует осознала свое безысходное положение. Больше сидела дома. Но время шло, и она чувствовала, что не сможет примириться с таким существованием. Как-то под утро она вышла в сад. Мы, девочки, видим ее через окно: она блуждает узкой тропинкой вдоль забора. Мы взволнованы, так как давно заметили, что с Лидией творится что-то неладное. Невпопад отвечает, а чаще вообще промолчит. Поминутно оглядываясь, она пыталась накинуть петлю на ветку. Руки у нее дрожали. Мы замерли... но тут у нее вдруг упали руки; почти теряя сознание, она опустилась на скамью, вкопанную под вишней, и горько зарыдала.

Михаил Михайлович был надломлен всеми этими переживаниями. Лицо стало прозрачным, начались приступы.

Долго еще отец чувствовал себя слабым. «Как только приехал я из Кононивки домой, свалились на меня всякие неприятности, хлопоты, горести и скрутили меня так, что я еще хуже стал, чем до своих вакаций. Самое главное, я утратил душевное равновесие и еще более слаб душой, нежели телом», — жаловался он в письмах. «Не везет мне: вот уже больше месяца сильно болею, чуть было не скончался, так как болезнь моя началась таким сильным нервным припадком, что я сорок часов кричал, как сумасшедший, и никакие лекарства не могли ничего сделать, даже морфий и хлороформ... — и еще не знаю, скоро ли выйду из дому»^[58].

Вопрос о серьезном лечении отца встал со всей остротой. Снова деньги... Нужно их достать любой ценой... А тут еще старший нотариус Чернигова не соглашается утвердить вторую закладную на дом — дескать, составлена она незаконно, с преуменьшением суммы первой.

4 ноября 1910 года Черниговский государственный банк вновь напоминает писателю об уплате долга: «Во избежание публикации о продаже заложенного Вашего недвижимого имущества, Правление Банка покорнейше просит Вас поторопиться взносом причитающихся от Вас срочных платежей»^[59].

Помню, как приходил банковский чиновник, описывал наше

имущество, осматривая и ощупывая каждую вещь, как угрожал продать на аукционе письменный стол отца, шкафы с его библиотекой, рояль, трюмо, мягкую мебель и картины. Родители волновались. Мама с ног сбилась, занимая у знакомых деньги.

Тем временем Ольга Михайловна под именем Лидии Михайловны Коцюбинской жила то в Швейцарии, то во Франции и Италии. Через несколько месяцев, в конце 1908 года, она возвращается в Гадяч Полтавской губернии и там выходит замуж за бывшего студента Харьковского университета Павла Андреевича Шинкаренко, который был назначен контролером винокурен в Гадяче.

Священник Хоб, венчавший молодых, был весьма удивлен тем, что невесте по паспорту сорок лет, а перед ним стояла стройная, по виду не более тридцати лет женщина.

Вскоре у четы Шинкаренко родились две дочери. Прошло еще немного времени, и Павел Андреевич умер от туберкулеза. Ольга Михайловна осталась вдовой.

Никаких связей с семьей брата она не имела, боясь раскрыть тайну. Понимая огромную ответственность, которую взяли на себя Михаил Михайлович и его семья, Ольга вынуждена была в какой-то мере прекратить революционную деятельность. Материальное ее положение было тяжелым. Но летом 1913 года Ольга Коцюбинская под именем Лидии Михайловны Шинкаренко неожиданно появилась с детьми в Чернигове. Остановилась в гостинице. Выходила на улицу только в шляпе под вуалью. Один-единственный раз решилась Ольга Михайловна прийти и к нам с детьми.

А вот как встретились на людях обе Лидии Михайловны. Тетя Лидя гуляла со мной и Оксаной возле Екатерининской церкви. Издалека мы увидели на скамейке женщину в черной юбке. С нею две девочки трехчетырех лет. Обе женщины пристально смотрят друг на друга. Ни одним движением они не выдают себя. Нас, подростков, от страха бьет лихорадка.

Позже империалистическая война забросила Ольгу в Румынию в город Бакеу, где она заведовала питательным пунктом. В Бакеу она встретила и революцию 1917 года, не зная, что сестра Лидя, давшая ей паспорт, а с ним и волю, умерла в 1916 году. Затем Ольга вернулась в Россию.

На протяжении всей своей жизни Ольга Михайловна стремилась быть полезной народу. Живя в селе, собирала вокруг себя девчат и читала им запрещенные книги, помогала голодающим беженцам из Поволжья, делилась с ними последним куском хлеба, не раз вступала в отчаянный

спор с попом, пытаясь ограничить его влияние на крестьян, особенно на школьников. А в первые годы Советской власти активно выступала против кулачества.

Во время эпидемии тифа Ольга Михайловна обходила тяжело больных крестьян, лечила и ухаживала за ними. Заразившись сыпняком (болезнь к тому же осложнилась еще и воспалением легких), она 22 мая 1922 года умерла. Похоронили ее в саду возле школы села Демина Балка, недалеко от Хорола на Полтавщине, где она учительствовала. Похоронена под именем Лидии Михайловны. В последние годы ее могила разыскана. Школьники из Деминой Балки помогли ее восстановить, и на постаменте могилы под фотографией написано ее настоящее имя — Ольга Михайловна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ К ГОРЬКОМУ

К 1909 году заметно ухудшилось здоровье отца. Больше всего его удручала мысль о невозможности писать. Собрано столько материалов, сделано столько заметок, но завершить все это у него не хватало сил. На семейном совете пришли к единодушному выводу: надо ехать на Капри. Соблазняла не только возможность еще раз побывать там^[60], но и желание встретиться с Горьким, который поселился тогда в этом живописном уголке.

Между приступами болезни Михаил Михайлович ездил в Киев. На одном из литературных вечеров у Н. В. Лысенко он читал отрывок из повести «Fata morgana». Выступала там со своими произведениями и Леся Украинка. Иван Франко читал «Моисея», П. Саксаганский декламировал его «Камнеломов», Лысенко исполнял гимн «Вечный революционер».

В конце апреля отца посетил почетный гость — исследователь славянских литератур Нобелевского института при Шведской академии наук — Альфред Енсен. Его приезд в Чернигов был событием.

Коцюбинский сразу нашел с Енсеном общий язык. Говорили об украинской и мировой литературе. Вспоминали Ивана Франко, Осипа Маковея, с которым переписывался Енсен. Выяснилось, что оба были к тому же и переводчиками Адама Мицкевича: один — на шведский, другой — на украинский язык.

Енсен был выше среднего роста. Небольшая бородка обрамляла лицо. Он сидел в спальне отца и доброжелательно поглядывал на больного, поблескивая стеклами пенсне. Разговаривали на русском языке, которым немного владел гость.

Когда речь зашла о переводах произведений Коцюбинского на шведский язык, отец, невзирая на уговоры мамы, поднялся с постели и повел Енсена в гостиную. Он взял из шкафа томики своих сочинений и стал советоваться с ним о предстоящей работе. Михаил Иванович Жук вызвался оформить обложку будущего издания.

Енсен провел у нас почти целый день. Его очень тепло принимали. Все мы, кроме отца, побывали тогда на Болдиной горе. По зеленевшему первыми всходами полю мы дошли до кирпичного заводика Мехеда. Енсен с любопытством осматривал это первобытное производство с

примитивными печами, навесами для сушки кирпича и месилкой глины, которую приводила в движение ходившая по кругу кляча. Вот и перелаз возле второго Холодного Яра. А за ним березовая роща в весенней дымке. Поднялись на Болдину гору. Гости заинтересовали курганы — остатки древних казацких могил. Михаил Иванович рассказывал, как в прошлом году здесь производились раскопки по случаю тысячелетия Чернигова. Гость живо интересовался историей Черниговщины. Ему хотелось иметь фотографию того места в Мезене, где во время похода на Украину шведский король Карл XII переходил Десну.

Знакомство с Енсенем продолжалось оживленной перепиской. В 1909 году он перевел сочинения Коцюбинского на шведский язык^[61].

Еще задолго до отъезда в Италию Михаил Михайлович прилежно изучал итальянский язык. Вообще отец знал из славянских языков русский и польский, а также четыре романских: французский, итальянский, румынский, цыганский, и два восточных: татарский и турецкий. Он с волнением ожидал ответа от Владимира Короленко (отец обратился к нему за рекомендательным письмом к Горькому). Когда письмо пришло, у отца все уже было готово.

Промелькнули встречи с украинской делегацией в Черновицах, прогулки в Венском парке на Пратере, серенады Болоньи, домик Данте во Флоренции. Вечером 1 июня небольшой пароход пришвартовался к острову Капри. Устроился отец в гостинице «Rojal» в комнате № 23, а на следующий день встретился с Горьким.

Горький принял Коцюбинского чрезвычайно сердечно, до позднего вечера не отпускал его от себя. Отец был буквально покорен этой нежностью, какой-то детской застенчивостью Горького и его трогательным волжским оканьем. Как нельзя лучше запечатлел эти особенности Горького экспромт Саши Черного:

*— Пожалуйте, — промолвит мягко, с соком,
— Пожалуйте, — покашляет слегка,
И руку этак симпатично боком
Протянет наподобие сучка*^[62].

Вместе с Горьким и скульптором Ильей Гинцбургом он едет на яхте в Tore del greso — город под самым Везувием — на народный праздник. «Ничего подобного я в жизни своей не видел», — пишет Коцюбинский. На

празднике запустили двести шаров в виде кораблей, чаш и медуз. В воздухе летали огненные пальмы и букеты цветов. Везувий метал огни. На челнах — целые пальмовые деревья, увешанные разноцветными фонарями, с лодок звенят серенады; оркестры на воде, челны в форме акул, яркая иллюминация и тысячи людей.

Певучие итальянские рыбаки, с которыми Коцюбинский ходил в море на паруснике, уличные танцовщики с кастаньетами, крестьяне в красных повязках на головах, простой рабочий люд поражали его своей жизнестойкостью, душевностью и большим чувством самоуважения.

Как-то раз Михаилу Михайловичу надо было починить ботинки, и он отправился в ту часть острова, где жили рабочие. Разыскивая сапожника, спросил у прохожего: «Здесь живет il cordoniere?» Из подвального оконца выглянула голова старою каприйца, и голос мягко, но решительно произнес: «Тут не живет il cordoniere, тут живет il signore cordoniere!»

«Стало неловко перед стариком, которого невольно обидел, — вспоминает отец, — но вместе с тем было и радостно за этого бедняка, который чувствует свое достоинство и отстаивает его»^[63].

Семейство Горького старается всячески развлечь Михаила Михайловича, спешит показать ему достопримечательности острова. Неоднократно все вместе осматривают голубой, зеленый и серебряный гроты, поднимаются на Монте-Соляро, откуда открывается вид на Калабрия и Неаполитанский залив. Любуются руинами виллы Тиберия. Ездят в Помпею, в Сорренто и Сицилию. Во время одной из таких поездок писателей случайно засняли на киноплёнку.

«Не помню, писал ли я тебе, что мы с Горьким попали в синематограф и нас будут показывать. Может, когда-нибудь и в Чернигове покажут. Забавная история!»

В 1910 году мы вместе с отцом действительно смотрели в черниговском синематографе «Мираж» кинохронику с Горьким и Коцюбинским, стоявшими в толпе. Алексей Максимович не любил быть в центре внимания. Отец рассказывал, что, возвращаясь как-то из Неаполя, он вышел на берег, держа в одной руке клетку с птицей, а в другой — старинные шпаги. В эту секунду кинооператор навел на него объектив камеры, и Горький быстро закрыл лицо клеткой. В таком виде он и был заснят.

Михаил Михайлович встречался у Горького со многими интересными людьми: Буниним, Амфитеатровым, Луначарским, Елпатьевским, Пятницким, Шаляпиным, с художниками Праховыми. Эти встречи обогащали его, пробуждали новые мысли и настроения. Они относятся не

только к 1909 году, но и к последующему времени, так как отец гостил у А. М. Горького неоднократно.

Часто теплыми вечерами Коцюбинский и Горький оставались подолгу вдвоем. Аромат чабреца окутывал остров. На душе, как вспоминает Горький, у обоих было спокойно, радостно. Необыкновенно легко мечталось о будущем...

Коцюбинский к людям относился с уважением, искренней любовью, всегда готов был утешить опечаленного, ободрить удрученного. Эта черта прежде всего и влекла к нему Горького: «В мире идей красоты и добра он «свой» человек, родной человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше».

«Нужно бы вести из года в год «Летопись проявлений человеческого», — вспоминает Горький слова отца, — ежегодно выпускать обзор всего, что сотворено за год человеком в области его заботы о счастье всех людей. Это было бы прекрасное пособие людям для знакомства их с самими собою, друг с другом. Нас ведь больше знакомят с дурным, чем с хорошим. А для демократии такие книги имели бы особенно огромное значение...» — так пишет он о Михаиле Михайловиче в проникновенном и очень точном очерке. — «Обо всем подумавший, он как-то особенно близок хорошему, и в нем кипит органическая брезгливость к дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нем живет чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра».

Горького — человека и писателя — отец любил искренне, нежно и, конечно же, всегда гордился добрыми с ним отношениями. Но из-за своей застенчивости он боялся показаться навязчивым и с присущим ему тактом не переступал какой-то черты в их личных отношениях. Гораздо проще он чувствовал себя с Марией Федоровной Андреевой. Советовался с ней по делам бытовым и личным, дивился уму и сердечности, естественно уживавшимся в ней с твердостью революционера. «Феноменом» назвал Марию Федоровну В. И. Ленин, и Коцюбинский считал, что это как нельзя больше соответствует истине.

Мария Федоровна оберегала Горького от домогательств любопытствующих туристов, создавала в доме необходимую творческую обстановку. Всех окружавших Горького, в том числе и Коцюбинского, умиляла эта поистине материнская забота. Вот какой экспромт сочинил тогда Саша Черный:

*Смягчился б даже Вурдалак,
Когда бы он, влезая в лодку,
Услышал голос кроткий-кроткий:
«Алеша, ты б надел пиджак».
Когда б имел такую мать
Или сестру, хотя бы тетку,
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук пять!*

Дружеские отношения с семьей Горького согревали Михаила Михайловича. Коцюбинский уже освоился у них и чувствовал себя вполне своим человеком. Здесь вообще с полуслова понимали друг друга.

Вернувшись в июле домой, отец пишет Горькому: «А я все вспоминаю Вас, всю семью Вашу и сердечно благодарю за доброе отношение ко мне. Вообще у меня столько хороших воспоминаний о Капри, что до сих пор живу ими. Меня так и тянет назад, на остров чудес, на виллу Spicola».

В ответном письме Горький пишет: «Очень я доволен, что встретил Вас, и большую симпатию вызвали Вы в душе моей!»

На книге, подаренной Коцюбинским М. Горькому, сделана такая надпись: «Добрым, хорошим людям и чудным художникам — Марии Федоровне и Алексею Максимовичу Пешковым. Благодарный М. Коцюбинский. Вена, 14/VII — 1909».

По возвращении из Италии Коцюбинский полон новых замыслов. Не во внутреннюю эмиграцию уходит он в трудные годы реакции. Он выносит на суд общественности самые наболевшие вопросы времени, творчество его выражает тенденции революционно-демократической и пролетарской литературы — Ивана Франко, Леси Украинки, Горького, Серафимовича.

В усилении в период реакции обывательских настроений В. И. Ленин видел одну из форм распространения контрреволюционных идей. Большевицкая партия постоянно указывала на вред, наносимый революции мещанством и обывательщиной, и придавала огромное значение борьбе с аполитизмом.

Написанный в 1909 году Коцюбинским рассказ «Дебют» был очень целенаправлен в этом смысле, развенчивая тех, кто сложные социальные вопросы склонен решать с помощью... пасьянса. Сатирически высмеяны бездушная и лицемерная «мама Костуся» — помещица, которая в «великие дни» даже посуду моет сама, а также известный в округе «демократ» и

«апостол» пан Адам, собственноручно совершающий жестокую расправу над крестьянином. Развенчан также и «дебютант» — его игра в чувство, мелкость его натуры. «Это первое выступление на жизненной сцене, — комментировал Коцюбинский замысел образа дебютанта, — первая игра и вместе с тем осознанность игры, какая-то сила, которая толкает человека по наклонной вниз и не дает выйти из игры, которая рассеивает наше «я»... как сорняки свои семена».

Рассказ «Дебют» не автобиографичен, но кое-что в нем взято и из нашего непосредственного окружения, отдельные детали черниговского быта.

...Это был целый праздник, когда печь в столовой топили соломой. Дети усаживались прямо на пол, а отец, сидя на низенькой скамеечке, подкладывал солому в бушующее пламя. Он держал в руках длинные пучки соломы, будто натягивал золотые вожжи и сдерживал ими огненных скакунов. Когда же вносили в комнату лампу, свет за окном принимал какую-то нереально синюю окраску. Все эти впечатления можно увидеть в рассказе «Дебют»: и гогочущий в печке огонь, и отчаянных скакунов, которые «рвутся куда-то вслепую и бьют в исступлении крыльями дыма», и сгущающийся сумрак вокруг, и фантастический прозрачно-синий глубокий и нереальный мир за окном, который возникает вдруг, когда в комнаты вносят лампы.

Описание стоячих озер, заросших рыжей корой ряски, «по которой прыгают длинноногие науки, пробираясь сквозь листья и заросли камыша», появилось в рассказе под впечатлением многочисленных поездок Коцюбинского в начале 900-х годов по озерам Свитязь, Шацке и Згоряны, омывающим земли Люблинской, Сувалковской, Гродненской и Волынской губерний.

...После Капри угнетающее действие затхлой провинциальной обстановки давало о себе знать с особенной силой.

Одна за другой проходят в моей памяти картины тогдашней жизни чиновничьего Чернигова.

Чуть согнутая фигура отца в альпийском костюме: куртка с поясом и большими карманами, короткие брюки, темно-серые шерстяные гетры с полосатыми отворотами, коричневые ботинки на толстой подошве, зеленоватая шляпа, темно-коричневый плащ, палка в виде гуцульского топорика. Он идет годами исхоженной дорогой, где ему знакомы каждая неровность, каждый бугорок, каждая ложбинка.

Вот он спустился с пригорка у калитки своего дома, идет мимо привычных домишек местных чиновников и домовладельцев. «Сплошное

прозябание», как сказал бы Успенский. «Но если покопаться в моей душе, — признавался Коцюбинский, — то даже бесцветная жизнь, наверно, отложила в пей много интересного, что когда-нибудь при случае, неожиданно всплывет».

На пригорке дом Руцких, возле которого неизменно маячит фигура какого-то субъекта. Это он ежедневно строчит в жандармерию «совершенно секретные» донесения, в которых излагает свои наблюдения: «Леонтий Шрамчеико (прозвище Худой) — в 10 часов вечера заходил в квартиру Михаила Коцюбинского по Северянской улице и, пробыв минут двадцать... вышел вместе с Коцюбинским и его женой. Дойдя до Земской Управы, попрощались и разошлись по домам, когда расходились, то Шрамченко сказал Коцюбинскому: «Я буду вас ждать...» Коцюбинский (прозвище Лысый) в 8 часов вечера заходил на квартиру заведующей книжным складом Губернского Земства Листопад (Шоссейная ул., дом Губернского Земства)...»^[64]

А вот дом попа Кононенко, «воевавшего» с японцами во время русско-японской войны, в результате чего он обогатился целым складом вееров, зонтиков и фарфоровых ваз. Дома инспектора народных училищ Яснопольского, чиновников Венделовского, Рябковского, мелкого служащего Доброгаева. Все они большей частью деревянные, потемневшие от дождя, со ставнями, завалинками и высокими заборами.

Из парадного крыльца дома Яснопольских появляется сам хозяин. Он прикладывает руку к козырьку форменной с кокардой фуражки и молча проплывает мимо отца. От Венделовских бочком выскакивает присяжный поверенный. Он в крылатке, гороховой шляпе, под мышкой держит порыжелый портфель.

Возле дома Венделовских на скамейке сидит генерал в отставке Дасюков. Голова до половины въехала в фуражку, и только уши не дают ей упасть. Он любит вспоминать о своей службе: о лейб-гвардии Кексгольмском полке, где все солдаты были на одно лицо, о Владимирском полке, куда подбирали солдат исключительно рыжеволосых. А были еще целые полки курносых, у которых «на смотрах» при равнении направо носы создавали ровную под шнурок линию... Да что говорить, умели в прежние времена подбирать полки! А шаг какой был! Четкий, размеренный, раз-два! Раз-два!..

Вот идет пара Рябковских — «ночные бабочки», как окрестил их отец. Дпем они почти никогда не показывались. Это неважно, что из-под пиджака у Рябковского выглядывает не первой свежести рубаха с целлулоидным воротничком, зато в губах у него дымится сигара. На правой

руке повисла супруга. Ее руки вылезают из тесных заношенных митенок.

Грязные улицы города. Ветер гонит солому, мусор. В черных мундирах с красными шнурками на шеях, со свистками и «смит-вессонами» в кобурах, городовые оберегают обывательский покой...

Затхлая будничность порождает невеселые мысли. «Душенька, который час? — Чья-то цепкая рука хватает за локоть. Отец вздрагивает от неожиданности. — Ах, это вы, душенька, Михаил Михайлович... Расскажите об Италии, о Капри...» Это известная, наверное, всем в Чернигове помещица Гортынская — наша дальняя родственница. Она прославилась на весь город скупостью. «Веселье было на славу! — вспоминает отец об одном из ее дней рождения. — Пил за здоровье тетушки великолепное, слегка прокисшее пиво, а от цыплят отказался, так как не был уверен, что они не погибли естественной смертью».

«Тетушка» умоляет отца: «Душенька, возьмите меня с собой на Капри». Отец смущенно кланяется и с неизменной вежливостью обещает выполнить ее просьбу.

Днем обычно начиналась традиционная прогулка местной знати — помещиков Писаревых, По ним можно было проверять время: их ландо ежедневно появлялось на городской площади возле лавки потребительского общества ровно в половине второго.

Иногда проезжают конные стражники. На извозчичьей пролетке восседает полицмейстер в серой, тонкого сукна шинели на белой шелковой подкладке. Мелкие чиновники — кто в засаленных сюртуках, кто в шинелях — идут пешком. Многие зевают — не выспались после ночной игры в карты и выпивки в чиновничьем клубе. Каждому до мельчайших подробностей известно, какое платье сшила себе болтушка Барсукова, какой роман у жены акцизного чиновника Страховского с воспитателем ее детей, сколько варенья заготовила Филипповская, за что надавала оплеух Клеопатра Николаевна Красковская своему молчаливому супругу...

Отец всем своим обликом — диссонанс в этом тихом болоте. Что ему надо? Почему живет не так, как все? Даже одевается не по местной моде. Ни для кого не секрет, что в доме Коцюбинских происходили и полицейские обыски.

Для чего ему все это? — недоумевают обыватели. — Разве нельзя жить как приличествует положению?

А он сочиняет еще книги... и на «малорасейском» языке. Это уж слишком и совсем не вяжется с «нормами» морали!..

...Михаил Михайлович проходит мимо городских лавок. Рассматривает в витрине нотного магазина Козуба прошлогоднюю афишу,

приглашающую господ чиновных с супругами на городской бал. Лотерея-аллегри, бой конфетти и серпантина, оркестр полковой музыки, призы за лучший маскарадный костюм. За красоту жюри награждало избранницу званием царицы бала; в зале были устроены киоски, где продавались бутоньерки живых цветов, разноцветные секретки. Приз назначался тому, кто получит больше секреток во время игры в почту. К услугам присутствующих новые развлечения: флирт богов, флирт цветов. В отдельных кабинетах шмен де фер, преферанс и винт; внизу бильярдная. Руководит танцами главный распорядитель Якушинский. После двух часов ночи танцы без масок. До утра работает буфет с закусками, вином и мороженым. Все на бал-маскарад!..

К балам с особой тщательностью готовился черниговский прекрасный пол. Втайне друг от друга шили из старых бабушкиных кринолинов маскарадные костюмы. Некоторые брали их напрокат в парикмахерской Шуликова. Сколько хитроумия проявлялось при этом! Сколько было бессонных ночей, как подсчитывалась каждая сэкономленная на базаре копейка, чтобы костюм был лучше, чем, скажем, у мадам Савинской, которая из года в год получала на маскарадах приз. Ее ненавидели все чиновницы Чернигова. Подумаешь, красавица! Всем известно, как она тянет жилы из своего мужа, у которого от одной мысли об оплате счетов оплешивела голова.

Не мог примириться Коцюбинский со страшной болезнью, которая с ошеломляющей силой распространялась после поражения революции. Опошление, загнивание души коснулось и части художественной интеллигенции. Перешли в лагерь реакции так называемые «попутчики» революции — буржуазные интеллигенты, а также часть интеллигентов, отказавшихся от революционных идеалов. Активизируется и деятельность писателей буржуазно-националистического, декадентского толка на Украине. Центрами их деятельности становится издательство «Молодая муза» и журнал «Украинская хата».

Годы реакции проложили четкий идейный водораздел. И то, что в произведениях Коцюбинского этого времени все более усиливается сатира, направленная на политическое и духовное предательство, на сделки с совестью, чувствами и убеждениями, более чем ясно говорит о позиции писателя.

«...Я очень и очень просил бы Вас, дорогой Алексей Максимович, — пишет он в одном из писем Горькому, — прислать мне «Лето» в конвертах или иным путем, какой найдете удобным. Так хочется отдохнуть после раздражающих с нездоровым запахом недоносков Андреева».

В новелле «В дороге», характеризуя перерождение своих героев Ивана и Марии — в прошлом активных революционеров, отец с присущей ему психологической глубиной показал моральную подоплеку «опошления и загнивания души» ренегатов. «Они читали что-то странное, нездоровое, вычурное, с запахом мускуса — «А Rebour» Гюисманса, «Сад пыток», в которых любовь гноилась, как рана, и «я» распускалось пышным ядовитым цветом; оргия духа и тела, сверхъестественные инстинкты и протест всего против всего...»

Коцюбинский не избегает самых резких слов и определений. Более того, он намеренно заостряет характеристики ренегатов: «Они, наклонившись, пололи грядку... среди капусты были видны только их круглые зады, большой черный и поменьше синий, которые неподвижно жались рядышком, как эмблема покоя. И было в этой картине что-то такое отвратительное, такое противное, что Кирилл содрогнулся».

«В последней сцене я сознательно употребил то грубое слово (одинаково грубое как по-украински, так и по-русски), — пишет Коцюбинский своему переводчику М. Могилянскому, «по-дружески» советовавшему ему заменить слово «зады» на «спины». — Мне хотелось этим грубым словом подчеркнуть всю мерзость психической реакции обывателя после минутного подъема. Я так кратко описываю последнюю сцену, что только резкое, грубое слово вызовет необходимый мне эффект. Поэтому я бы считал, что, несмотря на неэстетичность выражения, лучше оставить его в состоянии первородной грубости».

Не упускал Михаил Михайлович ни малейшей возможности высказать свои взгляды и с открытой трибуны. Проездом из-за границы в 1909 году он выступал перед литературными и артистическими силами Киева в клубе «Семья». В президиуме этого вечера были М. Садовский, Н. Лысенко, В. Самийленко и другие видные деятели украинской культуры.

Некоторые украинские писатели чрезмерно увлечены просветительством, сказал Коцюбинский, замкнулись в эту скорлупу и не желают видеть широкий мир. Он горячо выступил против квасного патриотизма и национализма^[65].

Любопытны изменения, которые происходят в отношениях отца с некоторыми украинскими писателями. Хорошо помню поэта Николая Кондратьевича Вороного — и как члена «Просвиты», и как участника литературных «понеделников», и как артиста драмкружка, — он часто у нас бывал. Крепкая дородная фигура, холеное лицо, белокурые прямые волосы, зачесанные назад. Галстук в виде большого небрежного банта, мягкая фетровая шляпа. На официальных собраниях и празднествах

Вороний выглядел всегда элегантно, держался независимо и даже с некоторым превосходством.

Приглашая отца участвовать в альманахе «Из-за туч и долин» (1903), Вороний говорил, что здесь «...желательно было бы избегать произведений грубо реалистического направления, а вместо этого хорошо бы дать изображение «с легким философским уклоном (пантеистическим, метафизическим)». Как правильно отмечают исследователи, этот альманах все же не стал сборником одного лишь «чистого искусства». Наряду с произведениями в стиле бытового этнографизма в нем была помещена новелла Коцюбинского «На камне», а также стихотворения поэтов разных школ — Леси Украинки, Грабовского, Самийленко, Вороного, Карманского. Большинство произведений сборника отражало стремление бороться за интересы народа. Но наметившиеся расхождения Коцюбинского и Вороного углублялись, осложняясь к тому же и растущей личной антипатией.

У нас в семье Вороного называли «поэтом в белых перчатках», а мама говорила, что он принадлежит к категории «революционеров», которые, делая революцию, «прибегают к помощи пульверизатора с одеколоном, чтобы омыть руки».

Припоминаю последнее посещение Вороного. Родители очень холодно приняли его. Сидя в кресле, он перелистывал наш семейный альбом и незаметно для всех заменил фотографию моих родителей на свое изображение, на обороте которого написал:

*Хоч крадіжка і гріх,
Але її не сховаєш у міх...*

В 1912 году в книге «Лирика», присланной им отцу, Вороний делает надпись: «Глубокоуважаемому Михаилу Коцюбинскому в память бывших добрых взаимоотношений». Но попытка наладить эти добрые отношения не увенчалась успехом.

В 1910 году Коцюбинский был избран старшиной присяжных заседателей Черниговского окружного суда.

«Положение его было не из легких, — вспоминает преподаватель Черниговского пединститута И. П. Львов, который вместе с Коцюбинским заседал в качестве присяжного заседателя, — с одной стороны, Михаил Михайлович находился под постоянным надзором жандармерии... а с

другой — активно включался в рассмотрение политических дел, связанных с первой русской революцией 1905 года. Он весьма тактично и умело руководил совещанием присяжных заседателей, анализируя суть дел, связанных с революционными событиями на селе... Наш старшина никогда не навязывал никому из заседателей своего мнения, но зато настолько тонко и умело строил предпосылки для вынесения совещанием соответствующего решения, что этим самым создавал определенное мнение у присяжных заседателей в пользу обвиняемых, на основании которого суд зачастую либо оправдывал подсудимых, либо выносил приговор со стереотипным добавлением: «но заслуживает снисхождения».

Чувствовал отец себя неважно, и Киевское общество помощи украинской литературе и искусству выделило ему 500 рублей на лечение. В мае 1910 года Михаил Михайлович вновь уезжает на Капри. По дороге он останавливается в Киеве для консультации у профессоров Петровского и Фаворского и одновременно участвует как член жюри в заседании, посвященном сооружению памятника Тарасу Шевченко в Киеве.

Ему стало хуже, и отъезд в Италию на несколько дней задержался. Неутешительными были заключения врачей. Они установили порок сердца и стенокардию. После наступившего облегчения Коцюбинский продолжил поездку. Он пробыл сутки в Одессе, а 19 мая выехал пароходом «Levanzo» в Италию.

«Вчера приехал в Константинополь. Иногда мелькают цилиндр, модная дамская шляпка, и рядом — белый халат араба, черное лицо негра и фески, фески... Стоят дворцы и такие харчевни, как в Бахчисарае. Улица мало интересная. Лучше в Стамбуле. Тут уже настоящий Восток; европейцев не видно, слепые дома с гаремами, кофейни, ослики, дервиши, фрукты, зелень и чад от жареного мяса. Осмотрел Ая-София, прекрасный величественный храм, полный золотых мозаик, мрамора, бронзы... Оттуда пошли на крытый турецкий базар, где в бесконечных коридорах собрано все, чем торгует Восток. Здесь много прекрасных вещей, ковеного серебра, шелков, халатов, сабель, ружей».

Поразил отца Акрополь, а также Таормин. «Это самый дорогой и чудесный уголок Сицилии. Здесь осмотрел руины древнего греческого театра, напоминающего римский Колизей... Потом осмотрел гостиницу S. Domenico, которая была когда-то монастырем и славится старинными залами, роскошными садами, мозаикой, резьбой и картинами».

Угнетающе подействовала на Коцюбинского Мессина. «Все в руинах, улицы превратились в горы всякого мусора и камней. Все словно спрессовано, невообразимо смешано. Под развалинами еще до сих пор

погребено 40 тысяч людей. Идут раскопки... При мне откопали труп женщины... По улицам опасно ходить, так как развалины вот-вот рухнут. Я пережил неприятный момент. Шел по улице, и вдруг земля задрожала, дома зашатались и, казалось, вот-вот обрушатся...»

Все эти впечатления, описанные в письмах маме, воплотились впоследствии в новеллах Коцюбинского «На острове», «Сон», «Хвала жизни».

2 июня Коцюбинский приезжает на Капри, и на следующий же день спешит к Горькому. Был он, как и прежде, встречен радостно, окружен теплотой и заботой. Обосновался в гостинице «Rojal», но большую часть времени проводил на вилле «Spinola». Солнцепоклонник, как шутя величали отца друзья, буквально купался в солнечных лучах благодатного острова. «...В особенности солнце, богатое, щедрое и ласковое, не жгучее, как у нас, очень хорошо действует на мое здоровье, — писал он М. И. Жуку. — Весь организм как-то насыщается ароматами моря, цветов, и, переполняясь красотой, забываешь, что ты человек... и сам кажешься себе ароматным растением».

Отец всегда умел мыслить по-своему и по-своему ощущать окружающий мир. «Слушаешь его и видишь человека, который именно обо всем подумал и то, что знает, знает хорошо, — так выразил эту его черту Горький. — Человечность, красота, народ, Украина — это любимые темы бесед Коцюбинского, они всегда были с ним, как его сердце, мозг и славные ласковые глаза».

«Демократия всегда романтична, и это хорошо, знаете! — говорил он. — Ведь романтизм наиболее человеческое настроение; мне думается, что его культурный смысл недостаточно понят. Он преувеличивает, ну да! Но ведь он преувеличивает добрые начала, свидетельствуя этим, как велика жажда добра в людях».

В этот приезд Михаил Михайлович прожил на Капри со 2 июня по 22 июля (старого стиля) и, как свидетельствуют многочисленные источники, на протяжении тринадцати дней (с 18 июня по 1 июля старого стиля) встречался с В. И. Лениным, гостившим у Горького.

Владимир Ильич Ленин приехал на Капри неожиданно и внес в дом Горького радостное волнение.

Накануне никто из обитателей виллы «Spinola» не ожидал его, поэтому с вечера семья Горького готовилась к большой рыбной ловле, так называемой «пескаре», которую Алексей Максимович организовал в честь Коцюбинского.

Усталые, переполненные впечатлениями, вернулись после

двенадцатичасовой прогулки по морю. Собирались сесть за стол. Как раз в это время «к обеду приезжает Ленин», — вспоминает Константин Петрович Пятницкий, один из основателей издательства «Знание», присутствовавший тогда у Горького.

Не так давно обнаружены в архиве воспоминания близкого знакомого Михаила Михайловича, социал-демократа Иосифа Гавриловича Дроздова о встречах Коцюбинского с Лениным на Капри.

Высланный в конце 90-х годов прошлого века из Одессы в Чернигов под надзор полиции Дроздов был секретарем черниговской социал-демократической организации и впоследствии делегатом IV Объединенного съезда партии.

В большевистской «Искре» он выступал с корреспонденциями под псевдонимами Канарейкин и Буревестник и на ее страницах в № 27 за 1 ноября 1902 года поместил очерк о мытарствах Коцюбинского в связи с неутверждением его губернатором на должность заведующего книжным складом. Коцюбинского и Дроздова связывали общие интересы. Работая статистиком в земстве, Михаил Михайлович снабжал Иосифа Гавриловича материалами земских корреспондентов о политическом и экономическом положении села. Брошюра Дроздова «Заработная плата земледельческих рабочих в связи с аграрным движением 1905–1906 годов», написанная им на основе этих материалов, заинтересовала В. И. Ленина, отметившего правильную марксистскую постановку вопроса о росте благосостояния земледельцев за счет снижения зарплаты земледельческих рабочих. В рецензии на эту брошюру Ленин писал: «Нельзя не приветствовать почин г-на Дроздова, поставившего в своей брошюре чрезвычайно интересный и важный вопрос»^[66]. Материалами Дроздова Ленин пользовался для своих статей.

В своих воспоминаниях о каприйских днях Дроздов рассказывает, как однажды Коцюбинский катался на лодке вместе с В. И. Лениным и А. М. Горьким. «У Владимира Ильича завязалась беседа с лодочником на довольно трудную тему — о Марксовой теории стоимости: как труд образует потребительскую стоимость, как эта стоимость в виде прибавочной меновой стоимости прикарманивается капиталом и т. д. и т. п. Рассказывая мне об этом, Коцюбинский передал и свое впечатление от беседы: он прямо восторгался тем поразительным и замечательным умением, с которым Владимир Ильич излагал перед лодочником Марксову теорию стоимости... «Да, — говорил Коцюбинский, — Владимир Ильич Ленин поистине непревзойденный диалектик»^[67].

Об этих беседах Ленина с итальянскими рыбаками Горький писал:

«...Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина и немало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех — задушевный смех человека, который... умел наслаждаться детской наивностью простых сердцем.

Старый рыбак, Джиованни Спадаро, сказал о нем:

— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке, на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилица. Рыбаки объясняли ему, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь леси:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захохотали и прозвали рыбака:

«Синьор Дринь-дринь».

Он уехал, а они все спрашивали:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?»

Беседы у Горького частенько затягивались за полночь. Говорили о судьбах литературы и судьбах революции. В. И. Ленин советовал выпускать сочинения писателей небольшими сборниками. Вот как вспоминает об этом Горький: «...Для толстой книги — не время, говорил Ленин, толстой книгой питается интеллигенция, а она, как видите, отступает от социализма к либерализму, и нам ее не столкнуть с пути, ею избранного. Нам нужна газета, брошюра, хорошо бы восстановить библиотечку «Знания»...»

Михаил Михайлович внимательно прислушивается ко всему сказанному. Он мечтает, что и его рассказы в переводе на русский язык войдут в эти сборники. Но скромность не позволяет ему заговорить об этом. «Между прочим я писал, что мне неудобно лично обращаться по делу издания моих рассказов и советовал Вам обратиться к Вашему знакомому, Конст. Петр. Пятницкому, который здесь живет (Villa Spinola, Capri), — пишет он своему переводчику М. Могилянскому. — Очевидно, будет общий разговор, и тогда я смогу говорить».

По всей вероятности, М. Коцюбинский имеет в виду «общий разговор» с участием А. М. Горького, К. П. Пятницкого и В. И. Ленина. И такой разговор, видимо, произошел. Вот письмо Владимира Ильича к М.

Горькому от 14 ноября 1910 года: «...Пишите, как живете-можете. Хорошо ли работается? Выходит ли что с журналом, о котором говорили летом? Как со «Знанием»?»^[68]

В конце 1910 года, возможно, что не без участия В. И. Ленина и при непосредственной помощи А. М. Горького Коцюбинский начал печататься в «Знании».

Он радостно делился с женой: «...Похвастаюсь перед тобой: «Знание» купило у меня право на издание всех моих сочинений в русском переводе. Рукопись первого тома (320 стр.) должна быть в редакции до 1-го декабря, чтобы еще в этом году начать печатание».

Одобрительно отнеслась к творчеству Коцюбинского большевистская пресса. Редактируемая Лениным газета «Звезда» в № 1 за 1911 год писала: «В книгоиздательстве «Знание» только что вышел первый том рассказов М. Коцюбинского, обращающий на себя внимание своей свежестью и несомненным талантом автора. Особенно интересен рассказ «Под минаретами».

«Книжку Вашу прочитал с большим наслаждением, с душевной радостью», — сообщал отцу Горький в декабре 1910 года. Но, несмотря на положительные отзывы, отец продолжал волноваться, примет ли русский читатель его томики. Горький успокаивал его: «Михаил Михайлович, дорогой мой! Вы — не правы! Первый том вызвал ряд рецензий, на мой взгляд, довольно интересных. Даже «Речь», вообще относясь к «Знанию» немилостиво, почтила Вашу книгу и добрым и не глупым отзывом. Был отзыв в «Совр(еменном) мире» и в «Современнике» Амфитеатрова, а также и в ряде провинциальных газет».

...Почти каждый день отдыхал отец в обществе Горького и его гостей: «...после обеда обычно заходит ко мне Горький с целым семейством и тянет рыбу удить, а потом к себе». «Есть тут близкие мне люди, которые ищут моего общества... — добрые и человеческие, душа с ними отдыхает. Я очень сблизился с Горьким, видимся чуть ли не каждый день, если я долго не появляюсь, он заходит ко мне, гуляем, сидим вместе и ведем нескончаемые разговоры на литературные темы... Кроме того, здесь бывает и другое общество, писатели, художники, публика интернациональная, и я со многими познакомился...»^[69]

В. И. Ленин был у Горького дважды: в 1908 и 1910 годах. «...У меня осталось очень странное впечатление: как будто Владимир Ильич был на Капри два раза и в двух резко различных настроениях», — вспоминает Горький. В первый приезд он выглядел «...еще более твердым,

непреклонным, чем... на Лондонском съезде...». А в 1910 году «был на Капри другой Ленин — прекрасный товарищ, веселый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире, с поразительно мягким отношением к людям».

Еще до личной встречи Ленин мог слышать о Коцюбинском от общей знакомой — художницы Марии Сергеевны Боткиной — дочери известного профессора медицины, близкой знакомой Н. К. Крупской.

Отец познакомился с Марией Сергеевной на Капри в 1909 году. В письме Горькому от 6 августа 1909 года отец писал: «Если Мария Сергеевна еще гостит на Капри, пожелайте ей от меня успеха в работе и всего наилучшего», а в письме Федору Вовку замечал: «Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам поклон от Марии Сергеевны Боткиной, гостившей у Горького на Капри. Мы с ней и г. Гинцбургом все вспоминали Вас».

Автор повести «Fata morgana» вызвал интерес у Владимира Ильича. Пй воспоминаниям члена КПСС с 1918 года Ф. П. Дидука, который вместе с делегацией украинских крестьян-бедняков был у Владимира Ильича в начале 1921 года, Ленин интересовался, «имеются ли в селах украинские издания Шевченко, Франко, Коцюбинского...». А В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает, что о Коцюбинском ему «нередко приходилось слышать как о писателе, близком к нашему большевистскому направлению, и что — Владимир Ильич особенно хорошо к нему относился... возлагал на него большие надежды».

Два сборника рассказов Коцюбинского «Под минаретами» и «Что записано в книгу жизни» в русском переводе, изданные в 1922 году в Берлине, стоят на полке в кремлевском кабинете Ленина.

Идеи Ленина оказывали благотворное влияние на общественную и творческую деятельность Коцюбинского. Проявилось это влияние в оценке писателем политических событий, в его позиции, в умении точно ориентироваться в самом сложном хитросплетении политических тенденций и линий.

«Черносотенцы, — писал Ленин, — это — партии, поддерживающие правительство. Они стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение всей помещичьей земли. Это — партия монархистов, союз русского народа, партия правового порядка, торгово-промышленная партия, союз 17 октября, партия мирного обновления. Все это — прямые враги народа, прямые защитники правительства погромщиков, правительства, разогнавшего Думу, правительства военно-полевых судов»^[70].

А вот что читаем в письме М. Коцюбинского от 5 мая 1907 года студенту Глуховского института Константину Зленко (ныне учитель-пенсионер) по поводу привлечения новых членов в возглавляемую Коцюбинским «Просвиту»: «Понятно, на черносотенные элементы рассчитывать нечего, нам таких не нужно, так как они изгадили бы нам «Просвиту». У нас надежда только на демократические и прогрессивные сферы — оттуда мы хотели бы иметь членов».

Еще задолго до личного знакомства с В. И. Лениным Коцюбинский знал его произведения по аграрному вопросу. В поисках способов распространения ленинских идей он, работая в земстве, ввел в 1906 году в каталог «книг, намеченных для бесплатной рассылки г.г. корреспондентам оценочно-статистического бюро черниговского земства» такие произведения Ильича, как «Нужды деревни», «К деревенской бедноте», «К пересмотру аграрной программы», «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Как уже говорилось, Михаил Михайлович широко пользовался ленинскими работами, собирая также материалы к повести «Fata morgana».

Встреча с В. И. Лениным взволновала Коцюбинского. Ему хотелось поделиться своими впечатлениями с родными, но конспирация не позволяла назвать в письмах имя Ильича. Отец сообщает, как живет, как чувствует себя, что видит и как относятся к нему семья и окружающие Горького, и только по отдельным намекам можно догадаться о том, что особенно волнует его.

...Однажды Коцюбинский поздно засиделся у Горького за головоломной игрой с математическими выкладками и различными комбинациями, развивающими память. В игре, по словам Коцюбинского, принимали участие уважаемые люди, «жрецы литературы и жрецы философской мысли», как пишет он в письме к А. И. Аплаксии, видимо, имея в виду Владимира Ильича. То же повторяет он и в письме к жене.

О пристрастии Ленина к сложным играм, развивающим память, Горький вспоминает: «...он (Ленин. — И. К.) азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал как-то по-детски. Замечательно: даже и это детское уныние, так же как его удивительный смех, — не нарушали целостной слитности его характера».

А вот воспоминание о встрече Коцюбинского с Лениным свидетеля этой встречи В. А. Фесенко — ныне преподавателя филологического факультета Ленинградского государственного университета. «Летом 1910 года мне вторично посчастливилось быть с учительской экскурсией на острове Капри... Если память мне не изменяет, это было в двадцатых числах июня (по старому стилю). Горький принял нас гостеприимно,

организовал теплую встречу учителям из России и Украины. Тут я второй раз видел Михаила Михайловича и Алексея Максимовича, а также был счастлив встретиться с Владимиром Ильичем Лениным»^[71].

Весьма возможно, что именно этот день — 26 июня 1910 года описывает и Коцюбинский в письме к А. И. Аплаксиной: «...часа в три моя комната наполняется людьми — это заходят ко мне Горький с семейством, и мы вместе отправляемся на море. После рыбной ловли... он принимал 54 учителей-экскурсантов. Были, между прочим, и украинцы, устроившие мне маленькую овацию».

Только в личных беседах с близкими людьми говорил отец о своей удивительной встрече.

В последние дни перед отъездом Владимира Ильича с Капри Коцюбинский ежедневно встречается с ним во время обедов у Горького. «Три последние дня я, например, не обедал дома. Хозяин гостиницы даже в претензии на меня за это», — пишет он А. Аплаксиной в письме от 1 июля 1910 года.

Из дневника Константина Петровича Пятницкого, хранящегося в архиве Горького, узнаем, что 1 июля (ст. ст.) 1910 года В. И. Ленин и М. Горький уехали с Капри:

«В пять встают. Провожая Г(орького) и Лен(ина) к пароходу».

В то же время, 2 июля 1910 года, М. Коцюбинский сообщает в письме жене: «Горький уехал на 10 дней к своим детям куда-то по направлению к Генуе»^[72].

Отец прожил на острове до 22 июля 1910 года. В это время сюда приехали писатель С. И. Гусев-Оренбургский и издатели «Современного мира» — Иорданские.

Мария Карловна Куприна-Иорданская — первая жена Куприна — вспоминает:

«За обедом моим соседом был Михаил Михайлович Коцюбинский. Я знала его произведения, и мне было очень приятно познакомиться с ним. Это был на редкость обаятельный человек — мягкий и деликатный. Тем не менее суждения его были не только очень определены, но иногда и беспощадны.

Заговорили о молодом украинском писателе Винниченко. Коцюбинскому рассказы Винниченко очень не нравились. Он находил, что в них проскальзывало пренебрежительное отношение к женщине, которое с таким откровенным цинизмом проявилось в его романе «Честность с

собой». Я не знала этого романа, он еще не появился в печати, но Коцюбинский знал о нем...

...Скоро мы должны были уезжать с Капри. Собирались домой и Сергей Иванович Гусев-Оренбургский и Михаил Михайлович... Но Алексей Максимович сказал твердо, что никого из нас не отпустит, пока мы не побываем на ловле акул...

Особенно радовало Алексея Максимовича то восхищение, с каким Михаил Михайлович Коцюбинский смотрел на море в это замечательное яркое утро и с каким интересом он разглядывал странных рыб и водоросли, поднятые сетями со дна моря.

И было хорошо и трогательно смотреть на этих двух стоявших рядом больших людей, которые с такой любовью относятся друг к другу...

...В декабре 1910 года я получила от Михаила Михайловича Коцюбинского письмо из Чернигова: «Невеселые вести приходят ко мне с Капри. Алексей Максимович так тяжело пережил смерть Толстого, что у него возобновилось кровохарканье, и хотя он бодрится, все же из писем и фотографической карточки, которую он прислал, я замечаю большую перемену в нем к худшему...»

В этот приезд Коцюбинского семья Горького особенно заботилась о больном. Мария Федоровна считала, что Михаилу Михайловичу было бы куда удобнее жить здесь вместе с женой и детьми, и подыскивала для нас частный пансион.

Отцу была по душе эта перспектива: вилла из четырех комнат за 65 лир у хорошей хозяйки. Но, как всегда, это были неосуществимые мечты. Долги росли из года в год, и о поездке за границу всей семьей нечего было и думать.

Внутренне обновленным возвратился Коцюбинский в этот раз с Капри. Как сейчас вижу его сухощавую, чуть согнутую фигуру. Стоя в гостиной, он распаковывает чемодан, наделяя нас подарками.

Отец был в приподнятом настроении и, громко смеясь, рассказывал о случае в таможне.

Жандармерия получила шифрованную телеграмму^[73], в которой предписывалось как можно тщательнее проверять вещи писателя во время его переезда через границу.

Чиновники таможни, пограничные жандармские офицеры насторожились; они с особым рвением шарили в его чемодане, рылись в вещах. Им бы хотелось обыскать и самого писателя, но на это не было распоряжения. «А оружие у вас есть?» — ограничились они вопросом. «Да, есть!» — последовал ответ.

От неожиданности чиновники замерли на мгновение, а потом засуетились: «Где?» Выждав паузу, Коцюбинский показал на ручку, выглядывающую из верхнего кармана пиджака.

В память об этом случае Михаил Михайлович торжественно поднял перед нами свою черную тоненькую автоматическую ручку. Тогда же он осторожно вынул из чемодана небольшую книгу — заграничное издание повести М. Горького «Мать». Ее он спрятал при переезде через границу под жилетом.

Из Италии отец привез очень любопытные подарки, в их числе и переданные Алексеем Максимовичем, Марией Федоровной, художником Праховым.

Среди них были кастаньеты, венецианские ожерелья, каприйские кораллы, чернильницы в виде гондол, брошки из мозаики. Однажды папа подарил нам новогоднюю куклу в национальном итальянском костюме, с ногами в виде прутиков, на которых были нанизаны сладкие ягоды. Собрал он для нас огромные шишки пиний с орехами, морских звезд и коньков, смальту от мозаик.

На открытках были изображены итальянки на осликах с корзинами фруктов на головах, итальянцы, пляшущие тарантеллу. Были и открытки с видами Везувия и голубого грота, Генуи, Рима, были репродукции картин Рубенса, Рембрандта, Тициана.

Уже второй раз вернулся отец с Капри, а долгожданную фотографию Горького снова не захватил. «Дети были в восторге от Ваших подарков, — пишет Михаил Михайлович Горькому. — А Оксана опечалена: не привез Вашей фотографии. Этот пузырь уже любит Вас».

И наконец, пришел долгожданный пакет с острова. «Вот, Оксана, — гласила шутовская надпись на фотографии, — какой я был узенький три года тому назад, а теперь растолстел, уширился и больше не стану сниматься, стыдно!

Будь здорова, будь счастлива. М. Горький».

Оксана горячо благодарит Алексея Максимовича за подарок и в простоте душевной пишет ему: «Вы мне очень понравились на фотографии. Я хотела бы увидеть Вас живым. Может, мы приедем на Капри, если будут у папы деньги. Юрко, Ира, Рома и я очень благодарны Вам и Марии Федоровне за красивые подарки».

Сестра посылала Горькому открытки со своими акварелями, первые фиалки из нашего сада, ласковые письма.

Алексей Максимович любил девочку, дарил ей альбомы Альбрехта Дюрера, сберегал ее наивные письма, рассказывал о них сыну Максиму. В

одном из писем ему он пишет:

«Посылаю также письмо-открытку на малорусском языке; это писала девятилетняя девочка из Чернигова, дочь писателя украинского Оксана, рисунок ее же. Огромное удовольствие чувствую я, переписываясь с ребятами. Это, брат, самый лучший народище на земле...»

В 1916 году Горький подарил Оксане чудесное аметистовое ожерелье. «Вы мне сделали такой дорогой подарок, — отвечает ему сестра, — но я точно так же была бы счастлива, если б получила от Вас коробочку спичек или кусочек бумаги, так как я знала бы, что это Ваша коробочка, Ваша бумага! Мне очень дорого, очень радостно Ваше внимание. И я благодарна Вам от всего сердца!»

Сестра переписывалась с Горьким на протяжении восьми лет. В 1917 году Оксана жила в Москве у дяди — Василия Иустиновича Дейши и училась в Народном университете имени Шанявского. Узнав о том, что Горький в Петрограде, Оксана решила во что бы то ни стало побывать у него. С волнением позвонила у парадной двери. Не раздумывая долго, как была, в шубе и шапочке, влетела в комнату и горячо обняла Горького. На радостные возгласы поспешила Мария Федоровна.

Целый день провела у них Оксана.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧТО ЗАПИСАНО В КНИГУ ЖИЗНИ

Владимир Гнатюк уговорил Коцюбинского по дороге из Италии завернуть в живописное гуцульское село Криворивню, расположенное в узкой долине на берегу Черемоша.

Весть о приезде Коцюбинского облетела все близлежащие селения. «...Здесь была вся украинская общественность, превратившая встречу со мной в настоящее торжество, — пишет Коцюбинский о приеме, устроенном ему в Ворохте — небольшом городке, находившемся по пути его следования. — Произносили речи, я должен был отвечать, пели мне «Многая лета» и целой процессией с песнями проводили меня ночевать в гостиницу. Короче говоря, сделали мне приятную неприятность, так как я не люблю публичных торжеств».

В Криворивне, «украинских Афинах», как шутя Криворивню прозывали, отец опять встретился с Иваном Франко. Сюда же приезжают на отдых Леся Украинка, Гнат Хоткевич, Владимир Гнатюк.

В Криворивне Михаил Михайлович отдыхал трижды на протяжении 1910–1912 годов. Он был очарован Гуцульщиной. Бродил по полянкам, зеленым и веселым. Дразнил эхо, а оно, раскатываясь по горам, отзывалось многоголосым откликом. Любовался танцами, слушал коломыйки, печальное «трембитание» трембиты. Вместе с Иваном Франко и Владимиром Гнатюком осматривал чудесные окраины Криворивни под Синицами, утопая в зарослях горной травы — пушницы, собирая букеты цветов, ветки кустов колюки.

Обсуждали состояние современной литературы, издание сборников, участие в журнале «Жизнь и слово», политические события тех лет. Коцюбинского и Франко роднила общность мыслей и стремлений, схожесть литературных вкусов, были общими у них и мечты о воссоединении украинского народа.

Коцюбинский считал, что сближение надо начинать с подрастающего поколения. «Есть тут у нас один проект, — обращается он к галичанам, — если мы — украинцы, русские и галицийские — хотим сблизиться, лучше узнать друг друга, страну и жизнь, нужно начинать с детей... В Чернигове есть несколько семей, которые охотно поменялись бы детьми на каникулах. Наши дети увидели бы Галицию, ваши — Украину русскую. Можно было

бы расширить этот план, и я уверен, что у нас многие ухватились бы за это с радостью... Очень и очень просил бы обратить особое внимание на этот проект — он для нас имеет большое значение. Можно соединить таким образом приятное с полезным, и кто знает, какие бы результаты принесло это для нашего будущего».

Обдумывая конкретные меры для обмена детей, Михаил Михайлович вскоре договорился с Педагогическим обществом во Львове, что сопровождать их до границы будет украинская детская писательница Костянтина Малицкая (псевдоним — Вера Лебедева), учительница школы этого общества.

В 1911 году и позже — во время зимних каникул — группа детей из Галиции жила в Чернигове. Отдыхая в это время за границей, отец все интересовался, как чувствуют себя дети вдали от родных. «Хотелось бы быть с Вами, — пишет он И. Л. Шрагу, организатору этого дела в Чернигове, — поработать с детворой (как она Вам нравится, получается ли что-либо и в какой степени?)...»^[74]

Связи Коцюбинского с прогрессивными деятелями Западной Украины, Чехии и особенно с русскими издательствами способствовали печатанию его произведений в России и за границей.

В 1909 году увидел свет томик его рассказов «Из глубины» в переводе Винцента Харвата на чешский язык, с предисловием Г. Бочковского. В 1910 году отец ведет интенсивную переписку с петербургским издательством «Знание» о подготовке к печати его рассказов на русском языке.

Не прерываются его связи с Горьким.

«..Многоуважаемая и дорогая Мария Федоровна, — пишет он Андреевой. — Недомогание Алексея Максимовича сильно меня беспокоило и огорчило... Он мало спит, мало гуляет... А природа мстит, с ней всегда надо быть начеку, как это ни скучно...»

Болезненно пережили оба писателя смерть Льва Толстого. «...Был взорван «бегством» Льва Николаевича (из Ясной Поляны. — И. К.), — пишет Горький Коцюбинскому, — поняв прыжок этот, как исполнение заветного его желания превратить «Жизнь графа Льва Толстого» в «Житие иже во святых отца нашего боярина Льва», написал Владимиру Галактионовичу по этому поводу злейшее письмо, но не успел послать. Вдруг: бом! — телеграмма: Лев Толстой умер! Заревел я отчаяннейше и целый день плакал — первый раз в жизни, так мучительно, неутешно и много».

«Больно мне было читать, что Вы так тяжело пережили смерть

Толстого, — отвечает ему Коцюбинский. — Мне тоже тяжело было, но (не знаю, стыдиться ли?) и хорошо было, что на свете бывает большое. Смерть как будто вернее определяет размеры, чем жизнь».

Горький способствует изданию произведений Михаила Михайловича в журнале «Современник», рекомендуя также их М. К. Иорданской для «Современного мира». В издательстве «Литературно-научного вестника» в это время готовился к выходу четвертый том рассказов отца.

В последнее время Михаил Михайлович выглядел особенно сосредоточенным и задумчивым. Мы, дети, не понимали его состояния, его молчаливости. Но, видимо, слишком уже резко контрастировала черниговская обыденщина с той творческой атмосферой, в которой жили на Капри. Все казалось здесь мелким, однотонным, тусклым.

Жаждой духовной красоты томим и герой новеллы «Сон», которую отец пишет в это время. Он тоже полон высоких замыслов, он хочет сильно чувствовать, постоянно ощущать воздействие красоты. Он не может допустить, чтобы остановилась жизнь и начался так называемый покой — прозябание без поэзии и без деятельного созидания.

«Ежедневно было одно и то же. Словно ненужные, привычно отмеряли знакомый путь ноги, и глаза, тоже лишние, равнодушно скользили по всему до мути приевшемуся. Проплывали мимо и тут же исчезали местечковые дома и их жители, словно изношенная мебель, около которой можно годами находиться, не замечая даже. Бульвар в центре города с рядом голых тополей, белевших на фоне осеннего неба, словно рыбий хребет, аллея, по которой ходил каждый день, знакома каждой выбоиной и каждым камнем, о который не раз споткнулся. И все та же фигура навстречу — чиновник из казначейства. Колыхнулось черное пальто, наглухо застегнутое снизу доверху, шевельнулись крашенные баки, и лениво поднялась над бесцветным лицом шляпа».

Олицетворением подлинной красоты явился в новелле образ мужественной, прекрасной, с нимбом золотых волос женщины, участницы революционных боев. Так входит в творчество украинского писателя горьковская, героическая романтика.

Летом отец хотел вновь поехать на Капри, но болезнь младшего сына изменила планы. Решено было отправиться на этот раз всей семьей к морю, в Крым.

Крым в нашем воображении был связан с рассказами родителей и сувенирами, привезенными ими оттуда еще в 1894–1904 годах. Фотография отца и матери в группе экскурсантов на фоне Воронцовского дворца в Алушке в 1904 году; альбом со снимками татар, черные кофейные чашечки

с тонким орнаментом; белые тахэ — тубетейки, с черными кистями фески.

В Киев добираемся пароходом, а потом через Харьков в Севастополь — поездом. Успеваем осмотреть Аскольдову могилу, Исторический музей, панораму на Владимирской горке.

Денег у нас в обрез, так что о каком-либо комфорте нечего и думать. Дети с матерью едут в вагоне третьего класса, а больной отец — в купе второго. С утра он приходит к нам, чтобы днем быть вместе. На день остановились в Харькове. Ездили конкой по Сумской улице, осматривали памятник Каразину в городском парке. Каразина называют украинским Ломоносовым, благодаря его усилиям в Харькове в 1805 году был основан университет.

Севастополь. Занимаем один номер в дешевой гостинице. Спать не хочется. Солёный воздух врывается в распахнутое окно. Звуки порта непривычны для нас. На Графской пристани нанимаем лодку и плывем в Инкерман. Это урочище вблизи Севастополя, возле устья реки Черной, с остатками пещерного города и крепости. Бродим по катакомбам, в пещерах пугаемся сваленных в кучу человеческих черепов... Идем к бородатым монахам, привыкшим к наживе за счет туристов. Они выносят нам мед в сотах, ржаной хлеб и молоко.

Под вечер возвращаемся в город.

На рассвете выхожу на балкон. Отец сидит в плетеном кресле. Он опять не спал, вид у него измученный. Несмотря на морской воздух, бессонница не покидает его. Встревоженная мама дает ему капли. А вокруг столько солнца, столько красок! Нежно-голубое небо совсем прозрачно. Солнце только что встало. Кажется, что все вокруг объято ликованием: море, купы зеленых деревьев, фрукты в корзинах уличных продавцов. Легкий ветерок освежает отца, исподволь снимая ночную усталость. Проходит еще немного времени, и глаза снова полны блеска, и он уже готов к новым прогулкам.

Вскоре мы идем в аквариум. Разнообразные рыбы, морские чудища подплывают к стенкам аквариума и смотрят на нас своими холодными глазами. Зеленые сумерки аквариума, красные, голубые, зеленые и золотистые огоньки, вспыхивающие среди морских водорослей от непрекращающегося движения рыб, — все это похоже на какую-то феерию...

Отец рассказывает нам о рыбах, которых он ловил вместе с Алексеем Максимовичем на Капри: о морских звездах, морских угрях, ежах, акулах, о летающих рыбах-ласточках.

Он показывает в аквариуме этих крылатых рыб, красных, как кораллы,

рыб-чертей, напоминающих ему Мефистофеля в плаще.

Мы с восторгом рассматриваем желтые, изумрудные глаза рыб; они как бы гипнотизируют нас. Отец рассказывает о глазах акул, светлых, без зрачков, ярко-зеленых, сверкающих наподобие драгоценного камня, завораживающих свою жертву. Засушенные глаза акул он как-то привез нам, но они сморщились, потеряли блеск и прозрачность. Крылья от рыб-ласточек украсили нашу коллекцию морских сувениров.

Поездка пароходом в Ялту. Свежий соленый ветер, белые барашки на волнах, игра дельфинов в морском просторе, смена панорам, чудесные рассказы отца — все это наполняет нас незабываемыми впечатлениями.

В Ялте договариваемся с возницей-татарином и утром усаживаемся в пароконный фаэтон с белым навесом из парусины. Мы отправляемся в Симеиз — конечный пункт нашего путешествия. По дороге встречаем мальпосты — линейки, запряженные лошадьми.

Кондуктор мальпоста трубит в рожок, извещая пассажиров об отъезде. Извилистое шоссе вьется вдоль уступов горы. На отвесных скалах, суровых и молчаливых, цветут, словно капли крови, красные маки, а море — вдали... Оно прекрасно! Играя огнями в солнечных лучах, прозрачное и легкое, веет на тебя соленым и свежим дыханием. Виноградники, спускаясь к морю, зелеными волнами наступают с другой стороны шоссе.

Отец вынимает из кармана записную книжечку и что-то записывает...

Подъезжаем к Новому Симеизу. Останавливаемся на ночь в гостинице «Эльвира». Утром родители отправляются в Старый Симеиз, чтобы подыскать подходящую комнату.

Наконец мы устраиваемся у татарина Гафурова. Его хозяйство состоит из четырех домишек, которые размещены на клочке земли, зажатой с одной стороны каменными ступенями, спускающимися к фонтану, а с другой — узкой кривой улочкой, на которой находится кофейная, булочная и другие лавчонки. За ними — базар. Домики эти стоят буквально впритык, так что дочь нашего хозяина — десятилетняя Эминэ, перепрыгивает, как козочка, с одной крыши на другую, отчего ее монисто из серебряных монет сверкает в воздухе и звенит, а мелко заплетенные косички прыгают по спине. Отец любит наблюдать за этой резвой и грациозной девчуркой.

Наша комната помещалась на втором этаже деревянной части каменного хозяйского дома и выходила на его верхнюю галерею.

Завтракали мы дома, а обедали в столовой. С балкона нашей комнаты открывался вид на старый парк, спускающийся к морю, на корону горы Ай-Петри.

Мы просыпались от громкого крика муэдзина, который с высокого минарета звал правоверных к молитве.

Отец очень любил цветы. Горький считал, что он обладал солидными знаниями ботаника. На крошечном участке свободной земли наши хозяева старательно разбили цветник. Клумбы были обложены красивыми морскими камнями, и чего только там не росло: и бальзамины, и кларкии, и маки. Особенно приятно было встретить в этом цветнике наш родной укроп и пышную украинскую мальву.

Отец бережно держит цветок в руках и любовно говорит: «Обратите внимание, дети, как нежны его лепестки, как безупречна форма и краски. Человек тоже должен бы быть таким же гармоничным и красивым».

В Симеизе родители не искали общения с дачниками. Большею частью там отдыхали обыватели, главным занятием которых были карты, флирт и сплетни. Наши соседи по даче буквально просились под перо Саши Черного... Вот в дверях флигеля мелькнуло кружевное матине. Протянулась костлявая рука и схватила шиньон, сохнувший на крыльце. Это генеральша совершала утренний туалет. Генерал, попыхивая трубкой, тем временем делал моцион. По вечерам они играли в винт или преферанс. И так ежедневно.

Как-то всей семьей собрались мы на экскурсию в Алупку. Пошли пешком. Дорога тянулась среди оливковых роц с каменными изгородями по обочинам. Воронцовский дворец, построенный в 1828–1846 годах английским архитектором Блором в псевдоготическом стиле, с башнями и монументальными каменными воротами, увитыми глициниями, на мгновение переносит нас в прошлое. Заходим в татарскую школу. Ученики, раскачиваясь, разучивают хором писания из корана. Останавливаемся у мастерской медника, он кует жбаны. Медная посуда, расставленная прямо на улице, жарко полыхает на солнце. Входим в мечеть. Еще на ступеньках снимаем обувь и шагаем по мозаичному полу.

Приближается расставание с Крымом. Михаил Михайлович окрылен решением Киевского общества помощи украинской литературе, науке и искусству, которое установило ему пожизненную пенсию в размере 2000 рублей ежегодно. Наконец он может оставить изнурительную работу в статбюро и всецело посвятить себя литературе. Освободившись от службы, он стремится использовать остаток лета для поездки в Криворивню и 30 июня выезжает из Крыма в Гуцульщину, а мама возвращается с нами в Чернигов.

На этот раз отец прожил в Криворивне месяц. Его можно было встретить высоко в горах на полонине, где гуцулы-номады (пастухи) пасут

свой скот, а ночью у костра, под завывание горного ветра, он слушал их легенды и сказки про разную лесную нечисть: мавок и щезников, веселых чугайстров — всех этих злых и добрых духов, которые в воображении гуцула населяют лесные дебри, воды и горы. Ходил отец и на «грушку» — игру при покойнике, — заинтересовавшись этим народным обрядом. «В селе попал на оригинальный обряд, — вспоминал он. — Ночью умерла где-то старуха — и вот из далеких изб (здесь изба от избы на несколько верст) сошлись люди. На скамейке под стеной лежит покойница, горят перед ней свечи, а в избе поставлены лавки, как в театре, и на них сидит масса людей. Тут же, у покойницы, в сенях собралась повеселиться молодежь. И каких только игр не было! Смех раздавался непрерывно, шутки, поцелуи, крик, а покойница скорбно сомкнула уста, и теплятся похоронным блеском свечи. Так всю ночь. Такие контрасты, что я на следующую ночь не мог уснуть под впечатлением сцены».

Франко рассказывал Коцюбинскому о распространенной среди гуцулов институции «годованців» — то есть приемшей, которая давала возможность старикам какое-то время жить беспечно. За отказанное ему стариками наследство приемш заботился о них до самой их смерти.

Тут же в горах, в беседах со стариками собирал Коцюбинский материал для задуманного им произведения о родовой мести. Она среди гуцулов культивировалась почти в той же степени, что и вендетта среди итальянцев.

Однажды в обществе поэта Олеся отец помчался по бурному Черемошу на плоте — дарабе, направляясь в Впжницу. А в пору ненастья, бурь и ливней, когда Черемош выходил из берегов, затапливая узкие мостки и кладки, и невозможно было добраться до противоположного берега, Михаил Михайлович принимал живое участие в создании своеобразной «почты» с помощью проволоки, соединяющей оба берега.

Едва из-за крутых гор всходило солнце, как к хате Мойсейчука, где жил писатель, собирались гуцулы. Маячили их красные гачи и сардаки^[75]. Они курили люльки, сидя на корточках возле деревянной галерейки, окружавшей хату. Коцюбинский гостеприимно встречал пришедших и присаживался тут же возле них. Это все его близкие друзья: Якибюк, Харук, Потяк, Шинкарук, Бущук и другие, всех не перечесть.

Они рассказывали отцу о жизни, о привычках и обычаях. О том, как умирающий, одеваясь перед смертью, просит зеркало, чтобы удостовериться, хорошо ли он убран. Как горные племена, встречаясь в корчме, «балуют» и меняются женами и как все это заканчивается драками.

Немало интересного записал отец во время этих встреч.

Нравилась ему Гуцульщина, и он решил ежегодно отдыхать здесь всем семейством. Он разработал даже план постройки хаты на две половины, которую собирался ставить вместе с Гнатюком. Как всегда, Михаил Михайлович фантазировал, не имея к тому средств. Но он глубоко и как-то по-детски верил в реальность своих желаний и весь был ими поглощен. Ни мама, ни близкие не препятствовали этому.

В первых числах августа 1911 года отец возвращается из Криворивни и с полной отдачей сил работает над повестью «Тени забытых предков», которую в том же году и закончил. Мы всегда с увлечением слушали его рассказы о Гуцульщине, очень живо представляя себе таинственного щезника с бородкой клинышком и крутыми рожками, наигрывающего на флюяре: «Нет моих коз, нет моих коз...»

Иллюстрируя рассказы, отец подбирал одним пальцем на рояле эту грустную мелодию. Но однажды его пальцы вдруг перешли на дискантовый регистр и запрыгали в радостном вихре: «Есть мои козы, есть мои козы!» И тут же он познакомил нас с волшебным миром мавок и чугайстров.

«Все время, как вернулся из Криворивни, — читаем в письме Гнатюку (от 12 (25) сентября 1911 года), — работаю ежедневно... Пишу рассказ на основе своих впечатлений о Карпатах. Боюсь, волнуюсь, но пишу...»

Часто слышно было через притворенную дверь в гостиную, как папа тихонько напевал коломыйки, которыми расцвечивал свою повесть:

*Зозулька ми закувала сива та маленька.
На все село іскладена пісенька новенька...
Ой кувала ми зозулька та и коло потічка.
А хто ісклав співаночку? Иванкова Марічка.*

Трогательна любовь Ивана и Марички — детей двух враждующих родов из повести «Тени забытых предков». Трогательна и трагична.

Но и в самых трагических ситуациях у Коцюбинского обычно главной оказывалась жизнеутверждающая идея. Она не бывала навязана читающему, а естественно вытекала из самой логики изображаемого.

Вспоминаю, как в семейном кругу отец читал свой рассказ «Что записано в книгу жизни». Обычно он не любил читать свои произведения и делал это только дома или среди близких ему людей.

Старуху забыла смерть, а в доме нет корки хлеба даже для детей. Немошная, никому не нужная, она валялась где-то на глиняном полу крестьянской хаты среди мусора и картофельных очисток, а смерть все не шла... Чтобы освободить угол и не обременять больше семью, она упростила сына отвезти ее в лес: там она скорее отойдет в иной мир. И сын соглашается с ее просьбой.

«По небу, как тень голубиных крыльев, плыло одинокое облако. Отвел глаза от него, съежился весь. Что-то холодное защекотало в груди. Может, это и не облачко, а душа матери плывет? И мысли устремились назад. Лежит в лесу одна, на холодном ложе, как подстреленная птица, смотрит сквозь слезы на небо. Только свеча плачет над ней и горячий воск каплет на сухие, как у покойника, руки...»

А ведь могло бы быть и иначе!.. В воображении сына возникает картина естественных домашних похорон, «по христианскому обычаю». «Он поднялся вдруг на санях, обернулся и круто повернул лошадь... понесся в туман среди комьев сбитого снега, которые швыряла в него лошадь, назад за матерью».

В предисловии к этому рассказу в переводе на русский язык, напечатанному в 1912 году в № 12 «Бюллетеней литературы и жизни», под названием «Жуткая страница» читаем:

«Не может быть! Хочется крикнуть, прочитав новый рассказ талантливого украинского беллетриста, не может быть... Вы отворачиваетесь от кошмарной картины, Вы успокаиваете себя мыслью, что это только видение художника, вроде дантова ада, но нет Вам покоя: пусть даже «видение», Вы, однако, чувствуете, что писатель подошел вплотную к какой-то огромной страшной правде жизни — крестьянской жизни».

Этот рассказ очень понравился Горькому и Марии Федоровне. По словам отца, они плакали, читая его, и очень всем хвалили.

С каждым годом силы отца заметно таяли. То его охватывало творческое беспокойство, и он даже по вечерам без передышки работал за своим письменным бюро, то, обессиленный, без мыслей, неподвижно лежал в кровати. Но даже лежа — истощенный и измученный болезнью, он, едва почувствовав облегчение, уже забывал о недуге, рвался к жизни, работе, молодежи. По-прежнему жил их интересами, помогал им, участвовал в их делах. Круг его знакомств расширялся.

Эта чуткость, стремление быть всегда с людьми, помогать им составляли все содержание его жизнелюбивой натуры.

После поражения революции 1905 года был сослан в Сибирь ученик реального училища Иван Товстуха. Во время обыска у него на квартире обнаружили нелегальную библиотеку большевистской организации. Ссылку он отбывал в Тутурской волости Верховенского уезда, откуда бежал в 1912 году и эмигрировал во Францию, где вступил в ряды большевистской партии и работал до 1917 года под партийной кличкой Жан. Вспоминаю бурные волнения, связанные с событием, которое произошло в 1912 году.

Участница литературных «суббот» Коцюбинского Елена Демиденкова, молодая девушка, только-только закончившая гимназию и работавшая сельской учительницей, неожиданно отравилась. Известно было, что она переписывалась с сосланным в Сибирь Иваном Товстухой, поддерживая в нем веру в будущее...

В жандармском деле Киевского охранного отделения № 3736 за 1912–1914 годы (ст. 93) сохранилось открытое письмо И. Товстухи в редакцию киевской газеты «Рада»:

«Уважаемый г. редактор, если возможно, напечатайте это письмо. Ни фамилии, ни адреса своего дать Вам не могу, так как живу нелегально. Да в этом, собственно, и нет надобности.

Полтора года тому назад я был далеко от родного Чернигова, от Украины. Был сослан в Сибирь. Здесь украинского слова и не слышно. Из Чернигова приходили письма — все на русском языке, все связанные с Черниговом, ни одно — с Украиной... Наконец пришло письмо на украинском языке от незнакомой украинской девушки, узнавшей о моей ссылке... Она говорила о лучшей жизни, о других временах, которые настанут, о борьбе...

И вот через горы, тайгу, через бури и снега убегал я из Сибири. Бежал... — и тут я узнал, что она отравилась...»

Под этим письмом расшифровка жандармерии:

«Обращение к умершей Лесе (Елене) Демиденковой».

Понятно, что жандармерия терроризировала Елену, пытаясь узнать хотя бы какие-нибудь сведения о беглеце, и поэтому причина ее самоубийства была ясна.

По поводу этого возмутительного случая у Коцюбинского состоялось внеочередное собрание молодежи. Оно проходило чрезвычайно бурно, на нем сложилось общественное мнение по поводу «методов» полиции.

О связи Михаила Михайловича с Товстухой читаем также в донесении департамента полиции: «Имеется упоминание о Михаиле Михайловиче в письме бежавшего из ссылки Ивана Павловича Товстухи. Михаил

Михайлович, по предположению департамента полиции, может быть известный украинский писатель Мих(аил) Мих(айлович) Коцюбинский, выехавший из Чернигова в Австрию»^[76].

Среди молодых, приходивших к отцу на «субботы», заменившие, как я уже говорила, «понедельники», Михаил Михайлович отличал Павла Тычину. Знакомство их произошло в конце 1910 года. Юноша часто гулял над извилистым Стрижнем, протекавшим через Марьину рощу. Делал в альбоме пейзажные зарисовки, уверенным движением тонких пальцев нанося на бумагу нежные прозрачные краски черниговской осени.

Однажды, рисуя, он вдруг почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Глаза юноши встретились с теплым лучистым взглядом темных глаз незнакомца. Вскоре их познакомили, и он начал бывать у Коцюбинского, неумело скрывая растущую нежность. О чем только они не говорили! О новостях в литературе, о задачах изящной словесности, о роли ее в воспитании масс. Юный семинарист как-то естественно вошел в круг наших интересов и забот, часто сопровождал нас в бесконечных прогулках. Где только мы не побывали! И в Троице, и в Малеевом рву, и в Святом, в Никульщине, в Еловщине, Подусовке на Черторейском мосту, и в Погорелках.

В письмах Коцюбинскому на Капри Тычина жаловался на удушливую атмосферу семинарии: «Звонки, притеснения, капуста, соленая рыба — все это до того опротивело, что готов, кажется, бежать на край света»^[77]. Отец старался всячески ободрить начинающего поэта. Видимо, в продолжение их разговоров он в письме советует ему заняться переводами с русского. «У нас, например, очень слабая детская литература, и, если бы кто-нибудь занялся переводом лучших русских произведений для детей, можно было бы издать».

Коцюбинский встречался с молодежью не только дома. Он постоянно общался с семинаристами, читал в семинарии доклады на литературно-общественные и политические темы. Местом для них служил музыкальный класс на нижнем этаже. Собирались поздно, часам к одиннадцати вечера, причем по соображениям конспирации выключали электричество. Об этом упоминается в воспоминаниях И. П. Львова^[78].

Среди семинаристов выделялся будущий известный украинский поэт, публицист, критик и общественный деятель Василь Элланский, вошедший в литературу под именем Эллана (Блакидного). В отличие от задумчивого Павла Тычины он был всегда в действии, полон энергии и кипучего запала.

Василь дружил с нами и часто бывал у нас. Одно из первых своих

стихотворений (в 1913 году) он посвятил сестре Оксане.

*Старовинний цілюють рояль
Білі, тонко-стрункі рученята...*

Меня сблизило с Василем участие в украинском хоре А. Приходько, администратором которого он был.

Богатство чувств, переполняющих Михаила Михайловича, согревало окружающих. Он умел, по словам современников, «подойти, умел взять душу, заглянуть в самые сокровенные, самые интимные ее уголки и так бережно относился к ней, словно держал в руках драгоценную жемчужину, которая могла упасть, разбиться».

«Вы ведь так много духовно дали мне... — писал отцу молодой учитель из Петербурга Евгений Галдзевич, с которым отец познакомился на Капри в 1909 году. — Да и теперь еще даете и давать будете, т. к. кусочек Вашей души я увез с собой в виде подаренной мне Вами книжки «Из глубины»... Я сейчас вижу Вас, слышу Вас говорящим... и помню даже, где, в каком месте на Капри Вы приблизительно это говорили. А Ваши описания природы!.. А в рассказе «Неизвестный»: «Ты бросила цветок в мое сердце, а я поймал его и несу». Как это красиво и как мне напоминает о том Вашем романе на миг, на мгновение с какой-то незнакомкой, «подарившей Вам свои глаза». Помните, Вы рассказывали мне об этом на площадке у трамвая фуникулера, встретились Вы с ней на самой высокой площадке над «Piccola marina»^[79].

Отца всегда привлекала душевная чистота и цельность молодых, их увлеченность, жажда прекрасного. С молодыми он и сам молодец, смеялся, проказничал совсем по-детски, ловил детей за ноги согнутым концом своей палки, рассказывал смешные истории, фантазировал. Егр поднимала волна творчества, он так жадно пил жизнь, что с ним было легко и радостно. И все же страстное желание жить проявляется с особой остротой у него в последние годы. Понимая, что жизнь его может оборваться в любую минуту, он все хочет прочувствовать, всем насладиться, все испытать, не жалея себя.

Но это же внесло и раздвоенность в его жизнь.

В неопубликованном при жизни писателя наброске «Меня угнетает» есть такие строки:

«Я замыкаюсь, я ищу одиночества и радуюсь ему, хотя сердце щемит, так как не могу поделиться со своим другом — женой. Я живу двумя

жизнями. Одна — явная, такая правдивая, искренняя в отношении к ней, что я даже обиделся б, если бы она или кто другой подумал, что я лукавлю. Другая — тайная, глубоко скрытая, как подземные воды, которые не могут пробиться наверх. Мне стыдно перед женой — самым близким для меня человеком, что кое-что таю от нее, тем более я уверен — эта натура не может ничего затаить от меня — это хрусталь, звонкий и прозрачный.

Знает ли она меня? Она думает, что знает, а между тем ошибается. Есть стороны жизни, целая сфера чувств и мыслей, которые остаются при мне».

Слова во многом автобиографичны.

О его глубоком, «со всем примиряющем и все оживляющем» чувстве к Александре Ивановне Аплаксиной я узнала значительно позже, в 1938 году, спустя двадцать с лишним лет после смерти моих родителей.

Вера Иустиновна тяжело переживала случившееся, по понимала мужа.

«Никто не требует от меня жертвы... Ужаснее всего, что жертвы никто от меня не требует, кроме моей совести»^[80], — писал Коцюбинский Аплаксиной.

Здоровье отца между тем ухудшалось из года в год. К пороку сердца и астме со временем присоединился и туберкулез легких. На все уговоры мамы беречься, полежать и не утомляться отец, стремясь не волновать близких, уверял, что ему лучше.

Однако зиму 1911/12 года Михаил Михайлович решил провести снова у Горького. В морозы он совсем задышался. Перед отъездом на Капри отец беспокоится о судьбе своих произведений. Был обрадован, что «Сон» и «Тени забытых предков» выходят из печати в Киеве в издательстве «Литературно-научного вестника». Рассказ «Что записано в книгу жизни» он отослал Амфитеатрову для напечатания в журнале «Современник».

8 ноября 1911 года отец выезжает через Львов в Италию, куда и прибыл вечером 19 ноября. Отцу отвели у Горького прекрасную комнату, с верандой и видом на море.

Михаила Михайловича интересуют новые встречи, новые знакомства. Здесь находился в то время Иван Алексеевич Бунин, отец часто гулял с ним и беседовал. Бунин «довольно симпатичный, немного суховатый, как академик, и исключительно трудоспособный», отозвался о нем Коцюбинский. Обоих писателей интересовала тема «мужиков», но каждый подходил к ней со своей точки зрения.

«...Вчера вечером, — делится отец своими впечатлениями с Аплаксиной, — моя комната наполнилась людьми: Бунин читал свою

повесть «Суходол», которая будет напечатана в «Вестнике Европы». Очень красиво написанная вещь, хотя философия для меня неприемлема, и мы вчера долго, до двух часов ночи, спорили».

А от рассказа Бунина «Захар Воробьев» отец был в восторге. «Он, — по его словам, — словно пропитан ржаным запахом».

При расставании Иван Алексеевич подарил отцу свою фотографию с автографом.

Общение с Горьким доставляло отцу особую радость. Его мнение было для отца свято. «Если Вам нравится книжка — значит, стоит писать», — говорил он Горькому. По свидетельству Горького, они обсуждали замыслы и планы, «читали черновики работ и оба очень искренне говорили друг другу, что каждый думает о работе другого. Если говорить о «влиянии», оно, вероятно, было взаимным».

Живя на Капри, отец написал два сатирических рассказа: «Лошади не виноваты» и «Подарок на именины». Первый рассказ обличает либеральствующих помещиков — экономическую опору самодержавия, второй — моральные устои царизма.

От евангельского благодушия «татка» — помещика Малины, проповедующего «демократические» идеи, не остается и следа, когда перед ним встает реальная опасность потерять свои десятины: «Буду стрелять, когда придут!» — так решает «дворянская кровь», возмущенная «посягательством» крестьян на землю.

В обоих рассказах резкая обличительность сочетается с углубленным психологизмом.

Почти одновременно с рассказом «Лошади не виноваты» Горький написал свою шестую сказку из сатирического цикла «Русские сказки». И тема и проблематика обоих произведений необычайно близки между собой. Это естественно — замысел вызревал у писателей одновременно. Вместе с тем каждое из произведений глубоко самобытно.

На Капри царил свой прочно установившийся быт. У Горького всегда было шумно во время обедов, много спорили. Прогулки чередовались с часами творческой работы.

Коцюбинский спускался к морю. Подолгу сидел на нагретой за день скале — слушал хор цикад. В призрачном вечернем свете остров приобретал фантастические черты. Зубчатые листья агав раскрывали свои акульи пасти. Дрок, как щетка, то здесь, то там поблескивал в лунных лучах. Не верилось, что в Чернигове двадцатиградусные морозы.

Трудно было представить себе, что вот сейчас он шел бы по Богоявленской улице от Красного моста к центру города. Теплая шуба,

оленья шапка, глубокие фетровые боты мешают передвигаться. Он вынужден часто останавливаться. Холодный воздух забивает дыхание. Грудь разрывается от боли.

Медленно подходит к Красной площади. Возле потребительского общества — биржа извозчиков. Горят костры. Извозчики греются, похлопывая себя руками в неуклюжих рукавицах...

...Горький живо интересовался всеми событиями в России. С большим вниманием слушал он рассказы отца об убийстве Столыпина, которое произошло в Киевском оперном театре 1 сентября 1911 года. Убийца действовал по поручению киевской охраны, имевшей распоряжение «свыше». Реакционные круги были в состоянии, близком к полному отчаянию, когда, как говорится, «своя своих не познаша»...

Коцюбинский с юмором рассказывал Алексею Максимовичу о приезде царя в Чернигов, обо всей «патриотической» шумихе вокруг Николая II, который в окружении правительственных особ и юродствующих монахов приехал поклониться мощам Феодосия. Дворянство Чернигова во главе с губернатором устроило встречу царя с «народом». На лугу, вблизи Десны, была установлена триумфальная арка, а за ней расположился так называемый «городок Феодосия». «Народ» подносил хлеб-соль на деревянном блюде, а купцы, изоцряясь в фантазии, загромождали витрины лавок портретами царя с вензелями, выложенными из продаваемого товара: в галантерейном магазине — из клубков ниток краше; в кондитерской — из трубочек с кремом; в магазине канцелярских принадлежностей — из ученических линеек и невыливаек.

— А интересно, как бы украсил свою витрину владелец шорной мастерской? — смеялся отец. — По всей вероятности, вензель был бы выложен из нагаек, и это была бы, пожалуй, лучшая из витрин.

Весть о приезде к Горькому Шаляпина облетела весь остров мгновенно. Шаляпин приехал 1 февраля 1912 года в три часа дня из Монте-Карло, где в то время концертировал. Встреча с ним продолжалась с трех часов дня до шести утра; в семь часов он должен был уже возвратиться обратно.

«Все время он то рассказывал, красиво, художественно, то пел, знакомя нас с «Хованщиной», — вспоминает отец. — Федор Иванович стоит у колонны террасы, а Алексей Максимович ходит взад и вперед, останавливается время от времени и «дает заказ». «Теперь «Блоху». Теперь «Дубинушку»! А ну, нашу волжскую!» И Шаляпин поет, поет, только вполголоса. А мы слушаем затаив дыхание...

...Кончил петь Шаляпин. И вдруг на дороге, на тропинках, окружавших виллу, раздался взрыв аплодисментов и крики: «Viva Gorki!», «Viva Scialapin!», «Viva la musica russa!»

И тут же ставшее обычным выражением симпатии к русскому изгнаннику: «Abasso lo zar!» («Долой царя!»).

Среди гостей Горького внимание отца привлек и Алексей Алексеевич Семенов. Это была бурная, деятельная натура с удивительными организаторскими способностями, самородок и самоучка, страстный жизнелюб, пролагатель путей в далекой и суровой Якутии, строитель рудников и пристаней, проектировщик легендарного города Томмота в дикой тайге, «доверенный и писарь» племени ламутов, ходатай якутского народа по многим и разным делам.

Горький характеризует Семенова как полуякута, полурусского. Явился он к нему из Якутии с женой-китайкой из-под Шанхая. Семенов организовывал экспедицию для изучения кратчайшего пути от Якутска к берегам Охотского моря. На Капри приехал, знакомясь с Европой. «Он — один из самых бескорыстных людей, встреченных мной за всю мою жизнь, — пишет Горький. — К деньгам и вещам у него органическое презрение, он любит только книги, а больше их — работу... Когда Алексей Семенов был у меня на Капри, там жили два писателя — украинец Михаил Коцюбинский и поляк Стефан Жеромский...»

Облик Семенова ассоциировался в воображении Коцюбинского с Крашенинниковым, Дежневым, Щаповым и другими северянами — путешественниками-открывателями.

Отца роднила с ним жизнерадостность, оптимизм, незыблемая вера в лучшее.

— Какая сила жизни! — говорил Коцюбинский Горькому. — Мы привыкли к этому и не замечаем победы живого над мертвым, действенного над инертным, и мы как бы не знаем, что солнце творит цветы и плоды из мертвого камня, не видим, как всюду торжествует щивое, чтобы бодрить и радовать нас. Мы должны бы улыбаться миру дружески...

В марте 1912 года на Капри по инициативе Коцюбинского отметили шевченковскую годовщину. Сельваторе, сын садовника на вилле, вместе с друзьями разучил несколько украинских песен. В общем хоре с украинцами пели в тот вечер и итальянцы.

Между тем состояние Михаила Михайловича быстро ухудшалось. Он уже не мог совершать прогулки в Monte Tiberio, ana-Capri. Он заметно

осунулся, похудел, и знакомые, которые давно его не видели, поражались происшедшей в нем перемене.

«Мне очень хотелось видеть вас всех рядом... Плохо, что ты не поехала со мной...» — пишет он неоднократно жене.

Он обращается к любимой дочери Оксане: «В 12 часов под Новый год я выпью за тебя, а ты вспомни обо мне — так мы как будто вместе встретим его. Если будешь мне писать, пришли в конверте немного снега, потому что я его давно не видел, а я тебе, если хочешь, пришлю немножко моря».

Он думает о семье, вспоминает, как обычно 17 сентября, в день именин жены, старался не отлучаться из Чернигова.

И теперь, собираясь домой, Михаил Михайлович купил жене подарки — камю в тонкой золотой оправе, вырезанную на сердолике, пояс с венецианской пряжкой из тонкого, как кружево, бронзового литья. Итальянки хвалили его: «У синьора прекрасный вкус».

Отец не переносил ни малейшей подделки. Все украшения, все вещи, купленные им, были всегда настоящими произведениями искусства.

Вся жизнь нашей семьи была построена на контрастах. Покупались дорогие книги, ноты, не отказывали себе в поездках в Киев, Крым, в посещении театров. К детям ходили учителя иностранных языков, музыки, каждый вторник всем семейством были на концертах. И в то же время дети летом бегали босиком, платья девочкам шились из самой дешевой ткани. Продукты в магазинах часто брали в долг...

Михаил Михайлович прощался с островом, мечтал написать об ослепительном море, раскаленных скалах. И о Горьком. Старался быть бодрым, выражал надежду на встречу.

Но по возвращении домой отец слег, простудившись. В мыслях и воспоминаниях он продолжает жить картинами далекого Капри, жизнью людей, окружавших Горького. Радовался обоюдному пониманию и доверию.

Участник Стокгольмского IV Объединенного партийного съезда социал-демократ М. Басок, знакомый М. Ф. Андреевой и Коцюбинского, в письме отцу от 7 мая 1912 года писал: «Дорогой Михаил Михайлович, получил я express от Марии Федоровны с Капри. Пишет она мне: «... Выручайте, если можете! Так подошло круто, что хоть волком вой... Если только можете, займите для меня денег, под вексель за %, как хотите, как удастся. Сроком на 2 года, в крайнем случае даже на год. Не обращалась бы к Вам, если бы не крайность, сами знаете...» «...Кому-кому, а нам с Вами,

— продолжал Басок, — нужно как-нибудь пособить ей... Не могли бы Вы их достать в Чернигове или в ином месте?..»^[81]

Из более позднего письма В. И. Ленина А. М. Горькому, написанного в январе 1913 года, узнаем, что деньги нужны были М. Ф. Андреевой для партийной работы.

В. И. Ленин агитирует в этом письме Горького перебазироваться ближе к России: «школу бы опять рабочую наладили, переход через границу нетруден, цена проезда 12 руб. от Питера, сношения с рабочими Москвы, Юга тоже возможны!..Размечтался я в связи с поездкой М(арии) Ф(едоровны)... Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться (наверное, удастся)... ежели не найти деньжонок на расширение и упрочение «Правды» — погибнет она»^[82].

Действительно, Андреева приехала в Россию в конце 1912 года нелегально и вынуждена была жить шесть месяцев под чужим именем. Потом ее по поручению В. И. Ленина разыскал Петровский, член большевистской фракции IV Государственной думы. Связь ее с ЦК была налажена, и она, по-прежнему выполняя функции финансового агента, занялась изысканием средств для партии.

Несмотря на тяжелое состояние здоровья, Михаил Михайлович весной 1912 года все же едет в Криворивню за материалами к задуманным «Приемышам». Он уже не мог ходить без посторонней помощи, его сопровождают старший сын и М. Могилянский.

Поселился Коцюбинский вместе с Гнатюком в гуцульской хате. Погода выдалась в тот год плохая, ненастье отравляло жизнь. Превозмогая болезнь, отец тянулся к каждому солнечному лучу, тянулся к друзьям, особенно к Франко, который жил на противоположном берегу Черемоша. Как я уже говорила, первая их встреча относилась к 1890 году, и с тех пор теплые их отношения не прекращались. «Я просто диву даюсь его таланту, — писал Коцюбинский 8 сентября 1905 года Владимиру Гнатюку. — Дай ему боже здоровья, этому Франко! Я необычайно люблю и уважаю этого светлого человека».

В библиотеке Михаила Михайловича до сих пор хранится автограф стихотворения «Стрелы», которое Иван Яковлевич прислал ему в альманахе «Из потока жизни». Эту же библиотеку украшают 42 книги сочинений Франко. Среди них стихи, исторические изыскания, литературные портреты, проза, комедии, сказки, рассказы, поэмы. На двух книгах

автографы.

В задымленной хате Миколы Потяка, обогреваемой без дымохода, «по-черному», сидели Франко и Коцюбинский под образами, убранными початками кукурузы — символом богатства и изобилия, угощаясь бараболя-ком — пресным коржом из картофеля и кукурузы, почтительно подаваемым хозяином.

Микола Потяк рассказывал о народной поэтессе Па-раске Харюк, которая импровизировала стихи и песни, аккомпанируя себе на народном инструменте и о ее сыне-парубке, который кормил коров и овец самой что ни на есть лучшей пищей и согласно обрядам расставлял ее в мисках в хлеву или в овчарне, особенно в рождественские праздники. Оберегал, окуривал животных от дурного глаза, холил. На пастбище пел им песни, играл на флюаре. Продать или зарезать свою «жовтаню» или «биланю» почитал тяжелейшим грехом. Эту любовь гуцулов к животным отец описал в «Тенях забытых предков».

Готовясь к празднованию юбилея Франко, смертельно больной Коцюбинский, как член юбилейной комиссии, подписывает вместе с Лесей Украинкой, Василием Стефанюком, Ольгой Кобылянской, Владимиром Гнатюком, художником Иваном Трушем и другими деятелями культуры обращение об издании литературно-научного сборника в честь юбиляра и сборе средств для лечения больного. По предложению отца обращение рассылается не только украинским писателям, но и русским. «Решаюсь напомнить Вам (Вы сами просили об этом) обещание Ваше прислать какую-нибудь вещь для юбилейного сборника в честь Франко, — пишет Михаил Михайлович Горькому. — Как раз наступило время... Не помните ли об этом и Ив(ану) Алек(сеевичу) Бунину?»

В этом сборнике М. Коцюбинскому не довелось выступить. Не помогло ему горячее солнце Капри, в целительную силу которого он так верил.

21 октября 1912 года мама по совету врачей повезла больного в Киев, чтобы устроить его на лечение в клинику профессора Образцова. Вначале Михаил Михайлович лежал в общей палате, потом его перевели в отдельную палату.

Лечили его лучшие врачи и профессора Киева — Образцов, Стражеско, Рафиев, Фаворский, Яновский.

Он невероятно страдал от гнойных нарывов во рту, возникших от лекарств, которые ему давали в клинике, спасая сердце. Каких только мук не терпел он!

Но даже за несколько месяцев до смерти, сам тяжело больной, в

каждом своем письме из Киева он тревожился о здоровье родных, матери и поддерживал в нас надежду на свое выздоровление: «Пусть мама не волнуется из-за меня, я поправлюсь к рождеству непременно. Еще танцевать буду на елке», — пишет он в письме от 29 ноября 1912 года.

Из дому мы посылали ему самые лучшие фрукты — груши и ароматные яблоки, цукаты из фруктов, приготовляемые тетей Лидей, виноград, интересные книги, цветы. Мама, несмотря на недовольство своего земского начальства ее частыми отлучками в Киев, на протяжении трех месяцев пребывания отца в лечебнице неоднократно ездила к нему, дежуря возле него иногда по несколько суток. Мы писали отцу нежные письма. Да и киевские знакомые отца не забывали больного. Мама рассказывала, что его палата напоминала теплицу. Везде — на столах, на подоконниках, на полу даже — стояли чудесные осенние хризантемы, астры, гвоздики. Но здоровье его все ухудшалось. Встал вопрос о возвращении в Чернигов — надежды на выздоровление не было.

Долго обсуждали, как удобнее перевезти отца: ведь сообщение в зимнее время между Черниговом и Киевом было никудышное. Больной вынужден был в ожидании поезда просидеть долгие часы на станции Круты. Мама уложила его на диване в кабинете начальника станции. А как везти больного в мороз и плохую погоду с черниговской станции, которая в то время находилась за Десной, в трех километрах от города? Надо было проезжать через Киевский мост, где всегда бушевал лютый ветер. Все эти подробности детально обсуждались, бабушка очень волновалась. Мама решила просить архиерея предоставить за любую цену карету, чтобы больному можно было в ней доехать полулежа в тепле и покое. Это была единственная в Чернигове карета. Но архиерей отказал.

Помню, как отца, худого и изможденного, закутанного в теплую меховую шубу, мама под руку ввела в прихожую. Его бережно раздели и уложили в постель в теплом углу гостиной. От усталости он проспал почти трое суток. Очень страдал от водянки. Руки и ноги опухли. Задыхался. И все же до последней минуты интересовался литературой, жизнью.

— Читали вы «Звон»? — спрашивает он М. Жука. — А я прочел винниченковского «Олафа»... Неудачно написано, не удалось! Не знает он этой жизни, а по материалам, которые напишут знакомые в письмах, нельзя узнать ни характера, ни переживаний.

Потом он, немного передохнув, снова взял книгу, лежащую около него, и поглядел на начало второй вещи.

— Вот я прочитал эти несколько строк, и у меня такое впечатление, что это дешевый ситец по восемь копеек за аршин, а у Винниченко сукно, и

сукно добротное, хотя я его и не буду носить, мне оно не по вкусу.

До конца остается преданным он своей вере в жизнь, в добрые начала в человеке. Два последних произведения Коцюбинского — новелла «Хвала жизни» (1912) и неоконченная новелла «На острове» (1912) — более чем явственное тому доказательство. Над кладбищем человеческих стремлений и надежд — над мертвой, разрушенной землетрясением Мессиной — звучит этот гимн жажде действовать и созидать. Хвалу здоровой и сильной природе и человеку — труженику, хозяину земли — поет он и в новелле «На острове».

В письме М. Могилянскому Коцюбинский сообщал: «думаю попробовать написать кое-что о Капри — это будут мелкие картинки, солнце, море, природа и немного о человеке, который все это любит».

Это произведение состоит из девяти миниатюр, в которых писатель с большим мастерством зарисовал — иначе не скажешь — свои впечатления от Капри.

Каприйские картинки Коцюбинского перекликаются со «Сказками об Италии» Горького. В них немало общего и в видении мира, и в философской трактовке жизни и смерти, и в гуманистическом пафосе.

Коцюбинского интересовало оформление сборника его рассказов, который должен был выйти из печати под названием «Тени забытых предков». Он заказал виньетку Жуку, который нарисовал щезника в обрамлении фантастических крыльев.

Горький, не зная о безнадежном состоянии Коцюбинского, приглашал его в письмах участвовать в журнале «Современник»: «С января 913 года реформируется журнал «Современник»... Обращаюсь к Вам с просьбой: нельзя ли к январской или февральской книжкам «Современника» дать статью на тему «Культурные запросы Украины»? Затем был бы очень нужен очерк по истории украинской литературы. Помогайте, Михаил Михайлович».

«...Поддержите! Нет ли небольшого рассказа из старых, не переведенного еще на великорусское наречие?»

Но болезнь настолько обострилась, что о работе нечего было и думать.

Он почти ничего не ел. Как ни изощрялась тетя Лидя, все ее попытки оставались втуне: отец не притрагивался к еде. Пригласили из ресторана специального повара. Он мастерски готовил заливную рыбу, художественно разукрашивая ее цветами из моркови, свеклы, лука. Для охлаждения рыбу поставили в сених, и я поминутно бегала туда проверить — застыло ли желе. Так хотелось, чтобы отец поел...

12 апреля в 2 часа 20 минут пополудни Коцюбинского не стало.

Смерть отца произвела на семью страшное впечатление. Не верилось, что его может не стать. Вспоминалось, как не так уж и давно, погожим июльским днем, мы, дети, вместе с отцом и матерью гуляли по склонам Болдиной горы. Отец стоял, опершись на свою палку, и задумчиво смотрел на зеленые луга. Вдали раскинулся массив соснового леса... Еще дальше несла свои воды Десна. Отец очень любил это место. Здесь было столько простора, красок, солнца!..

Его тонкая, чуть согбенная фигура в белом костюме и каприйской панаме отчетливо выделялась на фоне синего неба и зеленых просторов.

— Когда я умру, похорони меня, родная, на этом месте, — сказал он, повернувшись к маме.

Через несколько дней после кончины отца Александр Олесь от имени редакции «Литературно-научного вестника» обратился к Горькому с просьбой написать воспоминания о М. М. Коцюбинском.

Алексей Максимович ответил: «Любезный и уважаемый Олесь! Посылаю Вам несколько страничек воспоминаний моих о Михаиле Михайловиче. Очень огорчен я его уходом из мира нашего, люблю я Михаила Михайловича, хорошие отношения были у нас»^[83]. «Знаем, что излишни слова сочувствия горю Вашему, — обращается Алексей Максимович в телеграмме к маме. — Почтительно кланяюсь Вам, крепко обнимаю детей; большого человека потеряла Украина, долго и хорошо будет помнить она его добрую работу»^[84].

Глубокой верой в народ, в силу жизни звучат слова Горького, обращенные в эти печальные дни к черниговцам: «Смертен человек, народ бессмертен. Глубокий мой поклон народу Украины»^[85].

Даже после смерти отца жандармы не оставляют нас в покое. Усиливается наблюдение за усадьбой писателя, следят, чтобы из дому не вынесли какой-нибудь нелегальщины. Сыщики обнаглели, даже не пытаются сохранить свое инкогнито, и целыми днями просиживали на скамейке возле усадьбы Руцких, недалеко от нашего двора, наблюдая за двигавшимися к нам непрерывным потоком людей.

С полицией блокировалось и духовенство. Желая выполнить завет отца — похоронить его на самом высоком месте Болдиной горы, мама обратилась за разрешением к черниговскому архиерею Василию, так как эта гора принадлежала владениям Троицкого монастыря. «Там стоит царская беседка, — надменно возразил архиерей. — Приедет царь, будет отдыхать — и вдруг рядом могила!..»

С величайшими трудностями удалось добиться разрешения

похоронить отца на другом крутом уступе горы.

Во время похорон полиция всеми способами пыталась приуменьшить торжественность траурной процессии, не разрешила нести венки перед гробом, следила, чтобы красные ленты на венках, которые везли на колесницах, были завернуты.

Полиция запретила петь хору семинаристов, а также выступать с речами на могиле и фотографировать.

Об этих запретах с возмущением говорил в IV Государственной думе депутат-большевик Г. И. Петровский, проект речи которого написал В. И. Ленин.

Всенародный почет победил. На венках пламенели алые ленты, развевающиеся в воздухе. Тысячная толпа в скорбном походе сметала с пути жалкие полицейские заслоны.

Стихийно возникло пение.

Пел весь траурный кортеж, и, сопровождаемый этим пением, весь усыпанный цветами, высоко на поднятых руках плыл в воздухе гроб с телом Михаила Коцюбинского.

Ясное весеннее солнце, которое он так любил, провожало его в последний путь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ ЖИВЫ

Подрастая, дети Коцюбинских продолжали революционные традиции семьи.

Старший сын Коцюбинского Юрий уже четырнадцатилетним мальчиком участвовал в революционной ученической организации вместе с будущими большевиками — Виталием Примаковым, Валерианом Имшенецким и Евгением Журавлевым.

Кружком этим руководил большевик Семен Урин. Знакомились с работами Карла Маркса, с речами Лассалья, Жореса, участвовали в диспутах, которые проводились на квартирах у А. Л. Шильмана, С. С. Соколовской, М. С. Муринсона, В. Н. Лапиной и у нас дома, а то и попросту за Десной, на лодках во время маевки, организованных социал-демократической организацией.

Летом Юрко вместе с остальными учащимися работал в земстве по сельскохозяйственной переписи. Обычно группа молодежи приезжала или приходила пешком в села. Ночевали в сельской школе, а днем занимались переписью семенных фондов, инвентаря, скота и крупорушек и вели пропагандистскую работу: читали крестьянам газеты, проводили беседы. Юрко отвечал за эту работу в селах Сеножатском, Ладинке, Золотинке, Серединке.

В январе 1913 года, еще при жизни отца, шестнадцатилетний гимназист Юрий Коцюбинский стал членом партии большевиков. Готовясь вступить в партию, старательно штудировал произведения В. И. Ленина. «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «К сельской бедноте». Над этими книгами в свое время работал и Михаил Михайлович. Припоминаю холодный зимний день. Мы сидели в столовой и готовили уроки. Вдруг дверь из коридора отворилась, и вошел отец. Глаза у него лихорадочно блестели, и он с раздражением смертельно больного человека спросил: «Кто брал без разрешения книги из библиотеки? Я еще жив, я еще не умер!..»

Воцарилась тишина. Мы съежились. Юрко тихо, но спокойно сказал:

— Это я взял книги. Я готовлюсь в партию.

— В какую? — спросил отец.

Узнав, что Юрко вступает в большевистскую партию, отец совсем иначе, нежно и мягко, посмотрел на сына. Раздражение тотчас улеглось.

Вступив в партию, брат с головой окунулся в партийную работу. То встречает вместе с товарищами политических ссыльных, прибывших по этапу в черниговскую полицию, то печатает листовки, направленные против империалистической войны.

Вот как вспоминал он сам об этих событиях в 1927 году в статье «Черниговская организация большевиков во время войны»: «В ноябре 1914 года в Чернигов был переведен запасной полк из Твери. Приехало на обучение три с половиной тысячи новобранцев. Режим в казармах был жестокий, за всякую провинность били шомполами. Казарменная больница была переполнена избитыми, двух человек засекли до смерти. Черниговская организация решила выпустить листовку к солдатам. Листовка была направлена против войны и против избиения солдат. В количестве нескольких сот экземпляров она была распространена в двадцатых числах декабря на казарменном участке и в городе. Результат сказался очень скоро: избиения прекратились»^[86].

Печатали эти прокламации в сыром погребе. Юрко заразился сыпным тифом и тяжело заболел. В это время были арестованы его товарищи — Виталий Примаков, Аня Гольденберг, Неях Цимберг и другие. Их задержали, когда они расклеивали прокламации. Всех их присудили к пожизненной ссылке в Сибирь.

Когда Юрий узнал о предполагаемой отправке своих товарищей в Киев на суд, он поехал на велосипеде за сорок пять километров в село Шуманы к Варваре Николаевне Примаковой, матери Виталия, чтобы сообщить ей об этом. Вместе с революционной молодежью Чернигова он провожал их до Киева, хотя и был сам в это время болен.

Старшему брату помогала сестра Оксана. Младшие дети писателя — я и Роман — также состояли членами подпольных молодежных кружков.

В этих кружках не только читали «Правду», но и сами издавали нелегальный рукописный журнал «Вперед».

Известный старый большевик Черниговщины Семен Урин, член КПСС с 1911 года, вспоминает: «Квартира писателя М. М. Коцюбинского по быв. Северянской ул. г. Чернигова известна черниговским коммунистам-подпольщикам не только в связи с именем одного из крупнейших украинских писателей-демократов, но и как место, которым широко пользовалась большевистская организация в период царского подполья. В 1912–1913 гг. в этой квартире нередко происходили собрания большевистской организации. В квартире Коцюбинских неоднократно

проводились занятия кружка, которым я руководил. В состав этого кружка входили: Юрий Коцюбинский, Виталий Примаков, Валериан Имшенецкий, Зуня (Ахий) Шильман, Алексей Стецкий и др. В квартире Коцюбинских проводились читки нелегальной литературы»^[87].

А из воспоминаний старого большевика М. С. Финкельберга узнаем: «В день объявления войны в июле 1914 года вечером в квартире писателя Коцюбинского было созвано экстренное партийное собрание... Решено выпустить прокламации против войны... Часть товарищей, распространявших прокламации, была арестована»^[88].

Аресты отдельных членов партии привели к перестройке партийной организации.

«Осенью 1914 года, — писал Юрий, после высылки троих провалившихся товарищей и отъезда из Чернигова в Питер и Киев нескольких активных членов местной организации, — пришлось переконструировать комитет и пополнить его новыми работниками. Для руководства рабочими кружками была создана так называемая рабочая коллегия из руководителей рабочих кружков, которая и выполняла роль комитета. В нее вошли: Р. Гордон, А. Шильман, В. Шафранович, А. Залкинд, М. Муриinson, Б. Василевская, Ю. Коцюбинский»^[89].

Мать очень сердечно встречала товарищей своих детей, она как бы сама молодеда, глядя на них, и вспоминала годы своей бурной революционной юности.

Помню я, какой радостью была для нее Октябрьская революция.

В эту светлую годину ей хотелось украсить ворота нашей усадьбы красным кумачом, но под руками не нашлось нужного материала. Тогда мама благоговейно вынула из специального ящика красный шелковый шарф, который свято хранился со дня похорон отца — тогда он украшал букет алых роз, возложенных семьей на его могилу. И это огненное полотнище, как символ желанной победы, символ надежд и упований семьи Коцюбинских, осуществленных Октябрьской революцией, запылало в синем осеннем небе на высоких воротах усадьбы писателя. Мать, я и младший брат долго смотрели на это полотнище, вспоминая отца.

В эту пору мама с новыми силами включается в общественную жизнь. Она становится инициатором организации первого украинского детского сада в Чернигове, на базе которого была создана первая украинская школа имени Михаила Коцюбинского (ее пятидесятилетие праздновалось в 1967 году. Ученики преимущественно были детьми рабочих, крестьян, учителей и мелких служащих. Часть школьников жила у сторожа школы, жена

которого ежедневно в двух больших котлах варила борщ и картофель для своих «квартирантов». Школьники были бедны, а потому и носили прозвище «Коцюбины — рваные штаны». Вера Иустиновна подарила школе наш рояль, а также много книг из библиотеки писателя. Среди учеников этой школы был и Н. Шеремет — будущий украинский поэт.

В 1916 году, после окончания гимназии, Юрий был мобилизован. До этого вместе с большевиками Софьей Соколовской и Ривой Гордон он вошел в Южную военную организацию, занимавшуюся пропагандой среди войсковых частей.

Февральскую буржуазно-демократическую революцию он встретил в Одессе.

В мае 1917 года Юрий Коцюбинский после окончания Одесской военной школы в чине прапорщика был назначен в 180-й пехотный запасной полк, стоявший в Петрограде.

В июне 1917 года на Первом Всероссийском съезде Советов брат впервые увидел и услышал Ленина. «Его манера говорить произвела на меня большое впечатление, — пишет Юрий. — Очень поразила его уверенность, особенно на ночном совещании большевистской фракции съезда Советов».

Во время июльского переворота правительство Керенского произвело массовые аресты большевиков, был арестован и Юрий. Отбывал он заключение при 1-м комендантском управлении с 19 июля по 9 сентября 1917 года. В это время в Москве проходил VI съезд РСДРП (б). Вместе с арестованными солдатами и офицерами П. Дашкевичем, В. Баландиным, М. Вишневым, М. Тер-Арутюнянцем, Кимом и Куделько брат послал съезду приветствие, которое было зачитано Я. Свердловым.

«Мы, — говорилось в приветствии, — одни из первых политических заключенных в «свободной» России, шлем наш товарищеский привет съезду РСДРП».

Съезд одобрил ответное приветствие заключенным большевикам.

Категорическое требование Военной организации ЦК партии большевиков об освобождении политических заключенных достигло цели. Выйдя на волю, Юрий Коцюбинский начал работать членом Военно-революционного комитета (ВРК), во главе которого стоял В. И. Ленин.

Вместе с другими большевиками Юрий объезжает заводы, фабрики, военные казармы и отряды рабочей гвардии.

«В 1917 году на собрании в Московско-Нарвском районе я впервые увидела Юрия Михайловича, — вспоминает М. П. Казакова. — Отец мой Петр Федорович Федоров, коммунист, рабочий второго вырубочного

отделения фабрики «Скороход», взял меня с собой на собрание. Долго ждали рабочие, не расходились. Собрание происходило в каком-то деревянном домике с палисадником. Заборчик и крылечко были буквально облеплены людьми. Некоторые из рабочих сидели на корточках, а то и прямо на земле, спиной подпирая стены.

Наконец оратор приехал. Он прошел мимо меня. Без шапки, в длинной шинели. Худой, бледный. Я к отцу: «Кто же он?» — «Прапорщик». — «Прапорщик — оратор?!» — удивилась я. «Э, да это наш прапорщик! Таких бы нам побольше!» — вмешались в разговор приятели отца. Увы, я не слышала выступления Юрия Михайловича, протискаться в дом оказалось не в моих силах.

Но не успел еще кончиться доклад, как появились верные приспешники Временного правительства, которые начали разгонять рабочих. Юрий Михайлович, очевидно, ушел другим ходом»^[90].

Во время подготовки Октябрьской революции возмужавший, закаленный Юрий Коцюбинский выполняет ответственные задания партии.

Для осуществления главного удара, направленного против юнкеров, засевших в Зимнем дворце, крейсер «Аврора» должен был подойти к Николаевскому мосту на Неве, захваченному противником. Поэтому в спешном порядке нужно было овладеть этим мостом.

«Операция по его захвату была поручена 2-му гвардейскому флотскому экипажу, руководство которым осуществлял Юрий Коцюбинский. Здесь, на Николаевском мосту, член ВРК Юрий Коцюбинский вместе с моряками встретил утро 26 октября 1917 года».

Первые дни после переворота Юрий вместе с частями Красной гвардии Московско-Заставского района сражался против генерала Краснова на Пулковском направлении.

После Октябрьской революции брат был послан на Украину.

12 (25) декабря 1917 года в Харькове был созван Первый Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил на Украине Советскую власть.

Юрий Михайлович вместе с Евгенией Бош и другими товарищами вошел в состав Народного Секретариата Украинской республики.

В это время он также приезжал в Чернигов. Передо мной протокол общего собрания черниговской партийной организации от 20 декабря 1917 года. Вот строки, касающиеся Юрия! «С возражением (тем, кто не верил в победу социалистической революции. — *И. К.*) выступил Юрий Коцюбинский... Он считает, что социалистическая революция в России

началась»^[91].

Народный Секретариат, в состав которого входит Юрий Коцюбинский, активно работает по созданию Вооруженных Сил Украины.

Уже 25 декабря 1917 года вышло постановление Народного Секретариата Украины, предлагающее Военно-революционному комитету при Центральном Исполнительном Комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины приступить к организации Червоного казачества.

Это постановление подписал Народный Секретариат в составе Евгении Бош, Владимира Люксембурга и Юрия Коцюбинского.

Постановлением Народного Секретариата Украинской советской республики от 19 января 1918 года Юрий Коцюбинский назначается главнокомандующим войск Украинской республики.

В. И. Ленин лично знал Юрия Михайловича еще со времени Октябрьского переворота 1917 года в Петрограде. Назначение Коцюбинского главнокомандующим было осуществлено по его указанию. В радиোগрамме Владимира Ильича указывается: «По радио. Всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно (3 февраля) 21 января 1918 года... Киевская Рада пала. Вся власть на Украине в руках Совета. Бесспорна власть Харьковского ЦИК на Украине; назначен большевик Коцюбинский главнокомандующим войсками Украинской Республики.

Ленин»^[92].

К этому периоду относится знакомство Юрия с Ольгой Петровной Бош — будущей его женой.

«Служила я тогда в полку Червоного казачества, — вспоминает Ольга Петровна. — Работала в редакции газеты, которую издавали для бойцов, наступающих на Киев. Были мы тогда в Бахмаче, а часть Украинского советского правительства — в Екатеринославе. Командировали и меня туда к народному секретарю по военным делам Юрию Михайловичу Коцюбинскому. Встретил стройный человек с бородой. Поделилась с ним полковыми новостями и одновременно попросила направить в нашу часть коммунистов для укрепления партийной организации.

Юрий Михайлович внимательно выслушал, но в просьбе отказал.

— У Примакова, — сказал он, — достаточно своих прекрасных людей.

Мы едва не поссорились. Тогда я даже не предполагала, что вскоре этот человек станет моим ближайшим другом».

Военную деятельность Юрий Михайлович сочетает с активной

политической работой на хозяйственном фронте. Из постановления № 544 Народного Секретариата Украины узнаем о национализации акционерного общества «Пиролозит» на Екатеринославщине. «Народный Секретариат, — указывается в постановлении, — постановляет: конфисковать в общенародную собственность означенный рудник... и все движимое и недвижимое имущество и капиталы названного акционерного общества. Ведение дел Особого правления по делам акционерного общества «Пиролозит» в Харькове передается районному Совету (народного) хозяйства по его организации. Управление делами рудника «Пиролозит» возлагается на рудничный комитет этого рудника в составе членов, выбранных рабочими этого рудника.

Народные секретари: внутренних дел — Евгения Бош, юстиции — Владимир Люксембург, финансов — Владимир Ауссем, военных дел — Юрий Коцюбинский, продовольствия — Эммануил Лугановский, управляющий делами Георгий Лапчинский»^[93].

По всем вопросам внутреннего и внешнего положения на Украине Юрий держит связь по прямому проводу с В. И. Лениным и Серго Орджоникидзе, передавая сведения о борьбе за власть Советов на Украине.

По постановлению Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины от 25 марта 1918 года в Москву было командировано Чрезвычайное посольство Украинской ССР для урегулирования важных политических и стратегических вопросов, вызванных условиями Брестского мира. В это посольство вошли Н. А. Скрипник, Ю. М. Коцюбинский и Н. Е. Врублевский.

В Чернигове Юрий появлялся в это время очень редко, да и то нелегально.

Староста Новгород-Северского уезда помещик Жолкевич именем гетмана оценил головы 10. Коцюбинского, а также В. Примакова и Н. Щорса по 700 тысяч рублей.

В ночь на 11 марта 1918 года наш дом окружила гетманская стража. Дома были мать, я и Роман, еще учившийся в школе. Искали Юрия и Оксану. Мать взяли под стражу как заложницу и водворили в тюрьму.

«А в это время, — пишет автору книги старый коммунист В. Е. Драбкин, — Юрий Михайлович в качестве представителя украинского партийного центра вместе с уполномоченным лохвицкой партийной организации У. С. Рябинской-Михайловой, у которой были крепкие связи с подпольными организациями многих уездов Полтавской губернии, нелегально приехал в Кременчуг, где провел узкое совещание партактива губернской парторганизации.

В конце декабря 1918 года Юрий Коцюбинский, как один из руководителей Украинского повстанческого комитета, снова прибыл в Кременчуг. На Херсонской улице на явочной квартире беспартийного рабочего — портного Фурмана — было проведено совещание узкого круга партийного актива, на котором Ю. Коцюбинский информировал руководство кременчугской организации о последних событиях и о непрекращающейся борьбе за установление Советской власти на Украине. Он заверил партактив, что вскоре части Красной Армии будут в Кременчуге».

В период оккупации Украины австро-немецкими войсками Юрий Михайлович работал на Полтавщине, Харьковщине и Киевщине, участвовал в партийных съездах под партийной кличкой «Степанов» или «Степан».

Оксана не отстает от брата.

Была она тогда на партийной работе в Таганроге. Накануне таганрогского совещания, созванного 19–20 апреля 1918 года по вопросу создания Коммунистической партии Украины, выступила в газете «Вестник Украинской народной республики» 13 апреля 1918 года со статьей «Мы победим».

Призывая трудящихся Украины объединить свои силы для отпора врагу, Оксана закончила статью такими словами: «Чем больше будет нашего социалистического войска, чем больше присоединится к нему товарищей, тем быстрее мы победим.

Еще не конец! Подыдемся все с высоко поднятой головой на защиту Родины, на защиту революции».

Боевая соратница Оксаны Шура Ситниченко вспоминает: «Впервые я увидела Оксану летом 1918 года, когда приехала из киевского подполья в Москву.

Уже несколько часов, усталая и измученная, сидела я в душном номере гостиницы «Люкс» на заседании ЦК КПУ.

Неожиданно отворилась дверь, и в номер вошла девушка с ярким бантом в темных вьющихся волосах, с большим букетом полевых цветов в руках.

В номере было душно и накурено, и все как-то раскисло. Но с ее приходом товарищи начали радостно улыбаться, энергично поднялись навстречу девушке. Даже... Николай Алексеевич Скрипник вскочил с места и приветливо заговорил с ней... Обаяние и необыкновенная привлекательность были в необычайно блестящих карих глазах, в красоте темных кудрей, в яркой окраске губ и нежном румянце лица. Она вся была

такая яркая и очаровательная, что невозможно было отвести от нее глаз.

Второй раз мы встретились в Суджи. В вагон, куда я грузила литературу и оружие для бойцов, вошла девушка в черной бекеше и белом пуховом берете.

— Вы Шура Ситниченко? А я Оксана — жена Примакова, давно ищу вас и хочу познакомиться...

Оксана тоже была политруком в соединении 1-й Украинской Красной Армии, которой командовал Антонов-Овсеенко. Жила она в одном из штабных вагонов редакции «К оружию», работая одновременно и корреспондентом.

Два или три раза мы вместе загружали теплушки литературой, газетами, обмундированием, оружием, патронами... проводили беседы, а во время боев подбирали на тачанки раненых, оказывали им медицинскую помощь».

Длительное время Оксана работала связным между отрядами Червоного казачества, находившимися в нейтральной зоне, и Повстанческим комитетом, куда входили Затонский, Бубнов и Коцюбинский.

По поручению Повстанческого комитета она составляла точные описания границы, после чего регулярно передавала на явочную квартиру в Киев (Фундуклеевская, 11, профсоюзу портных, персонально т. Лаврентию — одному из организаторов повстанческого движения на Украине) привезенные ею специальные письма.

19 января 1919 года Оксана Коцюбинская вместе с Шурой Ситниченко участвовала в праздновании первой годовщины полка Червоного казачества.

Представители украинского правительства выехали на этот праздник в Люботин, который находился в двух километрах от переднего края военных действий.

Состоялся торжественный парад полка, на котором вручили знамя и зачитали постановление правительства Украины с объявлением благодарности за боевые заслуги Червоного казачества.

Через некоторое время Оксана и Шура поселились в Харькове в гостинице «Красная». Это были дни организации Советской власти на освобожденной Украине, дни подготовки и проведения партийного съезда и съезда Советов Украины. С утра до ночи девушки были заняты, вызывали нужных людей, секретарствовали на съездах.

Короткая, но полная опасности жизнь Оксаны соответствовала ее энергичному характеру и несокрушимой воле. То ее посылают в 1917 году

на опасную подпольную работу, то находится она на передовой линии огня. Казаки любили веселую и храбрую девушку.

В минуты отдыха Оксана писала стихи.

«Я осталась одна — улетела душа моя к ясному солнышку в гости. Как далек ее путь... Сколько раз к белой тучке придется прильнуть, чтоб в дороге небес отдохнуть?!»

Оксана умерла двадцати лет.

В ряды Червоного казачества в 1919 году вступил и семнадцатилетний коммунист Роман Коцюбинский. В дальнейшем он был ответственным секретарем газеты «Черноморская коммуна», партийным и научным работником.

Все дети М. Коцюбинского — члены Коммунистической партии.

Юрий Михайлович долгое время подпольно работал на Полтавщине. В августе 1918 года, когда я жила в Киеве, он нелегально приезжал ко мне. Юрию очень хотелось повидаться с матерью, и я вызвала ее условной телеграммой.

«Немедленно нужна кровать, выезжай...» Она приехала. Трогательной была встреча матери с сыном...

Вот как вспоминает этот период Шура Ситниченко. Познакомилась она с моим братом в начале января 1919 года. У Юрия была сломана нога, и он лежал в кабинете салон-вагона, в свое время принадлежавшего певице А. Д. Вяльцевой. Нога очень болела; с большими трудностями Юрий передвигался на костылях. Ему во что бы то ни стало хотелось присутствовать на параде по случаю годовщины полка Червоного казачества, который должен был состояться в Люботине 19 января. Юрий тщательно побрился и с помощью Оксаны, жившей в том же вагоне, привел себя в полный порядок, но на парад больного так и не взяли, и он томился в одиночестве.

С горечью посмеивался над собой, говоря, что «пока в Полтаве был на нелегальном положении, ноги были целы, а как только Полтаву освободили, так и сломал ногу».

Немного окрепнув, он выехал в Киев за назначением. В это время Шура уезжала из Киева в Москву. У нее не было ни подходящей обуви, ни пальто. А морозы в Москве стояли лютые.

В Зафронтбюро ЦК Украины, куда пошла девушка, она встретилась с Юрием Михайловичем, товарищами Дробнисом и Рафаилом.

Последние посоветовали подать заявление в Зафронтбюро с просьбой выдать теплое пальто. Но Юрий рассудил иначе: на костылях он пошел в гостиницу «Националь», где тогда жил, и принес ей теплое мужское пальто

со смушковым воротником.

— Наденьте, Шура, и носите. Оно мне совершенно не нужно, — сказал он, — я ведь давно уже хожу в шинели, а с вашими легкими шутить нельзя!

— Я отнекивалась, — вспоминает Шура, — но он насильно надел на меня пальто, очень на меня большое, в котором я прямо потонула.

— Ничего, — успокаивал Юрпй. — Зато вам будет тепло и я буду уверен, что вы не простудитесь...

19 апреля Юрий был назначен председателем Черниговского губисполкома.

В это время на Украине активизировалась деятельность банды Григорьева. Для борьбы с ней в мае 1919 года был создан «Штаб-5», во главе которого становится Коцюбинский. Он организовал коммунистическую молодежь в отряды ЧОНа, которые вскоре выехали на Черкасщину, в центр бандитского логова. Вспоминаю, как мы провожали на вокзал бойцов чоновского отряда, среди которых был и мой муж. Много молодых не вернулось из этой операции.

Напряженное положение в Чернигове требовало неусыпного труда и борьбы. Юрий умел работать с увлечением и своим примером вдохновлял других. «Мы жили только нашей работой, — рассказывает тогдашний секретарь Черниговского губкома партии Мария Петровна Бош, — и у нас только и разговоров было, что о работе, об интересах партии и народа. Юрий Михайлович был чрезвычайно целеустремленным человеком, в котором жила беззаветная преданность революции. Без революционного дела он себя не мыслил. В нем удивительно сочетались необычайная человечность, мягкость и нежность рядом с безграничной храбростью и отвагой...»

На Черниговщине в то время был создан Комитет обороны для борьбы с деникинским нашествием. Председателем комитета назначили Юрия. ЦККП(б)У вводит Коцюбинского в состав Зафронтбюро, созданного для руководства деятельностью подпольных организаций Украины в тылу врага. Губком обороны, возглавляемый Е. Бош и Ю. Коцюбинским, временно находился в Го-родне, неподалеку от Чернигова. Чуть ли не на следующий день после захвата города деникинцами Юрий, рискуя жизнью, нелегально появился в городе.

«В Чернигове были деникинцы. На квартире Р. Гордон по улице Северянской, где мы тогда жили, разместились деникинские офицеры, — вспоминает Макс Вольф (партийная кличка Лешек Кшемень). — Около четырех часов утра мы услышали громкий стук... Юрко в длинной шубе, с

винтовкой за плечами приехал на розвальнях. Первые его слова были: «Кто в городе? Наши или еще деникинцы?» Почти месяц находились деникинские банды в Чернигове, но под нажимом Красной Армии 6 ноября советские войска освободили город.

Зима в тот год была ранняя. Уже в первых числах ноября выпал снег, ударили морозы.

Еще долгие годы шла упорная борьба с контрреволюционным отребьем на Украине. И Юрий все время находится в самой ее гуще. В 1920 году, работая в Полтаве, он выступил в качестве общественного обвинителя на заседании революционного трибунала, где судили контрреволюционеров.

Это выступление усилило к нему ненависть националистически настроенных кулацких элементов. Когда Юрий Михайлович вместе с группой делегатов IV конференции КП (б) Дробнисом, Козюрой и Мироновым ехали из Полтавы в Харьков на конференцию, кулаки налетели на поезд, стоявший на станции Ковяги.

«В вагоне в это время, — вспоминает член КПСС с 1917 года Хуторок-Маркова Гита Ушировна (жена Мифонова), — были Дробнис и Коцюбинский, а Козюра и Миронов вышли к парикмахеру.

Бандиты сразу узнали их и выволокли из вагона. Петлюровцы были хорошо вооружены, и нападение было столь неожиданным, что Дробнис и Коцюбинский не могли оказать сопротивления... По дороге в село бандиты издевались над ними... а когда Привели в село, загнали под хлебный амбар. Очнулись они от шума... Выяснилось, что часть селян требует, чтобы их вытащили из-под амбара, так как хотят послушать рассказ о «коммунии»... Превозмогая страшную боль в теле, едва передвигаясь, опираясь друг на друга, шли наши делегаты. Все село было в сборе... Не зная, что их ждет, Дробнис и Коцюбинский взобрались на импровизированную трибуну. Первым говорил Дробнис о Ленине, о партии, о героической борьбе украинского пролетариата... Юрко Коцюбинский... высокий, статный, красивый... говорит на чистейшем украинском языке, и это сразу вызывает интерес к нему со стороны селян. Он рассказал о предательстве Центральной Рады...»

Четверть своей короткой жизни отдал Юрий Михайлович дипломатической работе. Искусству дипломатии он учился у Г. Чичерина, М. Литвинова и В. Воровского.

Начиная с 1920 года Коцюбинский ведет дипломатические переговоры с Грузией, а также с Румынией и Персией, подписывает мирные договоры с Литвой и Польшей. А 27 декабря 1921 года Политбюро ЦК КП(б)У

рассмотрело вопрос о «назначении уполномоченного представителя Украинской Советской Республики в Австрии». В Вену был послан Коцюбинский.

В июле 1925 года Юрия вновь направили в Австрию — первым советником полпредства СССР, а в мае 1927 года — советником полпредства СССР в Польшу.

В начале двадцатых годов Украинская советская миссия в Вене ютилась на втором или третьем этаже тесного помещения на берегу Дуная. Возглавлял ее Юрий Коцюбинский. Вена в те времена была центром украинской националистической эмиграции во главе с украинским посольством директории.

Политическая обстановка была крайне напряженной. В Советском Союзе — голод, особенно в Поволжье. Юрий Михайлович принимал все меры к тому, чтобы при участии организации Красного Креста наладить помощь голодающим.

Проводя пропагандистскую работу среди молодежи, Юрий иногда устраивал прогулки за город. Бродили по горам, бывали в лесу... Разговоры велись о советской жизни, о международных делах, о венских рабочих и их клубе. Юрий Михайлович «обладал редкостным даром пламенного пропагандиста, — вспоминает Н. В. Суровцева. — На официальных приемах, банкетах посольства... это был прирожденно светский человек со спокойными, сдержанными манерами дипломата. А среди рабочих он был до предела своим, простым, близким».

В тридцатых годах Юрий Михайлович работал заместителем наркома земледелия УССР, а потом был назначен председателем Госплана УССР и одновременно заместителем председателя Совнаркома УССР, членом Оргбюро ЦК КП (б) У.

Сейчас о Юрии Коцюбинском написаны книги, создаются кинокартины, скульптурные портреты. Его именем названы школы, улицы, музеи.

Есть прекрасный образ в последней, незавершенной новелле Коцюбинского «На острове» — агава, цветок, подобный мачте с серой короной твердых листьев, зубчатых по краям и острых на верхушке.

«Всегда волнуюсь, когда вижу агаву, — пишет Коцюбинский. — Там, где-то совсем в глубине, под серым колоколом корней что-то вызревает тайно, вбирая силу из сердца Земли, и на каждом листке, с болью отделяющемся от сердца, остаются следы зубов».

Все имеет свой час, для всего наступает свое время и свой черед. То,

что зрело внутри, вдруг прорывается на волю, размыкая тесные объятия, и выносит на могучем стволе гордый цветок смерти. Овеянная ветром, близкая к небу агава видит теперь то, что не видела раньше. Ей открываются море и скалы, она первой встречает луч и последней прощается с угасающим заревом солнца, а ветер шумит в ее кроне, как в кроне деревьев.

Седые листья тем временем никнут под нею, никнут и вянут словно больные, по ним стекают дожди, синие зубы мертво блестят на солнце, крона сохнет бессильно обмякшей тряпкой, а цветок на высоком пне все так же приветствует солнце, и море, и скалы, и далекие ветры «безнадежным и гордым приветом преждевременно обреченных на гибель».

Много общего в этом образе с благородным обликом самого Коцюбинского, с его жизнью, полной скрытой стойкости земли. Неумная жажда жизнеутверждения, обновления, познания, чувств и действия — без этого не мыслил себя писатель, без этого не было бы его творчества.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. М. КОЦЮБИНСКОГО

1864 — 17 (5 ст. ст.) сентября — Михаил Коцюбинский родился в семье мелкого чиновника.

1873–1875 — Первые литературные опыты; украинские песни по образцу народных.

1876–1880 — Годы учебы в Шаргородском духовном училище (бурсе).

1881 — Связи с подольскими народовольцами.

1883 — Первый политический обыск.

1884–1886 — Пишет рассказы «Андрей Соловейко, или Учение — свет, а неучение — тьма», «Дядько и тетка».

1890 — Литературный дебют. В галицком журнале «Звонок» № 8 опубликовано стихотворение «Наша хатка». Первая поездка во Львов. Знакомство с Иваном Франко. Начало сотрудничества в галицких журналах «Звонок», «Заря», «Правда».

1891 — Сдал экзамен на звание народного учителя при Винницком реальном училище. Выезжает в село Лопатинцы в качестве домашнего учителя. Пишет рассказы для детей «Харитя», «Елочка», повесть «На веру».

1892–1895 — Работа в филлоксерной комиссии (по борьбе с вредителем виноградников) в Бессарабии.

1895 — Работает в той же комиссии на Южном берегу Крыма. Напечатана в «Заре» повесть «Ради общего блага». Написан рассказ из молдавской жизни «Пекоптер».

1897 — Переезжает в Чернигов. Губернатор не утверждает М. Коцюбинского на должность в губернском земстве, как человека «неблагонадежного», и Коцюбинский едет в Житомир, где работает в газете «Волянь».

1898 — Устраивается в Чернигове на должность деловода при Черниговской земской управе.

1901 — Написаны рассказ «Дорогой ценой» и новелла «Куколка», в которой развенчиваются идеалы просветительской интеллигенции.

1902 — Написаны произведения «На камне» и «Цвет яблони».

1903 — Издает альманах «Дубовые листья».

1904 — Путешествие в Крыйи. В «Киевской старине» опубликована 1-я часть повести «Fata morgana» о революции 1905 года в украинской деревне.

1905 — Выступление на общем собрании Черниговской общественной библиотеки с требованием упразднить цензуру на все произведения независимо от языка.

Едет в Берлин лечиться, путешествует по Германии, Италии, Швейцарии.

1906 — Организована черниговская «Просвита». М. Коцюбинского избирают председателем. Событиям 1905 года посвящает новеллы «Смех», «Он идет».

1907 — Пишет «В дороге», «Persona grata».

1908 — Стремится пропагандировать через «Просвиту» революционно-демократические идеи. Губернатор исключает М. Коцюбинского из «Просвиты».

1909, май — Выезжает на Капри. Первая встреча и знакомство с М. Горьким. Выходят переводы рассказов М. Коцюбинского на шведский, чешский, польский и немецкий языки. Написан рассказ «Дебют».

1910 — В «Литературнонаучном вестнике» начинает печататься 2-я часть повести «Fata morgana».

Май — вторично выезжает на Капри. Встречается с В. И. Лениным.

1911 — Пишет повесть «Тени забытых предков». Вышел первый том произведений на русском языке в издательстве «Знание». Положительный отзыв большевистской «Звезды» об этой книге. Ухудшение здоровья. Оставляет работу в земстве.

Ноябрь — едет на Капри, живет у М. Горького.

1912 — На Капри пишет рассказы «Подарок на именины» и «Лошади не виноваты».

Март — Выезжает с Капри. В I книге «Современника» напечатан рассказ «Что записано в книгу жизни», в V книге — «Сон», в XII — «Лошади не виноваты».

Лечится в Киеве в клинике профессора Образцова.

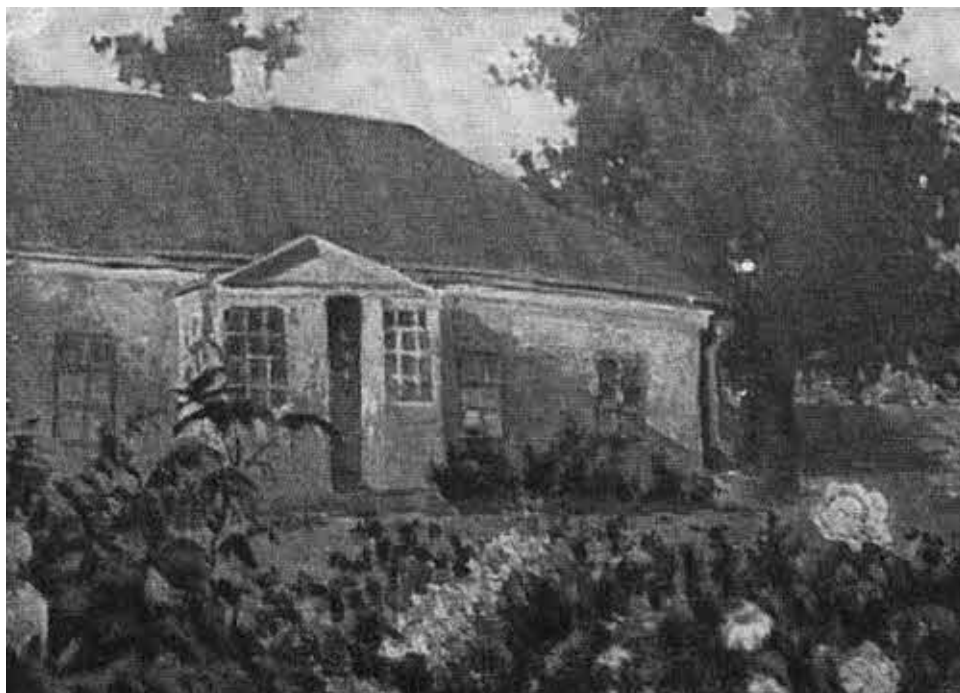
1913 — Возвращается в Чернигов.

25 (12 ст. ст.) апреля Михаил Коцюбинский умирает. Похоронен в Чернигове на Болдиной горе. В «Литературнонаучном вестнике» и в «Вестнике Европы» напечатаны воспоминания М. Горького о М. Коцюбинском.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Гликерия Максимовна Коцюбинская с внуками: Ирой, Оксаной и Юрком. Фото 1901 года.

Домик в Виннице, в котором родился Михаил Коцюбинский.

Художник Н. Бурачек, 1936 год.

Мать писателя — Гликерия Максимовна Коцюбинская.

Отец писателя — Михаил-Матвеевич Коцюбинский.

Писатель в детстве. Фото 1874 года

М. М. Коцюбинский среди сотрудников филлоксерной комиссии в Бессарабии. Фото 1892 года.

М. М. Коцюбинский. Фото 1882 года

Вера Иустиновна Дейша — курсистка Бестужевских женских курсов, будущая жена М. М. Коцюбинского. Фото 1888 года.

1907. Надруковане в Львівській
Харитя. Ч. 16. 91р

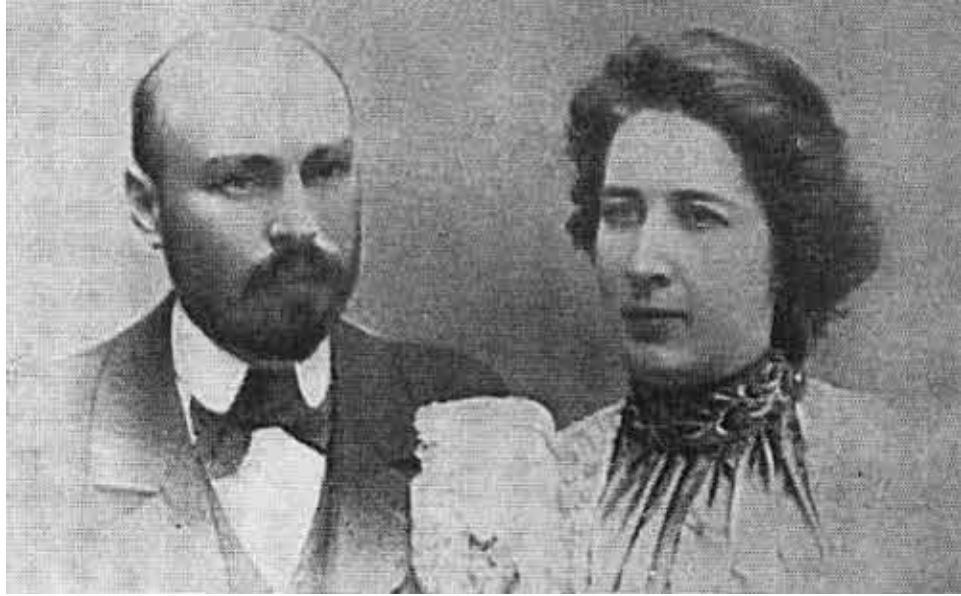
Вони поналі вогонь і червоним злином
лигав ханости. В мавчанській селі було село
до кутках сивоїм діти. На потяги мала сива
та шипка і сивомока. Се мала харитя. Шипка
підли мипуно, як помер її чоловік, Катко Ва-
миді, і вівроді дітка удова турки та сива
з отце виводили діти, як дівчина. Зоста
в самі нтова, в харитя парку, коли всі, ~~в~~
вийі шани, подивили на піву збирати та піву пів
і вродили діти півуно, та мала кошик дітка з сива
се шипка зєдио на зєдио, а вроді мипиді піву
сипка шипка дітка дітка дітка і піву, піву
вала до півуно... Мала дітка мала харитя
та дітка і дітка...

Дітка півуно.

- Що ти, харитя? півуно мала мала сива
- Я, мала!

З-за дітка дітка дітка дітка до піву

Автограф розказа «Харитя».

М. М. Коцюбинский с женой Верой Иустиновной. Фото 1897 года.

М. М. Коцюбинский, Н. Ф. Чернявский и Ф. С. Троян — сотрудники статбюро. Фото 1901 года.

Дом писателя в Чернигове

Кабинет-гостиная писателя.

Письменный стол писателя.

М. М. Коцюбинский. Фото 1901 года.

М. И. Жук. Фото 1908 года.

М. М. Коцюбинский. Портрет работы художника М. Жука. 1907 год.

Группа писателей на открытии памятника И. П. Котляревскому в Полтаве. Слева направо в первом ряду: М. Коцюбинский, Леся Украинка, Г. Хоткевич. Во втором ряду: В. Стефаник, О. Пчилка, М. Старицкий, В. Самийленко. Фото 1903 года.

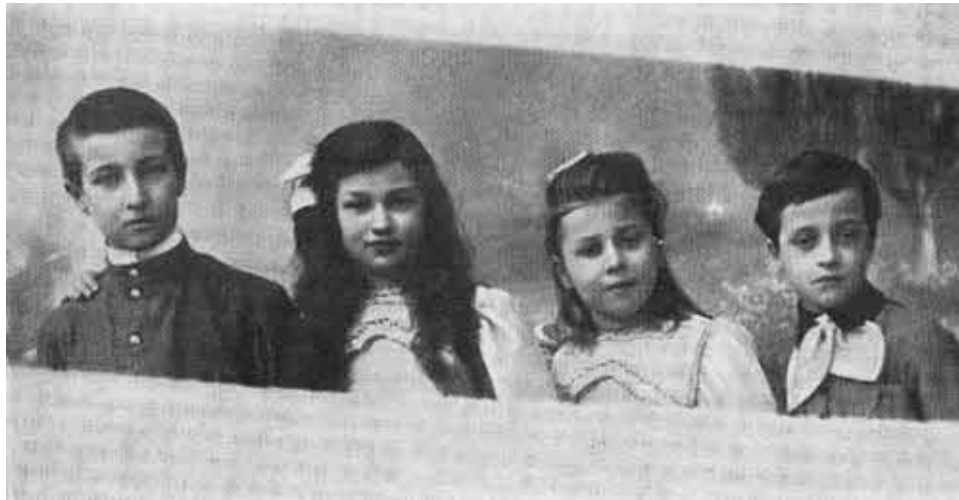
М. М. Коцюбинский, И. Я. Франко, В. М. Гнатюк. Фото 1905 года.

*Певица Мариинского оперного театра в Петербурге Мария Адриановна Дейша-Сионицкая.
Фото 1902 года.*

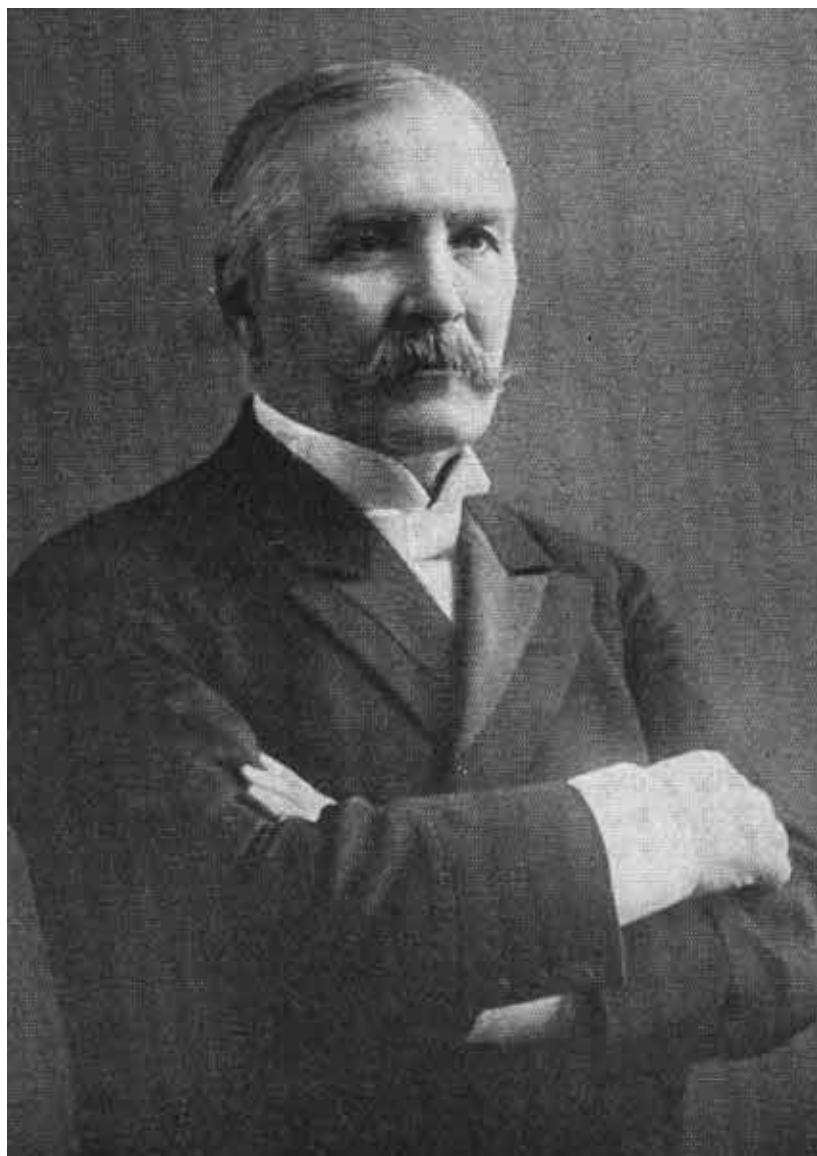
Сад писателя в Чернигове и веранда, где он любил отдыхать.

Дети М. Коцюбинского (слева направо): Юрий, Оксана, Ирина, Роман. Фото 1909 года.

М. М. Коцюбинский с детьми и участниками литературных «понедельников» в саду. Фото 1910 года.

Композитор Николай Витальевич Лысенко. 1907 год. Фото, подаренное М. М. Коцюбинскому.

Черниговская ярмарка. Фото из альбома писателя. 1905 год.

Сон.

Чи дна, чи вил у соні. Коли, ^{навіс} тоді конотридіні, сам
 масові зникли даром, і то, тоді нас жарті, байдуже
 пришиштові все до нудого думати дивити, м. Ми висті
 невід тили і вселенні зниклих ^{мані} мані оточув
 дили і всі тіх самі моє, ^{вирини} вирини у жани, мита
 Євмені риками ^{мані} мані, ^{мані} мані не ^{мані} мані, ^{мані} мані
 Був воя серед міст і рідом, ^{мані} мані ^{мані} мані, що ^{мані} мані
 софі на осини бому мей, як ^{мані} мані ^{мані} мані, ^{мані} мані
 на ^{мані} мані що ^{мані} мані на ^{мані} мані ^{мані} мані, ^{мані} мані
 воголо ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані, ^{мані} мані ^{мані} мані,
 на ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані. ^{мані} мані ^{мані} мані, ^{мані} мані
^{мані} мані, ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані і ^{мані} мані
^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані, ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані
 де ^{мані} мані, ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані
 і ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані ^{мані} мані.

Автограф произведения «Сон».

Обложка к повести «Тени забытых предков».

Художник М. Жук. 1912 год.

Алексей Максимович Горький.

Фото, подаренное М. Коцюбинскому в 1910 году.

А. М. Горький и М. М. Коцюбинский среди итальянских рыбаков. Фото 1910 года.

Грот аццура. Капри. Фото 1909 года

М. М. Коцюбинский и В. М. Гнатюк в Криворивче.

Фото 1911 года.

Павло Григорьевич Тычина.

Фото 1911 года.

Похороны М. М. Коцюбинского 15 апреля 1913 года на Болдиной горе в Чернигове.

Возложение венков на могилу М. М. Коцюбинского. Фото 1964 года.

Юрий Коцюбинский. Фото 1928 года.

А. М. Горький. Фото, подаренное Оксане Коцюбинской. 1911 год.

Оксана Коцюбинская. Фото 1916 года.

Произведения М. М. Коцюбинского, переведенные на иностранные языки.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. КОЦЮБИНСКОГО

Харитя. Ялинка. Маленький грішник. Оповідання. Чернігів, 1895.

В путях шайтана та інші оповідання. Львів, 1899.

Твори, тт. 1–5, Київ, вид-во «Криниця», 1917–1918.

Твори, тт. 1–5, Київ, Держ. вид-во України, 1922–1925.

Твори, тт. 1–5. Вид. друге. Харьків, Держ. вид-во України, 1925–1929.

Твори, тт. 1–5. Київ — Харьків, вид-во «Книгоспілка», 1928–1930.

Твори в чотирьох томах. Київ, Держлітвидав України, 1941.

Твори в 5 томах. Київ, Держлітвидав, УРСР, 1947–1951. АН УРСР.

Твори в 3-х томах, Київ, Держлітвидав, УРСР, 1955–1956.

Твори в шести томах. Київ, Вид-во АН УРСР, 1961–1962.

Собрание сочинений в 4 томах. М., Гослитиздат, 1965.

ЛИТЕРАТУРА О М. КОЦЮБИНСКОМ

И. Франко, 3 останніх десятиліть ХІХ в. «Літературно-науковий вісник», т. 15, 1901, кн. 7.

И. Франко, Южнорусская литература. В кн: «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 41, СПб., 1904. Отдельный оттиск: СПб, 1904.

М. Горький, М. М. Коцюбинский. Собр. соч. в 30 томах, т. 14, М., Гослитиздат, 1951.

П. Тычина, Три встречи, «Известия», 1934, 29 сентября.

Л. Иванов, Михаил Коцюбинский. Критико-биографический очерк. М., Гослитиздат, 1956.

Н. Л. Калениченко, Михайло Коцюбинський. Життя і творчість. Київ, Вид-во АН УРСР, 1956.

О. Шева, «Fata morgana» М. М. Коцюбинського (Джерела і творча історія). Київ, Держлітвидав. УРСР, 1956.

О. Л. Білецький, Українське літературознавство за сорок років (1917–1957). Київ, Вид-во АН УРСР, 1957. Обзор работ о М. М. Коцюбинском.

Д. Мищенко, Розвиток реалізму в творчості М. Коцюбинського. Київ, Держлітвидав, УРСР, 1957.

М. Грицют а, М. Коцюбинський і народна творчість. Київ, Вид-во АН УРСР, 1958.

Н. Калениченко, Новими шляхами. До питання про особливості революційно-демократичного напрямку в українській літературі кінця ХІХ — початку ХХ ст. Київ. «Радянський письменник», 1959.

П. Панч, Зустрічі з Горьким. В кн: «Велика дружба». Київ, Держлітвидав. УРСР, 1959.

М. Коцюбинська, Образне слово в літературному творі. Питання теорії художніх тропів, Київ, Вид-во АН УРСР, 1960.

М. С. Грицюта, Михайло Коцюбинський. Літературний портрет (2-е доп. та перероблене видання). Київ, Держлітвидав УРСР, 1961.

Наукова конференція, присвячена пам'яті М. М. Коцюбинського, 1-а, Чернігів, 1959. Матеріали. Київ, Обл. кн. газ. вид-во, 1962.

Михайло Потупейко, Михайло Коцюбинський. Ранній період життя і творчості Михайла Коцюбинського. Київ, «Радянський письменник», 1964.

П. Колесник, М. Коцюбинський — художник слова. Київ, Вид-во «Наукова думка», 1964.

Н. Калениченко, Великий сонцепоклонник. Життя і творчість Михайла Коцюбинського. Київ, «Дніпро», 1967.

«У вінок Михайлу Коцюбинському» (збірник статей і повідомлень, написаних к 100-летию писателя). Київ, вид-во «Наукова думка», 1967.

Михайло Коцюбинський. Бібліографічний покажчик. Київ, вид-во «Наукова думка», 1964.

И. Купянський. Літопис життя і творчості Михайла Коцюбинського. Київ, вид-во «Наукова думка», 1965.

Н. И. Ж у к, Михайло Коцюбинський. Семінарій. Київ, вид-во «Радянська школа», 1966.

INFO

Коцюбинская Ирина Михайловна
МИХАИЛ КОЦЮБИНСКИЙ. Авториз. пер. с укр. Т. Стах.
М., «Молодая гвардия». 1969.
192 с., с илл. («Жизнь замечательных людей»
Серия биографий. Вып. 6 (466)
8С(Укр.)

Редактор *Г. Померанцева*
Серийная обложка *Ю. Арндта*
Оформление *Р. Лебедевой*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Р. Грачева*

Сдано в набор 2/ХП 1968 г. Подписано к печати 22/V 1969 г.
А04816. Формат 84x108 1/32. Бумага № 2.
Печ. л. 6 (Усл. 10,08) + 17 вкл. Уч. — изд. л. 12,3.
Тираж 65 000 экз. Заказ 2361. Цена 62 коп. Т. П. 1969 г., №
462.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

notes

Примечания

Сергій Козуб. Рід М. Коцюбинського і його дитячі роки. Київ, 1928.
Укр. академія. Історична секція, стр. 9.

Там же, стр. 9.

Там же, стр. 11–13.

Журнал «Україна», 1927, кн. 1.

Материалы по истории православной церкви в бывшем Брацлавском воеводстве с 1776 по 1782 гг. К.-Подольск, 1891.

М. Хрящевський. Михайло Коцюбинський під час свого навчання в Бару. Вінниця, 1929.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 641.

Матеріали до культурної і громадської історії Західної України, т. 1, К., 1928.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 1786. Письмо Л. Украинки М. Коцюбинскому от 13 декабря 1893 года.

М. М. Коцюбинский очень часто давал свои рассказы в сборники, средства от продажи которых шли в общественное пользование. Помимо «Пятизлотника», в 1908 году отец передает рассказ «Persona grata» в сборник «Из неволи», который издавали украинские ссыльные в Вологде. Новелла «Хвала жизни» была помещена в сборнике, изданном в 1912 году полтавским обществом по борьбе с туберкулезом.

В. Федун. М. Коцюбинський і царська цензура, «Радянське літературознавство», 1940, № 5–6.

«Громада» — организация украинской либерально-буржуазной интеллигенции 60—90-х годов. Существовала тайно в Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове и других городах. Занималась культурно-просветительной деятельностью (преподавание в воскресных школах, издание на украинском языке популярной и научной литературы, собирание этнографических и фольклорных материалов). Помимо буржуазных либералов, в деятельности «Громады» принимали участие и представители радикально-демократической молодежи, которые входили в ее левое крыло. Среди них М. Коцюбинский и В. Дейша.

ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 3-е делопроизводство, 1893, д.
№ 874, к. 1–2.

ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 1893, д. № 874, л. 46.

Там же, л. 3.

ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 1893, д. № 874, л. 4.

Там же, л. 5.

ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 1893, д. № 874, л. 20.

ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 1893, д. № 874, л. 37.

Черниговский областной государственный архив, ф. 2-е 1908—9, оп. 1,
д. № 909.

ЦГИА СССР. М. Ф. 102. Д-5, 1886, д. 6378, л. 32.

Крымский областной государственный архив. ОДФ, ф. 26, оп. 2, д. № 3572, л. 1.

Там же.

М. Чернявський. «Червона ліля», Херсон, 1920.

Политический обзор VIII важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время с 1 января по 1 июля 1889 года по делам по государственным преступлениям. Ф. 2-с/336, 1884, оп. 1, д. 15.

Оригинал этого письма хранится в фондах Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 340.

«Просвита» — культурно-просветительная организация, основанная в просветительских целях во второй половине XIX века во Львове. В начале XX века «Просвиты» создавались буржуазно-либеральной интеллигенцией также в Киеве, Чернигове, Одессе и других городах Украины. В их работе принимали участие и прогрессивные деятели, которые боролись за демократическую направленность деятельности «Просвит». Большой вклад в этом смысле сделали Н. Лысенко, Леся Украинка, Панас Мирный. Известна своей прогрессивностью деятельность черниговской «Просвиты» в период председательства в ней М. Коцюбинского (1906–1908 гг.). Легальные возможности «Просвиты» он использовал для революционной пропаганды в годы реакции.

ЦГИА, ф. 102. 00, 1898, ед. хр. 150, д. 317, л. 61–62.

Русины (руснаки) — название, которое в официальной австро-немецкой, а также в польской и русской литературе применялось по отношению к украинскому населению Галиции, Прикарпатья и Буковины.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 530(5).

Там же, 530(8).

Д. Шевелев. М. Коцюбинский и «департамент полиции». К биографии М. Коцюбинского. Журнал «Жизнь и революция», 1928, № 4.

Гнатюк Владимир Михайлович (1871–1926) — известный украинский этнограф, издатель, секретарь Научного товарищества имени Шевченко во Львове. Некоторое время он был директором «Литературно-научного вестника», с 1924 года — академик Украинской академии наук.

Коломыйка — украинская народная песня, особенно распространенная в западных областях — в Закарпатье и Буковине.

В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 15.

С. Иткин. «Годовщина», журнал «Украинская жизнь», 1914, № 4, стр. 50.

«Наші дні» от 20 января 1905 года.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 9.

Журнал «Червоний шлях», 1926, № 4.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 675.

Черниговский областной государственный архив, ф. 2-с/336, 1905, он.
1, д. 329.

ЦГИА УССР, ф. 274, 1905, д. 900 и ф. 274, 1912, д. 2512.

ЦГИА СССР, ф. 274, 1905, д. 900.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 2437.

В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 183.

Там же, стр. 184.

Листи М. Коцюбинського до О. Аплаксіної. К. АН УРСР, 1938.

Там же.

Я. Брик. «Місця минулого и майбутнього», ДВУ, 1929.

Рукопись. Фонды Черниговского литературно-мемориального музея
М. Коцюбинского, инв. № 103.

ЦГИА УРСР, ф. 275, д. 107 за 1904 год Киевского охранного отделения.

ЦГИАМ, фонд департамента полиции, 1907, д. 3410, л. 12.

ЦГИАМ, ф. 102.00, 1907, с. 9, ч. 76.

ФЧО с/304, 1907, д. 207.

Там же, д. 234-а.

«ЦГИАМ, ФДП, 7-е д во, 1907, д. 3410, л. 10.

Там же.

Письма М. Коцюбинского Е. Чикаленко от 26 сентября и 2 декабря 1908 года. Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 250, 251.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 2021.

В апреле 1905 года Коцюбинский лечился в Берлине, а потом путешествовал по Италии, Швейцарии и Австрии.

В сборник вошли два произведения — «На веру» и «Дорогой ценой». В 1918 году вышло новое издание этой книги.

Ю. А. Желябужский, Протокол бесед с сотрудниками архива А. М. Горького. М.А.Г. 4-17-1.

Воспоминания Ковалевской Р. И. Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 42 н/д.

Сводки материалов наблюдений по г. Чернигову за лицами, принадлежащими к местной организации социал-демократической рабочей партии за время с 1 июня по 1 июля 1907 года. Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 238.

Из воспоминаний старого большевика В. А. Ордынского.

В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 323.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 590.

В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 379.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 511. Письмо М. Коцюбинского жене от 15 июня 1910 года. Письмо М. Жуку от 2(15) июля 1910 года, № 281.

В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 271.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М. Коцюбинского, инв. № 643.

Данные о встрече Коцюбинского с В. И. Лениным см. также: Нариси історії Комуністичної партії України. К., 1964.

Телеграмма эта хранится в ФЧО № 5 с/275, дело № 651.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 291.

Шаровары и куртки.

ДП, 1912, дело 13, часть 91, ЛЮ, с. 2. В советское время И. П. Товстуха был заместителем директора Всесоюзного института марксизма-ленинизма в Москве, похоронен у кремлевской стены.

Письмо П. Тычины М. Коцюбинскому от 10 февраля 1912 года.
Черниговский литературно-мемориальный музей М. Коцюбинского, инв. №
1953.

Из архива автора.

Черниговский литературно-мемориальный музей М. Коцюбинского, инв. № 240. Письмо Е. Ф. Галдзевича к отцу от 22–23 декабря 1909 года.

Листи М. Коцюбинського до О. Аплаксіної, 1938, АН УРСР.

Черниговский литературно-мемориальный музей М. Коцюбинского,
инв. № 740.

В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 42.

ДПБ. АН УРСР. Збірник оглядів фондів відділу рукописів, XV. Письмо не датировано.

Черниговский литературно-мемориальный музей М. Коцюбинского,
инв. № 217, м — б.

Черниговский литературно-мемориальный музей М. Коцюбинского,
инв. № 271, м — б.

Журнал «Летопись революции», М., 1927, № 2.

Воспоминания С. Урина от 2 сентября 1957 года. Черниговский литературно-мемориальный музей М. Коцюбинского, инв. № 223.

Черниговский облпартархив. Ф. 7685, опись I, дело 74.

Журнал «Летопись революции», 1927, № 2.

Письмо к автору книги от 7 октября 1965 года.

Фонды Черниговского литературно-мемориального музея М.
Коцюбинского, инв. № 842, к. в.

В. И. Ленин, Соч., т. 26. стр. 464.

ЦГАОР УССР, ф. 1, д. 2, л. II. «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3.